

ПОЛИТОЛОГИЯ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Сборник научных трудов
Евразийского собрания
политологов

Основан в 2018 году

Выпуск 1

Минск
«Беларуская навука»
2018

УДК 32-027.21(082)

Политология: государственная политика и управление : сб. науч. тр. Евразийского собрания политологов / сост.: Н. А. Антанович, О. Е. Побережная, Л. В. Слуцкая ; редкол.: С. В. Решетников (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2018. – Вып. 1. – 149 с. – ISBN 978-985-08-2309-0.

В сборнике рассмотрены вопросы истории и методологии политической науки, политические проблемы международных отношений, политическая регионалистика, этнополитика.

Предназначен для экспертов, аналитиков, управленцев, ученых и всех, кто интересуется политическими проблемами.

Составители:

канд. полит. наук, доц. Н. А. Антанович;
канд. полит. наук О. Е. Побережная;
канд. ист. наук, доц. Л. В. Слуцкая

Редакционная коллегия:

д-р полит. наук С. В. Решетников (гл. ред.); канд. полит. наук Н. А. Антанович (зам. гл. ред.); д-р полит. наук В. В. Бушник; д-р полит. наук В. Н. Ватиль;
д-р полит. наук Л. Е. Земляков; д-р полит. наук С. А. Кизима; д-р филос. наук Л. Е. Криштапович

Редакционный совет:

Р. Б. Абсаттаров, д-р филос. наук, проф., чл.-кор. Акад. наук Казахстана (Казахстан, Алматы); М. И. Вишневский, д-р филос. наук, доц., заслуж. работник образования (Беларусь, Могилев); Т. И. Довнар, д-р юрид. наук, проф. (Беларусь, Минск); В. Зендер, д-р философии, Программный директор по Беларуси Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия, Берлин); В. Е. Козляков, д-р ист. наук, проф. (Беларусь, Минск); А. А. Маркаров, д-р полит. наук, проф., зам. проректора, начальник Управления междунар. сотрудничества Ереванского гос. ун-та (Армения, Ереван); А. А. Ширинянц, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой истории соц.-полит. учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва); Н. Е. Захарова, канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Ин-та философии НАН Беларуси (Беларусь, Минск)

Рецензенты:

канд. полит. наук, доц. Д. В. Белявцева;
канд. полит. наук, доц. С. В. Зенченко

ISBN 978-985-08-2309-0

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Первый номер специализированного сборника научных трудов по политическим наукам «Политология. Государственная политика и управление» издается по инициативе *сообщества политологов* ряда стран Евразийского пространства.

Концепция сборника состоит в том, чтобы создать площадку для развития политических исследований в области разработки и формирования основных направлений государственной политики и управления в специфических условиях развития современного государства. Особое внимание будет уделяться научному направлению, состоявшемуся в англо-саксонской традиции как *Public Policy and Administration* – «Государственная политика и управление», находящегося в процессе институционального становления в Республике Беларусь и других странах СНГ.

Более детально рубрики и направления публикаций сборника можно представить следующим образом. Первое направление – теория и философия политики, история и методология политической науки. Второе – политические институты, процессы и технологии. Третье – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Четвертое – политическая регионалистика, этнополитика.

Рубрики сформированы на основе тех фундаментальных направлений исследований и предметных полей, которые разрабатываются политической наукой с учетом специфики национальной повестки дня, а также востребованности и актуальности тех или иных тем для продвижения научного обоснования государственной политики в постсоветских странах.

Результаты исследований, научные статьи, представленные в сборнике, предназначены для широкого обсуждения и имеют целью информировать научное сообщество и большой круг читателей об актуальных вопросах политической науки, дать материал для дискуссии, прогноза и реализации принципа открытости интерпретации политических событий и проблем.

Наши потенциальные читатели – это эксперты, аналитики, управленцы, ученые, преподаватели, публичные политики, граждане, интересующиеся политическими проблемами.

*Доктор политических наук, профессор С. В. Решетников,
кандидат политических наук, доцент Н. А. Антанович*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 32.009

Решетников С. В.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ПОЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КАФЕДРЕ ПОЛИТОЛОГИИ БГУ

Reshetnikov S. V.

HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE POLITICAL RESEARCH FIELDS DEVELOPMENT AT THE DEPARTMENT OF POLITICAL SCIENCE OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

Цель статьи – обосновать и классифицировать основные тенденции в развитии национальной политической науки. Объект исследования – процесс становления статусного самоопределения и развития предметных полей политической науки БГУ. Актуальность представленных материалов обусловлена необходимостью разработки отечественной методологии политической науки. Без серьезной научной проработки целей публичной политики, средств ее реализации и оценки невозможно формирование государственных программ социально-экономического и культурного развития Республики Беларусь. Материалы статьи имеют значение как в плане научном (разработка фундаментальных направлений белорусской политической науки), так и в практическом (разработка социальных технологий формирования и реализации государственной политики в важнейших сферах жизни белорусского общества).

Ключевые слова: политическая наука, теория и методология политической науки, политические процессы и институты, политическая культура и идеологии, международные политические отношения, политическая регионалистика и этнополитика.

The article is devoted to the analysis of the processes of formation and development of subject fields of political science in Belarusian State University. The object of research is the process of status self-determination and development of subject fields in political science, developing in the BSU. The relevance of the materials presented in the article is due to the need to develop a domestic methodology for political science. Without a serious scientific study of the objectives of public policy, the means for its implementation and evaluation, it is impossible to formulate state programs for the social, economic and cultural development of the Republic of Belarus. The materials of the article are important both in terms of the scientific (the development of the fundamental directions of the Belarusian political science) and in the practical (the development of social technologies for the formation and implementation of state policy in the most important spheres of life of the Belarusian society).

Keywords: Political science, Theory and methodology of political science, Political processes and institutions, Political culture and ideology, International political relations, Political regionalism and ethnopolitics.

Политология сейчас представляет собой важнейшую и престижную научную и учебную дисциплину, занимающую достойное место в системе социальных и гуманитарных наук. Сейчас трудно назвать сколько-нибудь крупный университет социального и гуманитарного профиля, где не преподавалась бы политология. В нашей стране главную роль в разработке ключевых проблем политической науки и подготовке кадров политологов должны играть университеты. В учебных программах средних общеобразовательных школ существенное место отводится политической науке. Во многих школах ученики старших классов реализуют полученные на уроках политологические знания в повседневной школьной и внешкольной жизни.

Важнейшим центром подготовки научных кадров в области политической науки является Белорусский государственный университет. С 1992 г. на отделении политологии юридического факультета БГУ ведется подготовка специалистов с высшим образованием с квалификацией политолог-юрист. На базе кафедры политологии функционирует магистратура, аспирантура, докторантура. Совет по защите докторских диссертаций при БГУ с 1992 г. осуществляет подготовку кадров высшей квалификации по трем специальностям: «Теория политики, история и методология политической науки», подготовлено 12 кандидатов наук

и 2 доктора наук, «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии», подготовлено 17 кандидатов наук и 4 доктора наук, «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» подготовлено 3 кандидата наук и 3 доктора наук. Всего за последние 20 лет в Республике Беларусь подготовлено около ста кандидатов политических наук и 10 докторов политических наук. Две докторские диссертации защищены за пределами Беларуси.

В Беларуси пока нет научных учреждений, которые проводили бы фундаментальные исследования в сфере политических наук, государственной политики и государственного строительства. Политологию у нас путают то с политикой, то с идеологией. На самом деле это наука, в которой есть несколько отраслей: методология политики, теория политики, теория государственного управления и государственной политики, сравнительная политология, теория международных отношений. Причем каждая из них подразделяется на десятки поддисциплин. Чтобы дать правительству какой-либо научно обоснованный политический прогноз, должны работать профессионалы. Но где их взять? Мы не имеем ни института политологии, ни других институтов и научных центров, которые занимались бы анализом и методами реализации национальной политики.

Конечно, есть академические Институт экономики, Институт социологии, решающие свои, специфические проблемы. Но нет той основы, на которой могли бы подобные учреждения концентрироваться вокруг междисциплинарного исследовательского центра. Ибо государственная политика складывается из множества частей: экономической, политологической, производственной, образовательной и других. Объединение их одной небольшой группой людей просто невозможно.

Некоторые разработки ведутся на кафедре политологии БГУ. Но это лишь эксперименты – на большее учебное заведение просто не способно.

В Республике Беларусь не получили достаточного развития следующие отрасли научных знаний:

методология анализа государственной политики и управления;

теоретические принципы формирования и реализации государственной политики в Республике Беларусь;
теория принятия управленческих решений.

Причина заключается в том, что эти научные направления являются важнейшими отраслями политической науки. Поскольку в Республике Беларусь нет института политологии в рамках Национальной Академии наук, постольку нет координационного центра фундаментальных исследований по этим направлениям.

Как комплексное направление научных исследований, как направление образования «Государственное управление» активно развивается в Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В связи с тем, что не получает должного развития фундаментальная наука государственного управления, и в высшей школе отсутствует мотивация к изучению предметов этого цикла. В ОКРБ 011–2009 (дата введения: 2009–07–01) есть специальность «Государственное и муниципальное управление» с квалификацией экономист, поскольку большинство экономистов ставят знак равенства между государственным управлением и государственным регулированием экономики, что неправомерно. К тому же представители юридических наук зачастую отождествляют государственную политику и управление (Public policy and Administration) с административным правом.

Особенность современного этапа развития политологии в Беларуси – накопление потенциала. Первостепенная задача политической науки – это анализ политических феноменов и политических реальностей нашей страны, ибо мировой политический опыт приобретает значимость лишь в соотнесении с интересами, потребностями, побуждениями конкретной страны. И у нас политическая наука в собственном смысле слова может быть только национальной по сути.

Следует проявить особую заботу о качестве преподавания и изучения политологии, об уровне научных исследований в этой сфере. Следовательно, нужны обоснованные и регулярно обнов-

ляемые государственные образовательные стандарты по политологии, механизмы контроля за их соблюдением, развитая система лицензирования, аттестация и аккредитация учебных заведений, координация политологических исследований.

Центральное место в политической науке занимает проблематика государства, так как государство – это основной элемент политической системы общества. Многие политологи поэтому используют в своей работе следующее определение политологии – *это наука о государстве, характере и функциях правительства по реализации государственной власти*. В настоящее время белорусские политологи много внимания в своей научной и преподавательской работе уделяют определению предметных полей, характеризующих именно политологические аспекты анализа государства. Мы исходим из того, что границы политической системы совпадают с границами конкретного государства. Однако методологически, исходя из требований системного анализа, можно политическую (государственную) систему разделить условно на три блока.

Процессуальный блок (на «входе» в центры принятия политических решений) включает в себя такие элементы политической системы, как политические партии, политическая культура, выборы, структуры гражданского общества, СМИ, общественное мнение.

Институциональный блок (центры принятия политических решений) включает такие элементы, как Президентство, Законодательная власть, Исполнительная власть, местная власть.

Инструментальный блок («выходы») центров принятия решений) включает в себя такие элементы, как разновидности государственной (публичной) политики, экономическая политика, социальная, в области культуры, внешняя политика, региональная или государственная политика на локальном уровне. Указанная методология нашла отражение в таких важных документах, как государственный образовательный стандарт по предмету «Политология» и специальности «Политология», программах кандидатского минимума и паспортах специальностей по политическим наукам в Республике Беларусь.

С начала 1990-х гг. исследования предметных полей политических исследований концентрируются в основном на базе кафедры политологии юридического факультета и в рамках Совета по защите докторских диссертаций по политическим наукам при БГУ (Д 02.01.18).

Деятельность Совета по защите диссертаций хронологически и по составу участников выглядит следующим образом: Совет по защите диссертаций Д 056.03.11 (1991–1995) 23.00.01 – «Теория политики, история и методология политической науки»; 23.00.02 – «Политические институты и этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии»; 23.00.04 – «Политические проблемы международных отношений и глобального развития».

Членами Совета по защите диссертаций Д 056.03.11 состояли видные ученые философы, социологи, историки и юристы: Байчоров Александр Мухтарович, доктор философских наук, профессор, 23.00.02; Челядинский Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, 23.00.01; Ухванов Виктор Никифорович, кандидат философских наук, доцент, 23.00.02; Абрамович Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, 23.00.01; Бабосов Евгений Михайлович, доктор философских наук, профессор, 23.00.01; Гусев Анатолий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, 23.00.02; Дробязко Степан Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, 23.00.01; Евменов Леонид Федорович, доктор философских наук, профессор, 23.00.01, 23.00.04; Китаев Николай Иванович, доктор исторических наук, профессор, 23.00.02; Котляров Игорь Васильевич, доктор социологических наук, профессор, 23.00.01, 23.00.02; Шавель Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, 23.00.04; Круталевич Вадим Андреевич, доктор юридических наук, профессор, 23.00.02; Розанов Анатолий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, 23.00.02, 23.00.04; Савостюк Антон Иванович, доктор философских наук, профессор, 23.00.01.

Во второй состав Совета по защите диссертаций Д 02.01.18 (1997–2001) вошли: Решетников Сергей Васильевич, доктор по-

литических наук, профессор, 23.00.01; Челядинский Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, 23.00.01; Денисюк Нина Павловна, кандидат философских наук, доцент, 23.00.02; Антонович Иван Иванович, доктор философских наук, профессор, 23.00.04; Бригадин Петр Иванович, доктор исторических наук, профессор, 23.00.01; Гусев Анатолий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, 23.00.02; Котляров Игорь Васильевич, доктор социологических наук, профессор 23.00.02; Розанов Анатолий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, 23.00.02, 23.00.04; Ротман Давид Генрихович, доктор социологических наук, профессор, 23.00.01, 23.00.02; Снапковский Владимир Евдокимович, доктор исторических наук, профессор, 23.00.01, 23.00.04; Шавель Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, 23.00.02; Шалькевич Вячеслав Феликсович, доктор философских наук, профессор, 23.00.01; Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор, 23.00.01; Евменов Леонид Федорович, доктор философских наук, профессор, 23.00.01.

Одним из важнейших предметных полей научных исследований на кафедре политологии стало направление «Теория и философия политики, история и методология политической науки». В рамках этого направления кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе докторские диссертации, например, «Концепция правового государства в либеральной политической мысли России второй половины XIX – нач. XX в.» (2002 г.) В. Н. Ватыля.

В. Н. Ватыль подготовил ряд фундаментальных монографий, в том числе: «Государство как гарант человеческой свободы (Интерпретация русской формы раннего политического либерализма)» [1], «Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса» [2], «Сильное и эффективное государство: историко-персонологический дискурс» [3]. В. Н. Ватыль явился организатором 7 международных конференций в Гродно: «Белорусская политология: многообразие в единстве».

Важным событием в научной жизни Республики Беларусь стала защита докторской диссертации В. А. Мельника «Государственная идеология Республики Беларусь: теоретико-методологические аспекты» (2004 г.). В. А. Мельник проводит научные исследования в области теории и методологии государственной политики в Республике Беларусь: «Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология» [4], «Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы» [5]. На базе научных изысканий профессора В. А. Мельника сформировалось целое поколение учебников и учебных пособий по предмету «Политология» с грифом Министерства образования Республики Беларусь. В их числе: «Современный словарь по политологии», «Введение в политическую теорию».

В рамках предметного поля «Философия политики, теория и история политической науки» (по шифру 23.00.01) в БГУ сформировалась научная школа, базирующаяся на диссертационных исследованиях ряда авторов: Горелик Александр Викторович «Общественный идеал современной социал-демократии: теория и практика» (1992 г.); Малевич Юлиана Игоревна «Отражение принципов концепции прав человека во внешнеполитических доктринах США (1970–80 гг.)» (1995 г.); Курбыка Тамара Ивановна «Теория конфликта Р. Дарендорфа и социально-политические конфликты в современном обществе» (1995 г.); Антанович Нина Арсеньевна «Системный подход в политической науке» (1998 г.); Скок Наталья Владимировна «Социальные детерминанты политической культуры общества» (1995 г.); Паречина Светлана Геннадьевна «Президентство в политической системе общества: сравнительный анализ» (2001 г.); Подкопаев Владимир Викторович «Теоретические проблемы формирования и циркуляции элит в политической системе США» (2001 г.); Дорошенко Александр Валерьевич «Статус и роль исполнительной власти в политической системе общества» (2001 г.); Екадумова Ирина Ивановна «Политическая социализация личности как категория политической науки» (2003 г.); Белявцева Дина Владимировна «Теоретические аспекты исследования региональных особенностей политического сознания современного белорусского общества»

(2004 г.); Давыденко Светлана Семеновна «Политика государства в отношении религиозных организаций в Республике Беларусь» (2005 г.); Суздалева Ирина Владимировна «Теоретические аспекты формирования государственной региональной политики в Республике Беларусь» (2005 г.); Стром Александра Викторовна «Теоретико-методологические аспекты анализа политической системы Республики Беларусь» (2009 г.).

В рамках научного направления «Политические институты, процессы и технологии» (23.00.02) кафедрой политологии и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе докторские диссертации: Решетников Сергей Васильевич «Анализ процесса принятия политических решений в политической науке США (функционально-динамический аспект)» (1995 г.); Земляков Леонид Евгеньевич «Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь» (2000 г.); Бущик Василий Васильевич «Социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период: социолого-политолог. анализ» (2000 г.); Махмадов Абдурахман Наврузович «Процесс межнационального общения как социальный политический феномен (опыт Таджикистана)» (1993 г.).

Подготовлены также и кандидатские диссертации по исследованию политических институтов, процессов и технологий: Баранова Елена Владимировна «Задачи демократического обновления молодежного движения в республике (на примере Союза молодежи Беларуси)» (1992 г.); Белостечник Алла Ивановна «Роль периодической печати в формировании национального самосознания» (1992 г.); Ясев Владимир Викторович «Национальная политика партий и общественных движений Республики Беларусь» (1993 г.); Тхай Нгок Танг «Политическая система Вьетнама в условиях экономической реформы» (1994 г.); Котиков Александр Филиппович «Группы давления в политической системе общества: сравнительный анализ» (1995 г.); Викторчик Олег Яковлевич «Процесс формирования политической культуры будущих офицеров вооруженных сил» (1995 г.); Агеев Вячеслав Васильевич «Политическая интеграция стран Западной Европы

и европолитики ФРГ» (1995 г.); Белобродская Яна Алексеевна «Армия в процессе трансформации политической системы» (1995 г.); Белобродский Дмитрий Георгиевич «Типологические особенности форм демократии и диктатуры» (1997 г.); Скакун Евгений Всеволодович «Политическое сознание студенческой молодежи в условиях переходного общества» (1999 г.); Кузнецова Инна Александровна «Электоральное поведение в политической системе общества: сравнительный анализ» (2000 г.).

В период действия Совета в 2001–2006 гг. подготовлены следующие диссертации: Ляхович-Петракова Наталья Викторовна «Трансформация политической элиты в постсоциалистических странах» (2001 г.); Вожгурова Оксана Владимировна «Партии Беларуси в борьбе за политическое лидерство на современном этапе (социально-политический анализ)» (2003 г.); Ковалева Ирина Валерьевна «Национальные меньшинства как объект государственной национальной политики Республики Беларусь» (2003 г.); Роговцов Дмитрий Александрович «Политическая символика как способ организации политического пространства переходного общества» (2003 г.); Лапа Ольга Владимировна «Феминизм как идеология и социально-политическое движение» (2006 г.); Карпухина Ирина Алексеевна «Избирательный процесс в политической системе Республики Беларусь» (2007 г.); Ильина Елена Михайловна «Формирование и реализация государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации» (2007 г.); Слижева Олеся Викторовна «Иммиграционная политика Европейского союза: общие принципы и их реализация на национальном уровне (на примере Испании)» (2009 г.).

В рамках шифра 23.00.02 подготовлены следующие диссертации: Абраменко Елена Геннадьевна «Становление и развитие парламентаризма как политического института в переходном обществе» (2010 г.); Тишкевич Михаил Яковлевич «Технология связей с общественностью в местном управлении и самоуправлении Республики Беларусь» (2011 г.); Филиппов Александр Анатольевич «Политические идеи Мишеля Афляка в формировании сирийской политической системы» (2011 г.); Клинова Екатерина Викторовна «Институт местного самоуправления в Республике

Беларусь» (2013 г.); Самер З. Абдул Разак «Формирование партийной системы Республики Ирак (2003–2011)» (2013 г.); Зенченко Сергей Валентинович «Формирование и реализация государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь» (2013 г.); Пяташова Екатерина Михайловна «Государственная политика Республики Беларусь в области ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС» (2015 г.); Волина Лилия Георгиевна «Гендерная политика в Республике Беларусь: процессы и механизмы реализации» (2016 г.); Сорокин Александр Алексеевич «Трансформация массового сознания в политическом процессе: сущность, специфика, проблема манипуляции» (2016 г.).

В рамках научного направления «Политическая культура и идеология» (23.00.03) кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе такие кандидатские диссертации, как: Допкюнас Андрей Вадимович «Политическая культура молодежи Великобритании» (1992 г.); Нгуен Ван Тхань «Гуманистическое воспитание личности студента в современных условиях (на опыте СНГ и СВР)» (1992 г.); Жарикова Алла Андреевна «Формирование политической культуры студенческой молодежи в современных условиях (на примере учебных заведений искусств и культуры Республики Беларусь)» (1993 г.); Цзян Е. «Политическая идеология периода перестройки» (1993 г.); Добряев Павел Анатольевич «Студенческая молодежь как субъект политического процесса: теоретико-методологический аспект» (1993 г.).

В рамках научного направления «Политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития» (23.00.04) кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе такие докторские диссертаций, как: Агеев Вячеслав Васильевич «Немецкий федерализм и европейская интеграция» (2002 г.); Малевич Юлиана Игоревна «Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации» (2005 г.); Матусевич Евгений Вячеславович «Национально-государственные инте-

рессы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации» (2005 г.); Кизима Сергей Анатольевич «Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект» (2009 г.); Есин Руслан Олегович «Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение» (2012 г.).

Подготовлены также и кандидатские диссертации по данному направлению: Достанко Елена Анатольевна «Европейское сообщество государств как международная система: процессы реструктуризации на рубеже XX–XXI вв.» (1998 г.); Шевченко Александр Владимирович «Межгосударственная интеграция – стратегическое направление развития СНГ» (2001 г.); Сакович Василий Андреевич «Влияние интеграции и глобализации на социально-политический выбор трансформирующихся государств (на примере Республики Беларусь и Республики Молдова)» (2002 г.); Малевич Юлиана Игоревна «Отражение принципов концепции прав человека во внешнеполитических доктринах США (1970-80 гг.)» (1995 г.); Гринева Ольга Николаевна «Политика нейтралитета в условиях глобализации» (2008 г.); Ломов Сергей Александрович «Геополитический аспект национальной безопасности Республики Беларусь» (2009 г.); Пузырев Дмитрий Александрович «Исламский радикализм в мировой политике» (2009 г.); Веремеев Николай Юрьевич «Трансформация государственного суверенитета в условиях Европейского союза» (2009 г.); Свиридов Артем Васильевич «Геополитическое пространство Республики Беларусь в условиях глобализации: информационное и политическое измерение» (2015 г.).

В 2016 г. приказом Министерства образования в БГУ открыта подготовка кадров высшей квалификации (аспирантура, докторантура) по специальности 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика». На кафедре политологии подготовлены следующие публикации по данному направлению:

Решетников С.В., Антанович Н. А., Побережная О. Е. Значение политического сознания для постановки общественных проблем на повестку дня политики (на примере Республики Беларусь) // Вестн. БГУ. Сер. 3. – 2015. – № 3. – С. 110–114;

Решетников С. В., Чудаков М. Ф., Антанович Н. А. О содержании социально-гуманитарного образования в части изучения политико-правовой сферы общества // Высшэйшая школа. – 2012. – № 1. – С. 36–40;

Антанович Н. А. Коммуникативное измерение современной политики: блоги и форумы // Вестн. БГУ. Сер. 3. – 2014. – № 1. – С. 82–87;

Антанович Н. А. Политический дискурс войны и мира в конструировании концепта международной безопасности // Международная безопасность и НАТО в 2014 г.: сб. материалов Международ. семинара, Минск, 4–5 дек. 2014 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. – Минск, 2015. – С. 16–22;

Земляков Л. Е., Коликова Н. Н. Конфессиональная политика в Республике Беларусь // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2014. – № 4. – С. 3–9;

Земляков Л. Е. Религиозный фактор в контексте национальной безопасности Республики Беларусь // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2012. – № 6. – С. 5–9;

Шимов В. В., Решетников С. В. Партнерство во имя благополучия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Республика Беларусь Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства, Респ. Беларусь, Минск, 13–14 июня 2013 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2014. – С. 69–78;

Шимов В. В. Истоки билингвизма в Беларуси и Украине // Беларуская думка. – 2013. – № 6. – С. 46–52;

Шимов В. В. Факторы конфликтности на Украине // Социология. – 2014. – № 2. – С. 26–36;

Шимов В. В. Рост политического радикализма на постсоветском пространстве мира // Проблемы управления. – 2015. – № 4 (57). – С. 150–154;

Шимов В. В. Белорусская идентичность в контексте белорусско-российской интеграции // Социология. – 2015. – № 4. – С. 67–75;

Шимов В. В. Беларусь, Россия, Украина в цивилизационной и геополитической динамике. – Минск: БГУ, 2010. – 155 с.

На кафедре ведется разработка научного направления в рамках предметного поля «Государственная политика и управление». Основные публикации по данному направлению:

Антанович Н. А. Методология политического анализа процесса государственного управления. – Минск, 2012. – 247 с.;

Антанович Н. А. Основные направления современных административных реформ: на примере США и КНР // Весн. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2015. – № 1 (83). – С. 28–33;

Антанович Н. А. Концептуальные основы прикладного анализа публичной и государственной политики: от позитивистской к постпозитивистской парадигме // Вестн. БрГУ. – 2013. – № 2. – С. 50–55;

Антанович Н. А. Применение метода сценариев в прикладном политическом анализе // Иппокрена. – 2013. – № 1 (22). – С. 5–13;

Антанович Н. А. Концептуальная динамика в политической науке: сравнительный анализ понятий «политическая система», «политическая сеть», «социальное пространство», «политическое поле» // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2015. – № 2. – С. 70–77;

Антанович Н. А. Электронное правительство как технология государственного управления (сравнительный анализ) // Bulletin of Yerevan University. International Relations. Political Science. Вестн. Ереван. ун-та. Сер. 6, Международные отношения, политология. – 2017. – № 1 (22). – С. 34–45;

Антанович Н. А. Измерительные индексы в дескриптивном анализе политических процессов и государственного управления // Хабаршы вестник. Вестн. КазНПУ. Сер., Социол. и полит. науки. – 2017. – № 3 (59). – С. 97–104.

Динамичное развитие любого государства невозможно без политических, социальных идей и идеалов, которые формируются в научной сфере, а затем транслируются в преподавании общественных и гуманитарных дисциплин. За годы суверенного развития нашей страны была сохранена и приумножена институциональная инфраструктура для развития социально-гуманитарного знания. Независимость страны – это право и обязанность думать и принимать решения самостоятельно. Социально-гуманитарная наука в Беларуси обеспечивает интеллектуальную поддержку и научное обеспечение государственного, социально-экономиче-

ского и культурного развития Республики Беларусь, а также выполняет мировоззренческую и воспитательную функции в области образования [8].

Формальное измерение политики воплощено в политическом строе общества, закреплённом конституционным образом. Формальное измерение политики концентрируется в понятии «конституционный строй».

Содержательное измерение политики – это политический курс, который связан с конкретными общественными интересами, ценностными ориентациями, с технологиями принятия политических решений. Содержательное измерение политики связано с деятельностью государства и социальных групп по решению значимых социальных проблем (например, экономическая политика, политика в области образования, здравоохранения и т. д.). Содержательное измерение отражает сферу политического управления, подконтрольную общественности.

Содержательное измерение политики связано с реализацией политического курса. Соответственно на этом уровне политические решения облекаются в нормативно-правовую форму и концентрируются в правовых актах, подчинённых конституции и законам страны. Реализация политического курса обеспечивается нормами административного права. Два первых уровня политики (формальный и содержательный) в большей степени несут в себе элементы стабильности, чем изменчивости.

Процессуальное измерение отражает конкретные политические процессы, которые имеют волевые, интеллектуальные, социально-психологические формы. Политический процесс зачастую сравнивают с «борьбой за власть». Процессуальное измерение политики в отличие от двух первых собственно и связано со «стихией борьбы за власть». На этом уровне реализации политики ключевое значение имеют нормы избирательного права, конституционно закреплённые и разъяснённые в соответствующих нормативных актах политические права. Хотя процессуальное измерение политики не является жестко формализованным, оно создает почву для институционализации тех или иных социальных практик в виде правовых норм [8].

И политика, и право связаны с существованием государственных институтов. Многочисленные теоретические концепции политики прямо или косвенно её центральным пунктом выделяют государство и политическую власть. Однако тогда как право является совокупностью норм, защищаемых государством, политика рассредоточена в обществе, постоянно продуцируется деятельностью различных социальных групп. Право самым непосредственным образом опирается на политические (не только государственные) институты. Политическая природа, политические свойства в большей или меньшей степени характерны для всех правовых явлений. *Общесоциальная составляющая* показывает то, что в любом государстве право является не только групповым инструментом, но и выражением компромисса между различными социальными группами.

В соответствии с Положением о порядке открытия подготовки по специальностям для получения послевузовского образования в учреждениях образования и организациях, реализующих образовательные программы послевузовского образования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июля 2011 г. № 1016 «О регулировании некоторых вопросов в сфере подготовки научных работников высшей квалификации», по согласованию с Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь (решение коллегии Высшей аттестационной комиссии от 18 ноября 2016 г. № 17/10) постановили: открыть в Белорусском государственном университете подготовку по специальности 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика» политической отрасли науки для реализации образовательной программы аспирантуры, обеспечивающей получение научной квалификации «Исследователь», и образовательной программы докторантуры.

Для реализации решения Министерства образования в политологическом сообществе создан научный задел по шифру специальности 23.00.05. В числе публикаций по данному направлению можно отметить следующее: *Инновационные стратегии глобализации* / под общ. ред. Ю. И. Малевич. – Минск: РИВШ,

2016. – 408 с.; Мельник В. А. Модель национальной экономики в программных документах политических партий Беларуси // Иппокрена. – 2016. – №1. – С. 5–9; Котляров И. В. В поисках цивилизационного кода: социологические тренды // Иппокрена. – 2016. – № 1. – С. 107–120; Котляров И. В. Содружество независимых государств в социологическом измерении (к 25-летию СНГ) // Иппокрена. – 2016. – № 2. – С. 136–145; Мельник В. А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология. – Минск: Тесей, 2000. – 240 с.; Криштапович Л. Е. Беларусь как русская святыня. – Минск: «Бонем», 2011. – 149 с.; Есин Р. О. Северо-Западный регион Польши: шаги сближения с белорусскими регионами (2006–2009 гг.) – Минск: Аверсэв, 2010. – 144 с.; Ватыль В. Н. Государство и государственность. История. Теория. Практика: избр. работы. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 375 с.; Ватыль В. Н., Ватыль, Н. В. Сильное и эффективное государство: историко-персоналогический дискурс. – Гродно: ЮрСаПринт, 2016. – 280 с.; Ватыль В. Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 279 с.; Котляров И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты. – Минск: Белорус. наука, 2013. – 479 с.; Котляров И. В., Земляков Л. Е. Республика Беларусь в конфессиональном измерении. – Минск: Мин. ин-т управления, 2004. – 231 с.; Антология проблем современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – 246 с.; Ротман Д. Г. Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в проекте по изучению ценностей. – Минск: БГУ, 2013. – 172 с.; Яскевич Я. С., Клинова Е. В. Местное управление и самоуправление в Республике Беларусь // Проблемы управления. – 2017. – №1 (63). – С. 54–61; Решетников С. В., Антанович Н. А., Побережная О. Е. Научные и прикладные школы в области политологии: политико-правовой подход // Вышэйшая школа. – 2017. – № 1. – С. 36–41.

Миссия кафедры и специальности «Политология» на юридическом факультете БГУ заключается в учебном, организа-

ционно-методическом и научном обеспечении профиля образования – «Государственная политика и управление» в соответствии с программным Законом Республики Беларусь «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (в редакции от 12.12.2013 № 83-3). Главной целью политологического образования в БГУ является формирование системы гражданственности, овладение студентами определенными способностями, такими как критическое мышление, коммуникационные навыки, толерантность в отношении окружающих, сознательное стремление анализировать события с позиции других людей, инициативность, самостоятельность [9].

Более подробный историографический обзор вопросов становления и развития политической науки в БГУ содержится в монографии С. В. Решетникова «Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты» [10].

Список использованных источников

1. Ватыль, В. Н. Государство как гарант человеческой свободы (Интерпретация русской формы раннего политического либерализма) / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 298 с.

2. Ватыль, В. Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 279 с.

3. Ватыль, В. Н. Сильное и эффективное государство: историко-персоналогический дискурс / В. Н. Ватыль, Н. В. Ватыль. – Гродно: ЮрСаПринт, 2016. – 280 с.

4. Мельник, В. А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2000. – 240 с.

5. Мельник, В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник; науч. ред. П. Г. Никитенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2003. – 240 с.

6. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск: Книжный Дом, 2004. – 640 с.

7. Мельник, В. А. Введение в политическую теорию: пособие / В. А. Мельник. – Минск: Высш. шк., 2012. – 511 с.

8. Решетников, С. В. О содержании социально-гуманитарного образования в части изучения политической правовой сферы общества / С. В. Решетников, М. Ф. Чудаков, Н. А. Антанович // Высшэйшая школа. – 2012. – № 1. – С. 36–40.

9. Решетников, С. В. Научные и прикладные школы в области политологии: политико-правовой подход / С. В. Решетников, Н. А. Антанович, О. Е. Побережная // Высшая школа. – 2017. – № 1. – С. 36–41.

10. Решетников, С. В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты – 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] / С. В. Решетников. – Минск: БГУ, 2016. – 135 с.

Сведения об авторе:

Решетников С. В., доктор политических наук, профессор

The author Information:

Reshetnikov S. V., Doctor of Political Sciences, Professor, e-mail: polit_bsu@mail.ru

УДК 327+303.4

Ватыль В. Н.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННЫХ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ОБНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ*

Vatyl V. N.

GLOBALIZATION AND REGIONAL INTEGRATION AS THE MAIN TRENDS OF MODERN WORLD POLITICAL PROCESSES: UPDATING RESEARCH APPROACHES

На основе дискурсивно-аналитического подхода в статье рассматриваются теоретико-методологические интерпретации двух основных трендов: современности – глобализации и региональной интеграции. В совокупности этих интерпретаций преимущество отдается понятийно-категориальному и историографическому подходам. С использованием преимуществ понятийно-категориального и историографического подходов особое внимание уделено: а) парадигме глобализации; б) основным направлениям оценки глобализации; в) моделированию перспектив глобализационных процессов. В первом дискурсе проанализирована полицентричная трактовка глобализации, показаны факторы, условия, причины и тенденции кризиса моноцентричной интерпретации

* Статья подготовлена в рамках темы ГПНИ № А 67 – 16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс».

глобализации. Констатирован факт, что нынешняя парадигма глобализации обнаружила очевидные эпистемологические и методологические ограничения. Во втором дискурсе охарактеризованы позиции нонглобалистов, антиглобалистов, альтерглобалистов. Нонглобалисты акцентируют преимущественно позитивные стороны глобализации, нередко односторонне апеллируя к выигрышным фрагментам западноевропейской либеральной модели. Антиглобалисты не просто скептически относятся к реалиям глобализации, они фактически не приемлют их. Наибольшей критике подвергаются два постулата западной теории глобализации: «размывание» национально-государственного суверенитета (в западноевропейской трактовке) и вестернизация как естественный результат глобализации (в американской и западноевропейской трактовках). Альтерглобалисты фактически выступают против целей и методов глобализации. В дискурсе «региональная интеграция» раскрыта взаимосвязь глобализации и региональных интеграционных процессов посредством рассмотрения двух взаимосвязанных подходов: а) институционально-нормативного; б) историко-социологического. Теоретико-методологический дискурс дает возможность показать состояние и перспективы изучения феноменов глобализации и региональной интеграции.

Ключевые слова: глобализация, глобализационные процессы, нонглобализм, антиглобализм, альтерглобализм, интеграция, региональная интеграция, европейская интеграция, евразийская интеграция, критерии интеграции.

On the basis of discourse-analytical approaches, the article considers theoretical and methodological interpretations of two main trends of the Modern world – globalization and regional integration. In the aggregate of these interpretations, preference is given to conceptual-categorical and historiographic approaches. Using the advantages of concept-categorical and historiographic approaches, the article focuses on highlighting: a) the paradigm of globalization; B) the main directions for assessing globalization; C) modeling the prospects of globalization processes. The first discourse analyzed the polycentric interpretation of globalization, shows the factors, conditions, causes and trends of the crisis of a monocentric interpretation of globalization. Here it is stated that the present paradigm of globalization has revealed obvious epistemological and methodological limitations. In the second discourse, the positions of the non-globalists, antiglobalists, and alterglobalists are characterized. Nonglobalists accentuate mainly the positive aspects of globalization, often unilaterally appealing to the winning fragments of the Western European liberal model, forgetting about negative aspects. Antiglobalists are not just skeptical about the realities of modern globalization, they actually do not accept them. The most critical are the two postulates of the Western theory of globalization: the “dilution” of national-state sovereignty (in Western European interpretation) and Westernization as the natural result of globalization (in American and Western European interpretations). Alterglobalists in fact are not against the very process of globalization, but against its goals and methods. In the discourse, regional integration reveals the relationship between

globalization and regional integration processes by examining two interrelated approaches: a) institutionally-normative; B) historical and sociological. The theoretical and methodological discourse gives an opportunity to show the state and prospects of studying the phenomena of globalization and regional integration.

Keywords: globalization, globalization processes, nonglobalism, antiglobalism, alter globalization, integration, regional integration, European integration, Eurasian integration. Integrationcriteria.

Феномен глобализации возможно рассматривать с разных познавательных позиций. Самая актуальная – рационально-критический анализ структурообразующих категорий и понятий, в которых выявляются содержательные знания о глобализации и глобализационных процессах. Подобному подходу была посвящена одна из последних наших публикаций [1]. Ее итоговые выводы коррелируют с представлениями ведущих отечественных и зарубежных ученых о глобализации как противоречивой тенденции формирования единого планетарного пространства, гомогенного в экономическом, социальном, политическом и культурном смыслах [2, с. 127–132; 3, с. 152–156]. Тенденции, незавершенной и длительной, на пути которой содержание явления глобализации будет не просто уточняться, выявляться во всех подробностях, но и развиваться [4, с. 79]. В этих словах фиксируется наряду с содержательным иной, историографический, подход к изучению как собственно самого феномена глобализации, так и его взаимосвязи с современными интеграционными процессами. Продуктивность историографического подхода состоит в возможности оценки когнитивного состояния изучаемого вопроса, его внутренних «плюсов» и «минусов», дальнейших перспектив разработки. Используя преимущества понятийно-категориального и историографического подходов, в статье нами акцентируется внимание на рассмотрении социально-политического дискурса феномена глобализации.

Предлагаемый дискурс потребует как минимум освещения двух аспектов:

- а) парадигмы глобализации;
- б) основных направлений оценки феномена глобализации.

В отношении первого из двух обозначилась четкая тенденция, представленная как отечественными, так и зарубежными учеными: необходимость перехода от моноцентричной трактовки глобализации к полицентричной [5, с. 21; 6, с. 3–14; 7, с. 170–181; 8, с. 7, 8]. Современный мир переживает стремительные и глубинные трансформации в политике, экономике, культуре, в информационном поле и в управленческих технологиях. Разнонаправленный характер политических, экономических и социокультурных перемен находит отражение в дестабилизации глобального миропорядка. Остро стоит вопрос о реализации права национально-территориальных сообществ на самоопределение проблемы, которая, как представлялось еще несколько десятилетий назад, должна была в ходе трансформации миропорядка стать достоянием прошлого. Латентные противоречия между принципами самоопределения наций и территориальной целостностью государств вылились в серию внутренних конфликтов, приобретших трансграничный характер.

По верному утверждению И. С. Семененко, рост глобальной взаимозависимости размывает основы суверенитета государств, в результате возникают системные противоречия, которые не получают полноценного разрешения в рамках современного миропорядка. Такие сдвиги обусловлены выдвиганием на ключевые роли наряду с государствами негосударственных акторов, определяющих повестку дня мировой политики – международных, транснациональных и наднациональных институтов, корпоративного бизнеса и структур глобального гражданского общества, глобальных городов и формирующих политический дискурс экспертно-аналитических сообществ и публичных интеллектуалов. В процессе их взаимодействия складываются международные политические пространства, в которых государства играют ключевую, но не монопольную роль в принятии решений и продвижении интересов. Новой единицей анализа становятся пространства политических взаимодействий, меняющие контуры и опоры современного мира под влиянием факторов, выходящих за пределы сферы регулирования государств и привычных политико-правовых институтов [9, с. 6].

Что не менее важно, меняется природа современных обществ, и они оказываются перед угрозой социальной аномии. Новые ценностные ориентиры ломают привычные представления о национальной идентичности как скрепе сообществ, объединенных институтом гражданства. В Европе нарастает напряжение конструкций социального государства, которое страны западной политической традиции до недавних пор являли послевоенному миру в качестве желаемого и достижимого ориентира солидарного социального развития. Тупики мультикультурализма как государственной политики управления цивилизационным разнообразием современных демократических обществ свидетельствуют об угрозе перерастания латентных противоречий в конфликты и об отсутствии эффективной и долговременной стратегии регулирования конфликтности в культурно разнородном обществе. Тревожным трендом становится растущая рассогласованность между развитием человека, изменениями в его сознании и поведении и динамикой социальных институтов. Очередной виток напряженности в мировой политике связан, в частности, с серьезными сбоями в функционировании сложившегося в послевоенные годы политического порядка и с болезненным переходом к многополярности в международных отношениях. Происходящие общественные трансформации свидетельствуют о движении в сторону полицентричного и цивилизационно разнородного мира [10, с. 177–181].

Между тем социально-политические науки пока не смогли предложить комплексного и адекватного инструментария для концептуализации протекающих на разных этапах современной общественной жизни процессов. Парадигма глобализации, которая стала доминирующей и, по сути, общепринятой установкой в осмыслении современной социальной реальности, обнаружила очевидные эпистемологические и методологические ограничения. Они связаны не только и не столько с очевидной антиномичностью происходящих общественных трансформаций, с проявлением (наряду с глобализацией) тенденций локализации и гибридных форм социальной динамики (процессов регионализации и так называемой глобализации). Сегодня речь идет о по-

явлении в глобальном мире моделей и ориентиров, которые не вписываются в глобалистскую парадигму в ее односторонней трактовке, возобладовавшей в современном публичном дискурсе. Об этом свидетельствует, в частности, бурный рост национализма и политического сепаратизма. Об этом говорят и стремительно набирающие силу в странах незападного ареала развития, и в первую очередь в исламском мире, процессы утверждения традиционных ценностей и отторжения институтов западного образца. И особенно остро переживаемая потребность в нахождении ответов на вызовы общества потребления, появляющаяся у растущего числа граждан глобализирующегося мира. Насущной в условиях ограниченности ресурсов и обострения глобальных проблем становится потребность в новой модели регионального и национального развития, основанной на системном использовании инновационных источников роста [9, с. 7].

Сторонники второго аспекта из обозначенных выше подчеркивают, что при всем множестве суждений, выводов и оценок о практике и теории глобализации и разнородных глобализационных процессов их можно сгруппировать по трем направлениям: а) нонглобализм; б) антиглобализм; в) альтерглобализм.

Представители нонглобализма (Л. Ф. Евменов, А. Н. Чумаков, К. Омае, М. Барроуз, Дж. Редвуд, М. Фридман, П. Кеннеди, Э. Слотер и др.) акцентируют позитивные стороны глобализации. Они рассматривают ее как продукт реализации либеральных экономических и политических принципов. Глобальный рынок способствует экономическому росту и процветанию (не всех стран, а тех, которые в наибольшей степени интегрированы в глобальный рынок). Этот процесс ведет к устареванию традиционных государств как экономических единиц. Вследствие этого государства теряют власть, которая переходит к наднациональным институтам, таким как МВФ и ЕС, и к транснациональным акторам типа ТНК и НПО. Технократы и элита либеральных стран играют глобальную роль [11, с. 5–32; 12, с. 58; 13, с. 40; 14, с. 32].

Антиглобалисты (Ч. С. Кирвель, М. А. Водопьянов, А. С. Панарин, А. Неклесса, В. Хорос, Г. Томпсон, Дж. Аллен, Р. Гиллинг, П. Фергюссон и др.) не просто скептически относятся к реали-

ям современной глобализации, они фактически не приемлют их [15, с. 159–171; 16, с. 434–441; 17, с. 256; 18, с. 93; 19, с. 38–41]. Наибольшей критике подвергаются два постулата западной теории глобализации: «размывание» национально-государственного суверенитета (в западноевропейской трактовке) и вестернизация как естественный результат глобализации (в американской и западноевропейской трактовке). Кроме того, одним из главных обвинений в адрес глобализации являются доводы относительно того, что беднейшая часть человечества не получает никаких выгод от нее и продолжает жить в условиях бедности. По утверждению Г. А. Дробот, антиглобалисты радикально подчеркивают, что глобализация – миф. Они замечают, что крупнейшие национальные экономики сегодня интегрированы не более чем перед Первой мировой войной (в период гегемонии Великобритании). Они также ставят под сомнение утверждение, что региональные различия, такие как разрыв между Севером и Югом, исчезают под воздействием глобального рынка. Они склонны считать, что этот разрыв увеличивается в условиях глобализации. Скептики также полагают, что экономическая интеграция ведет не к единой зоне свободной мировой торговли, а к формированию соперничающих региональных блоков в Америке, Европе и Азии. Ожидаемое формирование мировой цивилизации на практике оборачивается фрагментацией крупных образований (например, как Россия) и формированием малых социально-политических единиц, разделенных языковыми, религиозными и иными подобными культурными границами. Мир сегодня даже менее взаимозависим, чем в 1890-е гг. [4, с. 78, 79].

Альтерглобалисты (А. А. Лазаревич, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, А. В. Торкунов, П. Хомский, Р. Макчести, Н. Кляйн, С. Джордж, Р. Фальк, Б. Аксфорд, Д. Холд, Д. Гольблатт, Э. Мингрю, Д. Перратон, Дж. Розенау, Э. Гидденс и др.) фактически выступают не против самого процесса глобализации, а против его целей (служить корыстным интересам глобальных экономических организаций и ТНК) и методов. Крайне левое течение в альтерглобализме борется против капиталистической сути глобализации – за глобализацию антикапиталистическую.

Впрочем, подобно тому, как ученые спорят о сущности и перспективах глобализации, альтерглобалисты также не находят согласия по вопросам целей и тактики движения протеста. Профсоюзы стран Севера протестуют против перевода рабочих мест в страны Юга. Рабочие же преуспевающих стран глобального Юга, напротив, крайне заинтересованы в этих местах в целях повышения заработных плат и условий труда. Анархисты соперничают с защитниками окружающей среды в вопросах торговой политики. Однако сопротивление современной глобализации реализуется в интернациональном, т. е. как раз в глобальном масштабе, правда иногда в форме уличных беспорядков [20, с. 413–432; 21, с. 311–320; 22, с. 13–83; 23, с. 77, 78; 24, с. 8–27].

В российском интеллектуальном и публицистическом сообществе имеет место подход, который, не отрицая вестернизационную направленность глобализации, доказывает «неслияемость» не-Запада с Западом из-за глубоких культурно-цивилизационных различий между ними. Один из сторонников этого подхода, А. Д. Богатуров, формулирует положение, согласно которому в современном мире можно выделить три типа обществ: традиционные, современные и конгломеративные. Россия относится к числу последних. Современное общество рационально в отличие от иррационального традиционного общества, где модель поведения задается культурным опытом. Под конгломеративными «понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделиобразующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавы, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции» [25, с. 18].

Говоря о социальных функциях конгломеративных самоорганизаций не-западных обществ, А. Д. Богатуров отмечает, что они возникли как иммунный ответ на модернизацию, выступив в роли избирательно-проницаемой «защитной брони»: с одной стороны, она позволяет обществам дозированно воспринимать новации,

с другой – предохраняет органические основы воспроизводства не-западных обществ от полного разрушения, с третьей – смягчает противоречия по линии «Запад – не-Запад», предотвращая эскалацию взаимной агрессивности и «взрывного» отторжения. Конгломеративно-анклавный тип самоорганизации является инструментом чрезвычайно успешного приспособления традиционного общества к индустриальной и постиндустриальной среде. Анклав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно так же анклав «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества [25, с. 34].

Интерпретация термина «региональная интеграция» требует прежде всего уточнения смысла понятий «интеграция» и «регионализация». Подчеркнем сразу, что конкретную социальную основу для семантической аналитики данных понятий составил идейно-символический опыт государств ЕЭАС. Регионализация как одна из объединительных тенденций означает ориентацию на создание полицентричной структуры управления мировой системой связей, т. е. альтернативный глобализации способ организации данной системы в условиях интенсификации и «уплотнения» этих связей. Условия, в которых утвердить собственную неповторимую индивидуальность перед лицом нивелирующих тенденций мирового развития может лишь тот народ, та культура, которые смогли объединиться с другими, родственными или в чем-то близкими им народами и культурами. В этом контексте императив достижения взаимопонимания различных страновых духовно-ценностных традиций приобретает особое значение. Общее понимание характера и задач процесса модернизации является следующей важнейшей общей чертой, объединяющей государства евразийской интеграции, и одновременно отделяющей их от «коллективного Запада». В научных кругах уже достаточно давно преобладает стремление к преодолению европоцентризма, однако на уровне официального идеологического и политического дискурса Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсальной, а потому «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения участники евразийской интегра-

ции выдвигают на первый план идею органического синтеза ценностей модернизации и собственной цивилизационной традиции. По нашему убеждению, есть все основания говорить о том, что данная идея лежит в основе их общей интеграционной стратегии.

Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников евразийской интеграции в самой основе их цивилизационного строя лежит нечто общее, некий общий комплекс ценностей, причем потенциально совпадающих по своей основной исторической направленности с ценностями модернизации. Теоретико-методологический анализ идейно-символической коммуникации в странах евразийской интеграции создает возможность для выявления тех типологических признаков интеграции, которые могут стать модельными в изучении многообразного содержания евразийской интеграции. Для выявления этих признаков мы взяли за основу признак «образа действия», под которым понимается специфический для данной интеграционной группировки набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере. «Образы действия» полезны для сравнительного анализа, поскольку они воплощают реальные черты сущностного, содержательного поведения стран – участниц интеграционных процессов, не привязываясь к конкретным формам этих действий [26, с. 9–10]. Важно выделять образы действия в следующих основных областях интеграционных взаимодействий: 1) учреждение группировки; 2) идеологическое обоснование сближения; 3) экономическое строительство; 4) управленческая активность; 5) стратегия расширения; 6) модель обеспечения безопасности [26, с. 9–10] (таблица).

Исходной методологической гипотезой сравнительной аналитики стало предположение о том, что ключевое типологическое подобие интеграции в государствах евразийской интеграции определяется не процедурой принятия интеграционных решений или мерой реализованности принципа наднациональности, а устойчивой ориентацией участников интеграции на приоритетность развития внутрigrупповых связей по отношению к внегрупповым, готовностью ради этого предоставлять друг

Параметры сравнительного анализа интеграционных объединений

Образ действия	Объект рассмотрения
Учреждение группировки	Исходные мотивы сближения
Идеологическое обоснование сближения	Обоснования сближения
Экономическое строительство	Цели и пределы экономического сращивания
Управленческая активность	Соотношение полномочий руководящих органов, пропорция элементов надгосударственного и межправительственного управления
Стратегия расширения	Подход к выбору критериев и темпов расширения
Модель обеспечения безопасности	Алгоритм обеспечения региональной безопасности: связан ли институционально механизм безопасности с основными структурами группировки

другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии, а также явно выраженной волей к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем, подтверждаемой регулярностью встреч для решения вопросов, выходящих за рамки обычного международного общения.

В духе такого понимания интеграции (и для получения аналитически полезных результатов) сравнению должны подлежать не столько формы воплощения интеграционных устремлений, сколько сами эти устремления, мера их устойчивости, направленность и результативность.

«Работающей» основой анализа региональных вариантов интеграции послужила представленная выше таблица сопоставления «образов действия» участников интеграции в главных сферах сближения. Изучение этих образов действия в соответствии с цепочкой «потребность – интерес – цель – образ действия – результат» предполагало исследование исходных причин возникновения интеграционных импульсов (внешней и внутренней среды процесса), их отражение в концептуальных документах отдельных стран, многосторонних инициативах и соглашениях, планах действий, степени их реализации. В совокупности эти черты образуют «историко-политический тип» интеграции. Проведен-

ное по такой схеме сравнение дает возможность выявить черты существенного типологического сходства в развитии интеграционных процессов в ЕАЭС.

Сходство прослеживается прежде всего в содержании мотивационного комплекса в обоих ареалах, в структуре которого важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков.

В сфере идеологического обоснования интеграционных процессов наблюдается общность в усилиях по созданию символов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем.

В экономике просматривается сходство в установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам. Вместе с тем обращают на себя внимание важные типологические различия парадигм экономической интеграции. Для стран ЕАЭС характерна асинхронность и многоуровневость экономической интеграции, которая проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В минувшие полвека на пространстве этих государств наблюдались в сущности однородные модели расширения интеграционных «ядер».

При очевидном внешнем различии динамики интеграционных процессов в ЕС и ЕАЭС интеграционные импульсы тяготеют не к сплошному, а к очаговому типу распространения. Понятие интеграции так или иначе связано с представлением о социально-политической гомогенности. Однако характер этой связи на пространстве обозначенных интеграций не прояснен. Можно предположить, что политическая однородность – одно из ключевых условий успешной интеграции. Но допустима и иная гипотеза: формирование политической однородности – не начальная точка интеграции, а один из ее возможных (не обязательно главных) результатов. Экономическая политика большинства стран «интеграционного ядра» регионов не одинакова, но однородна. Это

политика рыночного регулирования с более или менее заметной долей государственного контроля. Похоже, что отправной точкой данной версии интеграции является не политическое родство, а однотипность экономических политик.

В ЕАЭС процесс сближения идет с «переменной» скоростью. Евразийская интеграция в отличие от европейской характеризуется выжидательностью и осмотрительностью. Случаются откаты интеграционных тенденций, однако в силу исходно низкой скорости интеграционного движения они не становятся губительными кризисами. В указанных регионах интеграционное сближение происходит в большем соответствии с региональной конкретикой – мерой готовности или неготовности стран сближаться друг с другом, не конфликтуя. Евразийская интеграция делает акцент на преобладании межправительственного подхода к принятию главных решений, в рамках которого ведущую роль играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. Сама мысль о делегировании власти «своего» правительства какому-то наднациональному органу не получает поддержки. Идеалом же выступает дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств.

Список использованных источников

1. Ватыль, В. Н. Глобализация и современные интеграционные процессы: теоретико-методологические модулы осмысления / В. Н. Ватыль // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2016. – № 2. – С. 86–93.
2. Цыганков, П. А. Теория международных отношений / П. А. Цыганков; под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2015. – 259 с.
3. Цыганков, П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика / П. А. Цыганков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – 356 с.
4. Дробот, Г. А. Мировая политика / Г. А. Дробот. – М.: Юрайт, 2015. – 257 с.
5. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / М. С. Горбачёв [и др.]. – М.: Альпина Паблшер, 2003. – 403 с.
6. Маркович, Д. Исторический контекст противоречий модернизации / Д. Маркович // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 3–14.
7. Ильин, И. В. Глобальные исследования: новые подходы / И. В. Ильин // Век глобализации. – 2014. – № 1. – С. 170–181.

8. Дынкин, А. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. Дынкин, М. Барроуз // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – № 8. – С. 7–8.

9. Семененко, И. С. Социально-политические изменения в современном мире: проблемы концептуализации / И. С. Семененко // *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития: в 2 т. / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.) [и др.]*. – М.: ИМЭМО, 2014. – Т. 1. – С. 5–15.

10. Пантин, В. И. Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / В. И. Пантин [и др.]. – М.: ИМЭМО, 2016. – 257 с.

11. Евменов, Л. Ф. Глобализация: конвергенция – достоинства и права человека: сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2015. – 289 с.

12. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира / А. Н. Чумаков. – М.: ТК Велби, Проспект, 2015. – 432 с.

13. Чумаков, А. Н. О глобализации с объективной точки зрения / А. Н. Чумаков // *Век глобализации*. – 2014. – № 2. – С. 39–51.

14. Дынкин, А. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. Дынкин; пер. с англ.; под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. – М.: ИМЭМО, 2016. – 32 с.

15. Глобализация как «глобализация» / Ч. С. Кирвель [и др.] // *Современные глобальные трансформации и проблемы исторического самоопределения восточно-славянских народов / под ред. Ч. С. Кирвеля*. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 548 с.

16. Будущее человечества в контексте устойчивого развития / П. А. Водопьянов [и др.] // *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания / под науч. ред. Ч. С. Кирвеля*. – Гродно: ГрГУ, 2015. – 462 с.

17. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.

18. Неклесса, А. И. Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика / А. И. Неклесса // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 3. – С. 92–107.

19. Хорос, В. Г. Нужны не только временные интервалы циклов, но и содержательное их объяснение / В. Г. Хорос // *Современные проблемы развития: материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН, 11–13 мая 2016 г.: в 2 т. / отв. ред. В. Г. Хорос*. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – Т. 1, вып. 2. – 223 с.

20. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 537 с.

21. Василенко, И. А. Политическая глобалистика / И. А. Василенко. – М.: Логос, 2000. – 360 с.

22. Бузгалин, А. В. Социализм как пространство-время глобальных общественных трансформаций (методология и теория исследования) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Социализм–21: 14 текстов в контексте постсоветской школы*

критического марксизма / под ред. А. В. Бузгалина, В. Н. Миронова. – М.: Культурная революция, 2009. – 720 с.

23. Торкунов, А. Прошлое и будущее международно-политических исследований / А. Торкунов // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 77–85.

24. Бергер, П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / П. Бергер; под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 382 с.

25. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 390 с.

26. Байков, А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 256 с.

Сведения об авторе:

Ватыйль В. Н., доктор политических наук, профессор

The author Information:

Vatyl V. N., Doctor of Political Sciences, Professor, e-mail: kaf_politolog@post.grsu.by

УДК 32.01(043.3)+141.82(043.3)

Михайловский В. С.

МАРКСИСТСКИЕ ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Mikhailouski V. S.

THE VARIETY OF MARXISM PROJECTS OF SOCIAL ORDER

Цель статьи – изучить многообразие марксистских проектов общественно-государственного устройства. В публикации преодолен узкий горизонт видения марксистской футурологии только как коммунистического проектирования. Осуществлен сравнительный анализ проектов общественного развития в рамках классического марксизма, ленинизма, ревизионизма и неомарксизма. Выявлено структурирующее значение диалектики в построении марксистского дискурса будущего и особенности ее интерпретации в различных направлениях марксизма.

Ключевые слова: коммунизм, марксизм, неомарксизм, общественное развитие, ревизионизм.

* Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ (договор № Г16КАО/А-006).

The purpose of the article is to study the Marxist projects of the social order. The specific vision of Marxist futurology only as a communist projection is overcome. Comparative analysis of projects of social development within the framework of classical Marxism, Leninism, revisionism and neo-Marxism is done. The structuring significance of dialectics in the construction of the Marxist discourse of the future and the features of its interpretation in various directions of Marxism are revealed..

Keywords: communism, Marxism, neo-Marxism, social development, revisionism.

Наследие К. Маркса уже более чем полтора столетия оказывает влияние на развитие общества и процесс познания социальности. Как писал французский философ К. Касториadis, «марксизм пропитал собой язык, идеи и реальность до такой степени, что стал частью атмосферы, которой дышит любой вступивший в мир социального, частью исторического пейзажа, очерчивающего границы наших поисков и сомнений» [1, с. 15]. Однако в научных публикациях мало внимания уделяется многообразию марксистского поиска идеального общественного устройства. Кроме исследований лидеров коммунистического движения XX века, в истории марксистской мысли были проекты, предложенные так называемыми кабинетными, академическими марксистами (неомарксистами): В. Райхом, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом, М. Хардтом и А. Негри.

Рассмотрение марксистского наследия во всем многообразии его прогностических проектов дает возможность преодолеть узкий горизонт видения марксистской футурологии только как коммунистического проектирования. Это важно в условиях глобальной неустойчивости и кризиса концепции «конца истории», когда альтернативные варианты будущего вновь становятся на повестку дня политики.

Цель статьи – изучить марксистские проекты общественного устройства, что даст возможность выявить не только особенности внешней рефлексии марксизма, но и внутренние противоречия марксистского дискурса.

Исторический подход к марксизму позволяет говорить о двух этапах в его развитии: классическом и неклассическом. На первом (классическом) этапе шло становление и развитие марксизма во второй половине XIX в. Второй (неклассический) этап – это

этап «марксизма после Маркса» или, более точно, после смерти Ф. Энгельса (1895). В неклассический этап включается вся совокупность интеллектуальных проектов и практик XX – начала XXI в. в русле идейной традиции, восходящей к марксизму (наследию К. Маркса и Ф. Энгельса). В неклассическом этапе развития марксизма можно обозначить две ветви: партийную (О. Бауэр, К. Каутский, Л. Лабриола, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий и др.) и неомарксистскую (кроме уже названных теоретиков, это Т. Адорно, Л. Альтюссер, А. Грамши, Д. Лукач, М. Хоркхаймер и др.).

В партийной ветви развития марксизма спор о будущем мироустройстве развернулся между В. И. Лениным и Э. Бернштейном. Если первый последовательно отстаивал положения К. Маркса и Ф. Энгельса, то второй проводил ревизию марксизма. Противостояние В. И. Ленина и Э. Бернштейна активно освещалось в публикациях начала XX в. и имело непосредственное отношение к партийному дискурсу европейского рабочего движения, что нельзя сказать о неомарксистских исследованиях.

Неомарксизм развивался на протяжении всего XX в., не имея какого-либо постоянного организационного центра или хотя бы периодического издания. Проекты будущего общественного устройства были скорее исключением для неомарксистов, поэтому и не вызывали активной внутренней или внешней рефлексии. Однако оригинальность неомарксистских проектов демонстрирует возможность и необходимость адаптации марксизма к реальным историческим условиям. Приведем слова Ф. Энгельса: «Наша теория – это теория развития, а не догма, которую надо учить наизусть и механически повторять» [2, с. 504].

Специфика марксистских проектов общественного устройства выявляется в рамках сравнения классического марксизма, ленинизма, ревизионизма и неомарксизма.

Исходные установки К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в прогнозировании будущего могут быть сведены к трем положениям. Первое заключается в том, что коммунизм как формация и как движение общественной силы есть естественное порождение капитализма. Исторический материализм «защищал»

коммунистический проект от обвинений в фантазии и утопизме. Крах капитализма доказывался как объективная, экономически выведенная, а тем самым неизбежная стадия развития общества. Это придавало марксистской футурологии научное обоснование по сравнению с предшествующими проектами ранних социалистов-утопистов (Т. Мор, Т. Кампанелла).

Второе положение, которое следует из обстоятельного анализа работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, заключается в том, что никто из них не указывал конкретной даты наступления коммунизма. Отсюда и третье – отсутствие детально разработанной модели коммунистического общества опять же в отличие от ранних социалистов-утопистов.

К. Маркс писал о коммунизме не как о «состоянии, которое должно быть установлено», а как о «действительном движении, которое уничтожает теперешнее состояние» [3, с. 34]. Диалектическая логика марксизма отвергает концепт будущего как определенной точки в «линейном» представлении времени. Будущее для марксистов – это всегда составная часть настоящего. К. Маркс по этому поводу писал: «Что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать непосредственно, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать» [4, с. 131]. Марксистский подход исходит из того, что проектирование будущего есть в первую очередь осмысление условий настоящего. Не зря В. И. Ленин, анализируя «высшую фазу коммунистического общества» (собственно коммунизм) и повторяя марксовы черты этого будущего общества (исчезновение порабощения человека; исчезновение противоположности умственного и физического труда; становление труда как первой потребности жизни; всестороннее развитие индивидов; изобилие общественного богатства), указывал в итоге, что наступление такого общества «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя» [5, с. 97]. Отсюда и другая мысль В. И. Ленина: пролетариат борется за будущее, «и вместе с тем борется против своих недостатков» [6, с. 198].

Коммунистическая революция – реформа, эволюционное развитие, результат разрешения противоречия *не между* действи-

тельным и должным, а *внутри* действительного. В. И. Ленин констатировал, что невозможно создать новый общественный строй «по указам сверху» [7, с. 57], «нам строить коммунизм не из чего, как только из того, что создал капитализм» [8, с. 58]. Диалектическое развитие предполагает, что после революции не происходит тотального изменения общественной формации. Революционное изменение происходит в рамках взаимной детерминации старого и нового, где новое указывает вектор развития целого.

Согласно марксистской теории в постреволюционный период на первой фазе коммунизма (социализм) исчезнет классовый антагонизм, но останутся противоречия; останутся материальные условия, которые созданы капитализмом; останется полубуржуазная государственная организация, буржуазное право. При этом появятся и элементы нового: общественная собственность и демократия. Проектировать последующие события марксисты не считают необходимым. Рассуждая о переходе к коммунизму, В. И. Ленин писал: «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем» [5, с. 99].

В чем марксисты уверены, так это в продолжении диалектики социального и в «рождении» нового в рамках разрешения противоречий старого. Суть коммунизма как проекта в том, что он никогда не может быть реализован. Ф. Энгельс, написавший «Принципы коммунизма» (1847), впоследствии (1890) констатировал, что коммунизм «следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям» общество [9, с. 380]. Поэтому марксовое «каждый по способностям, каждому по потребностям» – это не «знамя финала» общественного развития (финал может быть только у либералов, когда они достигли реализации своего идеала и готовы объявить «конец истории»). Слова К. Маркса – это призыв к «вечному старту». Коммунизм соотносится с реальной исторической действительностью и в XXI в. ставит вопрос о новых потребностях человека в условиях широкой удовлетворенности потребностей. Коммунизм – это проект постоянного вопрошания общества о своем диалектическом раз-

вители. И если общество ставит такой вопрос, то лишь это и значит, что коммунистический проект реализуется.

Вопрос «правильного» понимания марксистской диалектики стал причиной конфликта рабочего движения начала XX в. В оппозицию догматизации марксизма стал Э. Бернштейн. В политической и научной деятельности партийных функционеров Э. Бернштейн видел кризис попыток развития марксизма в новых исторических условиях. В вопросе развития немецкий теоретик, как и К. Маркс, уделял первоочередное внимание не конечной цели социализма, а движению к его построению [10, с. 299]. Примечательно, что бернштейновский социализм во многом не отличается от первой стадии коммунизма в описании марксистов. Разница в том, что Э. Бернштейн видел «фактическое уничтожение самих классов» не в экспроприации собственности «одним ударом», а в постепенном переходе к демократии и тред-юнионам [11, с. 272]. При всеобщем ожидании революции подобная позиция воспринималась однопартийцами как предательство. Э. Бернштейн был обвинен в оппортунизме, в отказе от принятой в партийных рядах «теории крушения» в пользу «теории приспособления» к капиталистическому порядку [12, с. 27].

Наш тезис в том, что реформистская позиция Э. Бернштейна есть следствие его коммунистического мышления. Он, как и К. Маркс, уделял первоочередное внимание фактической действительности, реальным историческим условиям. Э. Бернштейн отвергал концепт революции не потому, что отвергал марксизм, а потому что считал ошибочным ставить «победу будущего строя» в зависимость от «имманентной необходимости» [10, с. 315–316]. Здесь и проявляется его расхождение с В. И. Лениным.

Венгерский философ Д. Лукач выявил, что основная идея В. И. Ленина – это идея «актуальности революции» [13, с. 55]. Но в этой идеи лидер русских революционеров выступил как либерал. Он смотрел на коммунизм как идеал, которому надо помочь воплотиться в жизнь. Отсюда и идея партии нового типа – по сути, либеральная идея Просвещения и просветителей. У В. И. Ленина исторический материализм, идея об объективном наступлении революции в результате нарастания классовых

противоречий были оформлены в либеральное представление о «долженствовании» революции и анархистское желание этот «скачок» любым способом осуществить «здесь и сейчас».

В. И. Ленин исходил из понимания марксизма как диалектики ухудшения положения пролетариата. Э. Бернштейн же считал ошибкой марксистско-ленинской доктрины связывать прогресс рабочего движения только с «ухудшением условий» [10, с. 317]. В этой установке заключается суть ревизии марксизма. Э. Бернштейн исходил из наглядного улучшения жизни европейского пролетариата. Он не подверг сомнению марксистскую идею обострения классовых противоречий по мере движения к новому обществу, он лишь усомнился в однозначно негативных последствиях борьбы по мере продвижения. Э. Бернштейн отделил обострение классовых противоречий от ухудшения положения пролетариата. Он видел в разрастании классового конфликта не только «оковы» развития пролетариата, но и потенциал для развития; не только необходимость свободы «от» капиталистической собственности, но и возможность свободы «для» коллективной собственности. Здесь Э. Бернштейн проводит параллель с феодализмом, который, по его мнению, «пал, когда буржуазная собственность была уже вполне развита» [14, с. 376].

Свободный от догматизированного марксизма, Э. Бернштейн смог указать на улучшение положения европейского рабочего класса начала XX в. Есть мнение, что Э. Бернштейн сделал поворот к этическому обоснованию марксизма взамен марксистского, сугубо экономического обоснования. Согласимся, что этика социализма позволила Э. Бернштейну выразить «действительное отношение рабочего класса к ненавистному ему капиталистическому порядку» [15, с. 429]. С нашей точки зрения, речь идет об особенностях восприятия Э. Бернштейном марксистской диалектики. Ревизионизм – это теория, отрицающая необходимость ускорения общественного развития, ускорения обострения классового антагонизма в угоду субъективным политическим ожиданиям. Э. Бернштейн является коммунистом – носителем коммунистического мышления. Он критиковал капитализм, исходя не из должных партийных установок, а из реальных условий

рабочего класса. Его проект социал-демократии является коммунистическим, потому что он есть корректировка марксовой первой фазы коммунизма, исходя из потребностей актуального Э. Бернштейну пролетариата.

В 1920-е годы марксистский дискурс постепенно развернулся и в университетских аудиториях. Российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [16, с. 65]. Началась профессионализация марксизма и академическая институционализация (работа Института социальных исследований во Франкфурте). Неомарксисты на протяжении всего XX в. в своих прогностических новациях также исходили из наглядной социально-политической и экономической действительности. Однако особенным у неомарксистов было то, что они считали нужды современного человека неистинными, результатом навязанных массовой культурой ценностей в интересах капиталистического воспроизводства. Неомарксисты не отрицали улучшение материального положения современного рабочего класса, но указывали на цену этого благополучия – репрессивную одномерность общества.

«Одномерный человек» (термин Г. Маркузе) хорошо приспособлен к потребностям техногенного общества, но незрелость критического разума приводит к тому, что человек теряет способность поместить события в систему политических координат. В результате создается «комфортная репрессивность», которая не вызывает политического протеста, а формирует лишь недовольство на уровне «брожения», которое связано с недостаточным уровнем потребительского комфорта.

Неомарксистский подход к общественному проектированию опирается на признание эффективности критического разума, осознание ложности существующего порядка и интенцию на построение нового общества на основе истинных человеческих интересов и потребностей. Г. Маркузе определял новый общественный порядок как «социалистический мир» – «мир морали и эстетики». Этот социализм должен будет не только «уничтожить бедность», но, что более важно, изменить «нужды» людей и источники их «удовлетворения» [17, с. 3]. Немецкий философ

обосновал возможность перехода к непрепрессивной цивилизации и пути ее достижения, но не акцентировался на самом проекте нового общества. Другие неомарксистские проекты («естественная рабочая демократия» В. Райха, «здоровое общество» Э. Фромма, демократия коммуникации Ю. Хабермаса, «демократия множества» («абсолютная демократия») М. Хардта и А. Негри) также объединяет слабый уровень разработки конкретной реализации.

Общим в неомарксистских проектах общественного развития было раскрытие человеческой сущности как реализации продуктивного и творческого начала человеческой жизни. Эта установка транслировалась на осмысление социально-экономической проблематики и сводилась к тому, что именно торжество гуманистического мировоззрения будет способствовать истинной демократизации общества.

Неомарксисты исходили из должного представления об организации будущего. В результате необходимых с их точки зрения преобразований должно появиться «здоровое общество» (термин Э. Фромма). Американский философ П. Готфрид считал, что неомарксистские «сценарии» перемен «преподносят миру давно знакомую историю». Неомарксистская сосредоточенность на «глобальном торжестве демократии» сродни идее «конца истории» Ф. Фукуямы [18, с. 84].

С нашей точки зрения, неомарксисты в социальном проектировании балансировали между коммунистическим и либеральными типами мышления. С одной стороны, они смотрели на коммунизм как определенный отдаленный идеал и считали, что действительность должна с ним как-то соотноситься; исходили из «актуальности революции», которую они, однако, видели как культурную революцию, революцию сознания. С другой стороны, эта идея культурной революции есть результат применения марксистского учения к реальным историческим условиям. Сам Г. Маркузе писал: *«Марксистская концепция революции как революции, осуществляемой большинством эксплуатируемых масс и имеющей своей кульминацией “захват власти” и установление диктатуры пролетариата, с чего собственно и начинается обобществление, “отстала” от исторического развития – она*

отвечает пройденной фазе капиталистического производства и организации, но не отвечает нынешней более высокой фазе капиталистического производства, включающей в себя производство средств разрушения и ужасающее сосредоточение в руках будущей власти орудий уничтожения и идеологической обработки» [19, с. 30].

Неомарксистские проекты совершенствования демократии есть результат марксистского проектирования с учетом условий позднего капитализма. Неомарксисты сконцентрировались на вопросе изменения не форм политической и экономической жизни современного общества, а их содержания. Их критика капиталистической культуры – это продолжение стратегии (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина) поиска «ухудшения ситуации» пролетариата по мере развития капитализма. Неомарксисты противопоставили концепт репрессивной капиталистической культуры бернштейновскому концепту «улучшения ситуации». Тем самым неомарксисты смогли своеобразно преодолеть теоретическое противостояние ревизионизма и ленинизма, указав на то, что при ослаблении эксплуатации в экономической сфере происходит ее усиление в сфере культурного воспроизводства капитализма.

Главный вывод в результате проведенного исследования заключается в том, что многообразие марксистских проектов общественного устройства есть результат не поиска новых марксистских идеалов вне марксизма, а есть внутренняя реакция марксистской диалектики на меняющиеся исторические условия. Поэтому марксизм целен во всем многообразии своих проектов общественного устройства и развивается в рамках собственной диалектики настоящего и будущего.

Список использованных источников

1. Касториadis, К. Воображаемое установление общества = L'institution imaginaire de la societe / К. Касториadis; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офергаса. – М.: Гнозис : Логос, 2003. – 480 с.

2. Энгельс, Ф. Флоренс Келли-Вишневецкой, 27 января 1887 / Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1964. – Т. 36. – С. 503–505.

3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
4. Маркс, К. Фердинанду Домела Ньювенгейсу, 22 февраля 1883 / К. Маркс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1964. – Т. 35. – С. 130–133.
5. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1969. – Т. 33. – С. 1–120.
6. Ленин, В. И. Доклад о работе в деревне, 23 марта 1919 / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1969. – Т. 38. – С. 187–205.
7. Ленин, В. И. Ответ на запрос левых эсеров, 4 (17) ноября 1917 / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1974. – Т. 35. – С. 56–57.
8. Ленин, В. И. Успехи и трудности советской власти / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1969. – Т. 38. – С. 39–73.
9. Энгельс, Ф. Отто Бенигку, 21 августа 1890 / Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1965. – Т. 37. – С. 380–381.
10. Бернштейн, Э. Исторический материализм / Э. Бернштейн. – СПб.: Знание, 1901. – 332 с.
11. Бернштейн, Э. Реалистический и идеалистический момент в социализме / Э. Бернштейн // Очерки из истории и теории социализма / Э. Бернштейн; пер. С. С. Штейнберга. – СПб., 1902. – С. 252–274.
12. Люксембург, Р. Реформа или революция? / Р. Люксембург. – М.: Красная новь, 1923. – 96 с.
13. Лукач, Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 144 с.
14. Бернштейн, Э. Классовая борьба как догмат и как действительность / Э. Бернштейн // Очерки из истории и теории социализма / Э. Бернштейн; пер. С. С. Штейнберга. – СПб., 1902. – С. 357–379.
15. Ойзерман, Т. И. Оправдание ревизионизма / Т. И. Ойзерман; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Канон+ : Реабилитация, 2005. – 688 с.
16. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм : Эксмо, 2005. – 480 с.
17. Marcuse, H. Counterrevolution and revolt / H. Marcuse. – Boston: Beacon Press, 1972. – 138 p.
18. Готфрид, П. Странная смерть марксизма = The strange death of Marxism / П. Готфрид; пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Ин-т распространения информ. по социал. и экон. наукам : Мысль, 2009. – 249 с.
19. Marcuse, H. Re-examination of the concept of revolution / H. Marcuse // New Left Rev. – 1969. – № 56. – P. 30–38.

Сведения об авторе:

Михайловский В. С., кандидат политических наук, доцент

The author Information:

Mikhailouski V. S., Candidate of Political Sciences, Docent, e-mail: vadm2010minsk@mail.ru

Слуцкая Л. В.

СТРАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗРОЖДЕНИЯ АВТОРИТАРИЗМА

Slutskaya L.V.

FEAR AS A TOOL FOR REVIVING AUTHORITARIANISM

Большинство отказывается от [свободы] из страха.

Саллюстий, римский историк

В статье рассматриваются закономерности использования страха как политического инструмента реализации властных полномочий в современных обществах. На основе анализа современных политических процессов страх рассматривается как источник авторитарных тенденций в публичной политике, как инструмент «мягкой силы», источник усиления и расширения полномочий власти и средство манипулирования общественным сознанием. Особое внимание уделяется таким факторам влияния страха на усиление авторитарных тенденций, как разочарование в неолиберальной доктрине, формирование новых вызовов безопасности, рост социального неравенства и прекаризация среднего класса.

Ключевые слова: страх, политика, власть, авторитаризм, демократия, факторы возрождения авторитаризма.

The article examines the patterns of using fear as a political tool for realizing power in modern societies. Based on the analysis of modern political processes, fear is seen as the source of authoritarian tendencies in public policy, as an instrument of “soft power”, a source of strengthening and expanding the powers of power and a means of manipulating the public consciousness. Particular attention is paid to such factors of the influence of fear on the strengthening of authoritarian tendencies, such as disappointment in neo-liberal doctrine, the formation of new security challenges, the growth of social inequality and the precariation of the middle class.

Keywords: fear, politics, power, authoritarianism, democracy, factors of the revival of authoritarianism.

Особым видом душевных переживаний и состояний психики человека выступают эмоции, которые проявляются во время каких-либо значимых жизненных ситуаций. Универсальной эмоцией, присущей человеку во всех сферах его жизнедеятельности, является страх. «Чувство боязни, опасения – вполне естественное

человеческое чувство, закономерный спутник современной повседневности», – констатирует российский социолог М. К. Горшков [1, с. 26]. Современный словарь «Власть. Политика. Государственная служба» следующим образом трактует понятие «власть страха (power of fear) – это гнетущие навязчивые состояния, а также ощущения очень сильного испуга, боязни, ужаса под воздействием (эмоциональным и физическим), испытываемые человеком или массой людей от различного рода явлений, событий, предметов. Источником страха могут быть те или иные действия властей (повышение цен, ужесточение репрессивных мер и т. п.)» [11].

Цель данной статьи – выявить закономерности использования страха как политического инструмента, влияющего на возрождение авторитарных тенденций в реализации властных полномочий.

Особую роль страх играет во взаимоотношениях общества и власти, которая использует его в качестве инструмента управления и манипулирования общественным сознанием. Мыслители издавна обращали внимание на взаимосвязь страха и политики. Макиавелли в своей работе «Государь» задавался вопросом, что лучше для государя: внушать любовь или страх? И отвечал, что «любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбирать страх» [2, с. 93]. По мнению Гоббса, страх является неотъемлемой частью естественного состояния, «войны всех против всех»: «...до возникновения гражданского общества или когда существование гражданского общества прервано войной, ничто не может укрепить силу заключенного мирного договора против искушений корыстолюбия, честолюбия, сладострастия и других сильных страстей, кроме боязни той невидимой силы, которую каждый человек почитает как Бога и которой он боится как мстителя за вероломство» [3, с. 167–168]. Для поддержания порядка и согласия требуется общественный договор, который обеспечит гражданам чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, но ограничит их свободу.

Становление гражданского общества способствовало трансформации понимания взаимосвязи страха и политики. Так, Мон-

теске, анализируя различные формы правления, пришел к выводу, что если «для республики нужна *добродетель*, для монархии *честь*», то «для деспотического правительства нужен *страх*» [4, с. 32], поскольку при деспотических режимах «управляет одно лицо по своей воле и прихотям» [4, с. 27].

Мыслители первой половины XX в. рассматривали различные стороны проявления страха: З. Фрейд [5], Э. Фромм [6] анализировали психологические его аспекты, страх как аффективное состояние при совершении социального действия рассматривал М. Вебер [7]. В 1960-е гг. М. Фуко обратил внимание на то, что даже в условиях демократии властные отношения строились не только через традиционную систему права, формальных институтов и экономических санкций, но также были основаны на страхе как стратегии власти [8].

Рубеж XX–XXI вв. стал очередным этапом в исследовании взаимозависимости политики и страха. В 1990-х гг. в работах У. Бека [9] и Э. Гидденса [10] страх рассматривался в контексте постиндустриального общества, «общества риска», неотъемлемой характеристикой которого являются страхи, угрозы, фобии. В последнее время наблюдается тенденция усиления внимания исследователей к роли страха в политике и изучению различных аспектов их взаимодействия, что отражено в работах зарубежных и русскоязычных исследователей К. Робина, П. Бушерона, Дж. Кина, П. Дуткевича и Д. Казариновой, И. В. Радикова, П. А. Абрамовой [12–17]. По утверждению современных исследователей, страх присущ даже демократиям и становится глобальной проблемой современности. «...Страхи приобретают мировые масштабы», – заключает австралийский политолог Джон Кин [14, с. 173]. При этом страхи могут быть невидимыми, неосязаемыми, а их последствия могут проявляться не сразу. По мнению американского политолога К. Робина, «политический страх – это переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию – боязнь терроризма, паника в результате роста преступности, тревога из-за упадка нравственности – или же запугивание людей властями либо отдельными группами» [17, с. 44]. Российский политолог

И. В. Радиков, рассуждая о роли страха в политике, характеризует данную проблему с точки зрения массового политического сознания: «...политический страх – это не просто страх граждан перед властью, политикой, перед опасными последствиями принимаемых ими решений, это такое состояние заторможенного политического мышления людей, которое не позволяет критически и самостоятельно осмыслить ту или иную ситуацию» [17, с. 44–45]. В современном дискурсе социально-гуманитарных наук спектр трактовок страха столь широк, что позволяет сделать вывод об актуальности данной проблематики.

Процессы политической модернизации, связанные с разрушением социалистических режимов Восточной Европы и СССР, так и не привели к полномасштабному утверждению демократических ценностей, таких как массовое политическое участие, рост материи гражданского общества, идейно-ценностный плюрализм т. д., в ряде посткоммунистических стран. Если в начале «третьей волны» демократизации господствовали оптимистические настроения относительно ценностей либеральной демократии, то в настоящее время, даже в развитых европейских государствах, можно увидеть проявления разочарования в неолиберальной модели. Современная ситуация в мире все больше напоминает межвоенный период начала XX в.

Усиление авторитарных настроений связано с формированием новых вызовов безопасности, порождающих страх в общественном сознании. По верному замечанию норвежского философа Ларса Свендсена, «Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир» [18, с. 23]. Чувство обреченности стало характеристикой современного общества: мироощущения опасности связаны с экономическим и миграционным кризисами, боязнью экологической или техногенной катастрофы, опасностью внешнего вторжения или войны, широким распространением терроризма, усилением религиозного фундаментализма, что порождает неуверенность в завтрашнем дне. В этих условиях актуально звучат слова Э. Фромма о том, что «одиночество, страх, опасения по-прежнему являются неотъемлемой чертой индивидуума; люди не могут терпеть их вечно.

Они не в состоянии бесконечно вкушать горьковатые и давно уже прогнившие плоды «свободы от», они не могут без конца ощущать на своих плечах ее бремя: если человек не может перейти от свободы негативной к свободе позитивной, он всяческими способами пытается избавиться от всякой свободы вообще [6, с. 167]. По мнению российского политолога Т. А. Шаклеиной, события 11 сентября 2001 г. в корне изменили иерархию демократических ценностей. Граждане согласны «пойти на ограничение своей свободы во имя обеспечения собственной безопасности» [19, с. 29]. Кроме того, утверждает Т. А. Шаклеина, «готовность людей «обменять» свободу на безопасность наблюдается сегодня и в Европе, и в Америке, притом, что граждане последней всегда высоко ценили право на то, что описывается термином «privacy», т. е. правом на частную жизнь, не подконтрольную государствам или каким-нибудь внешним силам» [19, с. 29].

Демократические институты власти все чаще обвиняются в неэффективности, в коррупции, в неспособности принимать быстрые и энергичные меры для преодоления негативных процессов и явлений. Им не верят, не доверяют, с ними больше не связывают надежды на улучшение, что приводит к снижению политического участия и к победе популистских сил. Например, в Германии успех правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» видят в том, что недовольство людей своей жизнью играет куда более важную роль, чем наплыв мигрантов. «У немцев есть ощущение, что они уже не контролируют происходящее в стране и что крупные игроки немецкой политики о них уже не заботятся», – считают специалисты фонда Ганса Беклера [20]. Подобные процессы только усиливают авторитарные тенденции даже в традиционных демократиях, где формируется благоприятная почва для ренессанса авторитаризма, в котором люди видят стабильность, безопасность и надежду на будущее.

Мировой финансовый кризис 2008 г. привел к коррозии демократических устоев и реализации модернизированного сценария Т. Гоббса «войны всех против всех», только война теперь основана на новой идеологии – идеологии страха. Непосредственным результатом манипулирования страхами стала ориентация демо-

кратических правительств на авторитарные методы управления. Если в классической теории Т. Гоббса разум человека предписывал искать мир и следовать ему, отказавшись от своих естественных прав в интересах мира и безопасности и заключить договор об учреждении государства, то в модернизированной версии страх иррационален и переходит, по утверждению П. Дуткевича и Д. Борисовой, от «политики страха» к «страху как политике» [15, с. 8].

Мировое сообщество оказалось перед лицом глобальных вызовов, которые требуют от властей принимать сложные решения в короткий период времени. В этой ситуации авторитарные лидеры и режимы демонстрируют большую эффективность в разрешении актуальных проблем, стоящих на повестке дня, нежели демократические. При принятии решений авторитарные лидеры, манипулируя категорией «страха» и ссылаясь на необходимость поддержания безопасности, осуществляют политические действия, не прибегая к общественному мнению. Ярким примером данных процессов может служить попытка переворота в Турции, предпринятая военными в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., которые обвинили власти в подрыве светского, демократического устройства Турции. Военный переворот был подавлен, а турецкие власти использовали его для дискредитации политической оппозиции, в частности, обвинив лидера движения «Хизмет» Фетуллаха Гюлена в попытке свергнуть власть. Это позволило президенту Р. Эрдогану ввести чрезвычайное положение и способствовало усилению концентрации власти в его руках.

Следует отметить, что в условиях нарастания кризисных ситуаций свобода стала тяготить современного человека, поскольку можно более комфортно чувствовать себя, если кто-то, облеченный властью, за тебя принимает основополагающие решения. Еще Э. Фромм называл одним из факторов растущего бессилия и одиночества индивидуума в современном мире то, что «экономическое и политическое поле деятельности расширилось и приобрело новые правила; человеку становится все труднее разбираться во всех манипуляциях и перестановках. Также возросла угроза с внешней стороны. Хроническая безработица миллионов

людей еще больше усилила всеобщее чувство неуверенности в завтрашнем дне» [6, с. 163]. Свобода предполагает ответственность и вызывает опасения за собственное существование, авторитаризм же предлагает безрисковое, стабильное общество, где за тебя уже все решено, где мы избавлены от всех страхов.

Власти прибегают к политике страха, направленной на запугивание граждан, при этом, как правило, теряя авторитет и доверие. В качестве запугивания также используются дискредитация и «точечные» атаки на представителей оппозиции, призванные указать народу на цену участия в альтернативных движениях. Для сплочения народа и возвращения авторитета власти политики используют в качестве инструмента влияния страх, в первую очередь страх перед внешней угрозой. Таковы основания усиления авторитарных тенденций не только в автократиях, но и в современных демократиях.

Особое значение в трансляции и укоренении страхов в общественном сознании играют средства массовой информации, которые, по выражению Дж. Кина, «превращают страх в товар», «заваливают свою аудиторию историями об одержимых *au pairs*, массовых убийцах детей, учителях-педофилах и беспощадных вирусах-убийцах», – отмечает он [14, с. 176]. Можно говорить о том, что сегодня страх является инструментом мягкой силы, выступает и как источник усиления и расширения полномочий власти, и как средство манипулирования общественным сознанием.

Ключевым фактором усиления авторитарных тенденций является *разочарование в неолиберальной доктрине*, направленной на сокращение государственного вмешательства в экономику, которая должна была привести к ее оживлению. Однако экономическая ситуация во многих новых демократиях не только не улучшилась, а усугубилась. Резкие экономические скачки привели к росту разочарования, потере правящими элитами контроля над экономикой и увеличению уровня коррупции. Утрата доверия к рынку, государству способствуют приходу к власти радикальных сил как левого, так и правого толка. Примером подобного разочарования является долговой кризис Греции, начавшийся

в 2010 г. Основными причинами кризиса стало «воровство, коррупция, налоговое мошенничество и сознательная подтасовка финансовой отчетности на государственном уровне» [21]. В результате в 2015 г. на парламентских выборах победила Коалиция радикальных левых (СИРИЗА) во главе с А. Ципрасом.

Убеждение, что смена авторитарных процедур на демократические повысит эффективность власти и приведет к отмиранию коррупции, оказалось несостоятельным. Уровень коррупции в демократических странах стал даже выше, чем при авторитарных режимах. Румынию, Болгарию, Молдову и другие европейские страны охватили коррупционные скандалы и расследования по злоупотреблению властью. Так, в Болгарии, беднейшей стране Евросоюза, по данным Transparency International на 2017 г., самый высокий уровень коррупции в ЕС [22]. Парламентом Болгарии в конце 2017 г. был принят антикоррупционный закон, который предусматривает создание специального следственного органа для расследования коррупции в высших эшелонах власти. Однако президент Р. Радев наложил на закон вето, указав на то, что «закон недостаточно строг и не может обеспечить эффективную борьбу с коррупцией, которая подрывает права человека и разрушает доверие людей к государству» [22].

Еще одним фактором усиления авторитарных тенденций является *рост социального неравенства*, к которому привела политика неолиберальных правительств. Данный фактор, в свою очередь, также порождает общественное недовольство. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 2015 г., разрыв среди бедного и богатого населения достиг самого высокого уровня за последние 30 лет [23]. Согласно докладу международного объединения организаций по борьбе с бедностью Oxfam от 16 января 2017 г., восемь мультимиллиардеров владеют богатством, превышающим состояние наименее обеспеченной половины человечества [24]. По последним данным Oxfam от 22 января 2018 г., 82 % всех богатств мира владеет 1 % населения Земли, а 3,7 млрд человек составляют самую бедную половину планеты [25]. Возрастающий разрыв в доходах усугубляет опасения в обществе относительно своего будущего

и формирует у среднего класса – оплота демократии – стремление к авторитарной стабилизации. Представители среднего класса все чаще видят в демократических режимах, которым в настоящее время сопутствуют нестабильная ситуация, разгул коррупции, протестные движения и пр., угрозу своей безопасности. В «ЕС применяют единые стандарты, требования и подходы ко всем странам, невзирая на различия в их экономическом, финансовом и географическом положении», в итоге «выигрывают развитые страны и корпорации, усиливается международное и социальное неравенство» [26]. Ухудшение условий труда, сокращение социальных гарантий и заработной платы способствуют прекаризации среднего класса как устойчивой тенденции его деградации.

Значимым фактором, влияющим на умонастроения в обществе, является *формирование новых вызовов безопасности*, вызванных нестабильностью на Ближнем Востоке, угрозой международного терроризма, демографическими и миграционными проблемами, которые влекут за собой усиление авторитарных тенденций в демократических странах, вызывая к жизни политиков, которые активно используют популистские лозунги и возможности социальных сетей: Д. Трамп, М. Ле Пен, В. Орбан; националистов в Великобритании, Франции, Нидерландах, Австрии, Германии, которые добиваются впечатляющих результатов на выборах. Ярким примером может служить второе место на президентских выборах во Франции весной 2017 г. Марин Ле Пен, третье место правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» на парламентских выборах в сентябре 2017 г. и первое место на выборах в Чехии в октябре 2017 г. политического движения «Акция недовольных граждан» (АНО), возглавляемая «чешским Дональдом Трампом», предпринимателем и миллиардером Андреем Бабишем.

Утверждению авторитарных тенденций в политике способствует тот фактор, что *«новый» авторитаризм существенно отличается от прежних классических форм*. Он основан на госкапитализме, на военных и массмедийных технологиях, новых методах пропаганды и личностных качествах лидеров: *«Авторитарные государства теперь не закрыты от мира, но, наоборот,*

интегрированы в него экономически и институционально. Это несет угрозу: управляя авторитарными методами..., они подвергают эрозии международные правила и стандарты, выработанные демократиями за десятилетия. Это создает риск “экспорта нестабильности”» [27].

Современные зарубежные исследователи А. Хэденис и Дж. Теорелл предложили следующую классификацию авторитарных режимов «мягкого» типа: акторские, институциональные и электоральные [цит. по: 28, с. 125]. При авторитаризмах нового типа существуют оппозиция и представительные органы власти, сохраняются отчасти конкурентные выборы («неоосманизм» Р. Эрдогана, электоральный авторитаризм России, Казахстана и др.).

Таким образом, современная политическая, экономическая и социокультурная ситуация, усиление кризисных явлений в экономике, миграционный и демографический кризис, проблема терроризма привели к резкому возрастанию внерациональных форм регуляции человеческого поведения, в основе которого лежит страх. Играя на чувствах безопасности и экзистенциальных страхах населения, политики все чаще используют его в качестве козыря в своих политических действиях. В результате этих угроз, страх стал умонастроением современного общества, а государственное управление превратилось в управление страхом, что способствует «ренессансу» авторитаризма. Феномен современного или «нового» авторитаризма обусловлен уже не только социально-психологическими и экономическими факторами, он связан с использованием новых политических технологий, которые ведут к кризису демократии.

Список использованных источников

1. Горшков, М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 26–32.
2. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // Соч. – СПб.: Кристалл, 1998.
3. Гоббс, Т. Избранные произведения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 748 с.
4. Монтескье, М. О духе законов / М. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

5. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «я» / З. Фрейд. – М.: Азбука, 2014. – 192 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Попурри, 1995. – 672 с.
7. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избр. соч. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
8. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999; Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: в 3 ч. / пер. с фр. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – Ч. 1. – 381 с.
9. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
10. Гидденс, Э. Ускользающий мир / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
11. Власть страха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politike.ru/termin/vlast-straha.html>. – Дата доступа: 10.04.2017.
12. Робин, К. Страх. История политической идеи / К. Робин; пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. – М.: Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего», 2007. – 368 с.
13. Boucheron, P. L'exercice de la peur. Usages politiques d'une émotion / P. Boucheron, C. Robin, R. Payre. – Lyon: Press. Univ. de Lyon, 2015. – 84 p.
14. Кин, Дж. Страх и демократия / Дж. Кин // Логос. – 2004. – № 2 (43). – С. 157–179.
15. Дуткевич, П. Страх как политика / П. Дуткевич, Д. Казаринова // Власть. – 2017. – № 4. – С. 8–21.
16. Радиков, И. В. Политический страх как фактор современной политики / И. В. Радиков // Власть. – 2017. – № 4. – С. 43–49.
17. Амбарова, П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов / П. А. Амбарова // Социум и власть. – 2012. – № 6 (38). – С. 24–27.
18. Свендсен, Л. Философия страха / Л. Свендсен. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 288 с.
19. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 448 с.
20. В поисках «Альтернативы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/09/22/the-afd-the-rise-to-power-of-germany-s-far-right>. – Дата доступа: 23.10.2017.
21. Lewis, M. Beware of Greeks bearing bonds [Electronic resource] / M. Lewis // Vanity Fair. – Mode of access: <https://www.vanityfair.com/news/2010/10/greeks-bearing-bonds-201010/>. – Date of access: 30.10.2017.
22. Президент Радев наложил вето на законопроект о коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2018/01/03/bulgaria-corruption-law-vetoed>. – Дата доступа: 03.01.2018.
23. Factbook Country Statistical Profiles 2015/2016/ [Electronic resource]. – Mode of access: <http://stats.oecd.org/>. – Date of access: 23.10.2017.
24. Huit hommes possèdent autant que la moitié de la population mondiale. 16 janvier 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfam.org/>

fr/salle-de-presse/communiqués/2017-01-16/huit-hommes-possèdent-autant-que-la-moitié-de-la-population. – Date of access: 15.04.2017.

25. Les 1 % les plus riches empochent 82 % des richesses créées l'an dernier, la moitié la plus pauvre de l'humanité n'en voit pas une miette. 22 janvier 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfam.org/fr/salle-de-presse/communiqués/2018-01-22/les-1-les-plus-riches-empochent-82-des-richesses-creées-lan>. – Date of access: 30.01.2018.

26. Мамедов, И. Долговой кризис в Греции и его возможные уроки [Электронный ресурс] / И. Мамедов // Российский институт стратегических исследований. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/18887/>. – Дата доступа: 30.10.2017.

27. Авторитаризм 2.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2009/06/04_a_3206755.shtml. – Дата доступа: 15.04.2017.

28. Шекель, С. Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки / С. Н. Шекель // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 120–139.

Сведения об авторе:

Шлутцкая Л. В., кандидат исторических наук, доцент

The author Information:

Shlutskaya L. V., Candidate of History, Docent, e-mail: L_slutskaya@mail.ru

УДК 328.184

Антанович Н. А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (GR -ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Antanovich N. A.

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF GOVERNMENT RELATIONS (GR)

Цель статьи – выявить особенности смысловых трактовок и институционализации технологий организации отношений с органами государственной власти в Республике Беларусь и Российской Федерации. В публикации проанализирован спектр определений GR-деятельности, рассмотрена специфика GR в сравнении с PR и лоббированием. Связи с государством трактуют двояким способом в зависимости от субъекта – инициатора действия: 1) коммуникатив-

ная стратегия государственных институтов в их взаимодействии с предпринимательским сектором, социальными организациями и группами – правительственные отношения; 2) собственно предпринимательская коммуникационная стратегия связей с государством (с органами государственной власти), практика отстаивания интересов бизнеса перед лицом государства. Технологии организации отношений с органами государственной власти формируются на пересечении научных полей политического менеджмента и государственно-частного партнерства.

Выявлены особенности институционализации технологий организации отношений с органами государственной власти в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: управленческие технологии, субъект управления, связи с общественностью, лоббирование, продвижение корпоративных интересов, GR-деятельность / связи с государством / правительственные отношения, коммуникационная стратегия, социальное партнерство, стейкхолдеры.

The aim of the article is to reveal the peculiarities of the GR interpretations and institutionalization in the Republic Belarus and the Russian Federation. The spectrum of definitions of GR-activity is analyzed, the specificity of GR in comparison with PR and lobbying is considered. GR as relations with the state are interpreted in two ways: 1) communicative strategy of the governmental institutions in their interaction with the business sector, social organizations and groups; 2) business communication strategy of relations with the state (with state authorities and governmental institutions), the practice of upholding the interests of business in the face of the state. Technologies for organizing relations with public authorities are formed at the intersection of scientific fields of political management and public-private partnership.

The peculiarities of institutionalization of technologies for organization of relations with public authorities in the Republic of Belarus and the Russian Federation are revealed.

Kew words: Management, Public Relations, Public Affairs, Lobbying, Advocacy, Government Relations, Communication Strategy, Public Relations, social partnership, stakeholders.

За последние десятилетия в мировой управленческой практике взаимоотношения между государством, гражданскими институтами и частными кампаниями стремительно меняются. В силу интенсификации коммуникативных потоков управление на разных уровнях становится двусторонним и даже многосторонним процессом. С одной стороны, государственные институты активно взаимодействуют с гражданами, формулируя свои решения и выявляя общественные запросы. Развитие частного сектора

и гражданских институтов зависит от регулирующего воздействия государства. С другой – корпоративные подразделения в бизнес- и гражданских организациях, нацеленные на установление отношений с органами государственной власти, приобретают форму институционализированной деятельности. *Цель данной статьи* – проследить особенности смысловых трактовок и институционализации технологий организации отношений с органами государственной власти в Республике Беларусь и Российской Федерации.

В организациях различного типа (государственных, коммерческих и некоммерческих) может применяться два вида инструментов воздействия субъекта управления на управляемый объект: 1) нормативно закреплённые правила и принуждение; 2) мотивация и убеждение. Спектр применения субъектом управления (государственным институтом, бизнес-организацией, группой давления, политической организацией) коммуникативных приемов воздействия на объект управления (в отличие от применения принуждения либо правовых норм) достаточно широк: связи с общественностью (Public Relations – PR, Public Affair), лоббирование и продвижение корпоративных интересов (Lobbying, Advocacy), а также связи с государством (Government Relations – GR). Указанные феномены и их научное сопровождение возникли в западных политических системах, получив дальнейшее распространение в различных странах. Все указанные термины касаются *коммуникационной стратегии* как самого государства, так и негосударственных акторов и означают несиловое управленческое воздействие. Следует добавить, что стремление одного субъекта оказать воздействие на другую сторону, не прибегая к насилию либо прямому принуждению, составляет устойчивую компоненту социальной жизни в разные эпохи.

Проблематика технологий организации отношений с органами государственной власти является актуальной в зарубежной и отечественной науке и практике. В 2015 г. вышла в свет монография «Технологии и модели GR в Беларуси и России: сравнительный анализ» под редакцией В. В. Грибанова, И. В. Сидорской, Л. Г. Титаренко [1]. Указанную проблематику также

разрабатывают белорусские авторы Р. Н. Костицин, И. В. Сидорская, П. Л. Соловьев [2].

В российской политологии тема технологий организации отношений с органами государственной власти нашла достаточно широкое отражение. В период с 2010 г. по рассматриваемой проблематике были защищены кандидатские диссертации следующими авторами: К. А. Болдина, Д. Б. Котиев, Д. О. Матвеевков, Н. З. Почхуа, А. А. Шетов. В 2012 г. опубликованы учебные пособия: «GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством» под редакцией Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой [3]; «Экономическая политология: отношения бизнеса с государством и обществом» под редакцией А. Д. Богатурова [4]. В 2015 г. опубликован учебник «GR и лоббизм: теория и технологии» под редакцией В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой [5].

Термин **Government Relations – GR** с сопутствующими смысловыми оттенками в русскоязычном варианте звучит в следующих вариантах: *связи с государством, правительственные связи, правительственные отношения*. Появление коммуникативной технологии GR – следствие развития связей с общественностью (PR). Согласно альтруистическому подходу, связи с общественностью служат развитию социального партнерства для обеспечения взаимодействия между государством, нанимателями и работниками, между организацией и ее клиентами на системной, взаимовыгодной, долгосрочной и транспарентной основе.

Связи с государством (GR) трактуют двояким способом в зависимости от субъекта – инициатора действия: 1) коммуникативная стратегия государственных институтов в их взаимодействии с предпринимательским сектором, социальными организациями и группами – правительственные отношения; 2) собственно предпринимательская коммуникационная стратегия связей с государством (с органами государственной власти), практика отстаивания интересов бизнеса перед лицом государства. В этом смысле применяют термин «корпоративные стратегические коммуникации». К. А. Болдина верно отмечает: «...с одной стороны, GR-технологиями пользуются негосударственные акторы поли-

тического процесса для продвижения своих интересов на высшем, государственном уровне, с другой – само государство заинтересовано в налаживании эффективных контактов с другими участниками политического процесса в целях более успешного проведения своей политики» [6, с.18].

Связи с государством в широком смысле слова – современный социальный институт взаимодействия государства, бизнеса и общественных организаций, обеспечивающий оказание влияния на формирование политики в конкретных секторах (например, технических регламентов качества товаров и услуг, пассажирских и грузовых перевозок и др.).

Зачастую GR сужают до рассмотрения приемов коммуникативного воздействия негосударственных организаций, в первую очередь предпринимательских, на государство.

Приведем несколько примеров определения технологий организации отношений с органами государственной власти (или GR-деятельности).

Связи с государством – «особая организация взаимодействий негосударственных структур (ассоциаций гражданского общества, бизнеса) с государством для влияния на власть с целью согласования интересов и принятия эффективных решений» [3, с.12].

Связи с государством или *GR-деятельность*, как отмечает Н. З. Почхуа, являются «самостоятельной социальной практикой, отличной от смежных – лоббизма, и корпоративных коммуникаций» [7, с.10]; это «социальная практика, представляющая собой целенаправленную деятельность бизнеса и общественных организаций по выстраиванию долгосрочных, эффективных и взаимовыгодных отношений с органами государственной власти всех уровней с целью влияния на социально-экономические и политические процессы, происходящие в обществе [7, с.16].

Согласно Д. Б. Котиеву, GR – это «специализированные технологии по формированию взаимного доверия между бизнесом и органами государственной власти, представляющие неполитическую и политическую сферы для получения как взаимовыгодного, так и общественно полезного результата»; «совокупность интегрированных технологий, включающих в себя связи с обще-

ственно, лоббирование, маркетинг, анализ и прогноз, принятие решений [8, с. 9].

А. А. Шетов утверждает, что «GR-менеджмент представляет собой деятельность по управлению взаимодействием организации с государственными и муниципальными органами власти с целью повышения эффективности и экономической рентабельности и минимизации рисков, исходящих от государства. На современном этапе GR-менеджмент является инструментом налаживания взаимодействия организаций с органами власти, позволяющим согласовать и гармонизировать интересы организации с интересами государства» [9, с.12].

Согласно А. Д. Богатурову, «с методологической точки зрения [GR как частная дисциплина о способах приобретения полезных связей с правительственно-административными органами] способна когда-нибудь претендовать на роль теоретического основания того, что можно будет назвать “научным лоббизмом”» [10, с. 9].

Общим в ряде определений является то, что GR – это совокупность технологий, которые формируются и реализуются субъектами, занимающимися информационной, аналитической и консалтинговой деятельностью.

Остановимся на институционализации технологий организации отношений с органами государственной власти в Республике Беларусь и Российской Федерации. В Республике Беларусь действуют Ассоциация Европейского Бизнеса (<http://aebbel.by/>), PR-компания «Агентство Деловых Связей», директор В. Лопан (<http://www.adc.pr.by/>), Центр стратегического развития «Маркетинговые системы», директор А. Акантинов (<http://center-ms.com/>), Коммуникационное агентство EZERIN`COM, директор А. Эзерин (<http://ezerin.com/>), Коммуникационное агентство «АРС Коммюникейшнз» (<http://ars.by/>), Общественное объединение «Гильдия маркетологов».

В РФ действуют такие профессиональные организации, как Российская Ассоциация политических консультантов, Ассоциации специалистов по связям бизнеса и государства «GR-Лига». В РФ разработан профессиональный стандарт для специалиста

по связям с органами государственной власти, органами местного самоуправления, некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации. А. Д. Богатуров указывает: «К началу второго десятилетия XXI в. ...многие российские и иностранные компании стали создавать полноценные департаменты для работы с органами государственной власти. ...Целью подобных департаментов является детальная проработка платформ для переговоров с чиновниками по тому или иному вопросу, в решении которого заинтересована компания» [4, с. 67].

Универсальные *предпосылки институционализации* технологий организации отношений с органами государственной власти в различных странах таковы:

- усложнение регулятивной функции государства по отношению к субъектам экономической активности;

- создание на профессиональной основе специализированных департаментов, отвечающих, как за связи с общественностью, так и за связи с государственными институтами;

- рост информированности общества и нарастание потребности в получении сведений о деятельности бизнес-организаций, социальный запрос на корпоративную социальную ответственность, расширение возможностей защиты прав потребителей;

- формирование и укрепление специализированных объединений и ассоциаций, защищающих интересы бизнеса;

- появление ряда «секторальных НГО» как реакция на негативные последствия функционирования рынка либо конкретных видов государственной политики;

- транснациональная деятельность крупных лоббистских групп.

Позитивной стороной институционализации отношений бизнеса и НГО с органами государственной власти является их выход «из тени», формирование их зависимости от социальной деятельности государства, налаживание конструктивного диалога между властью и бизнесом, транспарентного для гражданского общества. В целом связи с государством призваны облегчить диалог политических и неполитических акторов.

Связи с государством, рассмотренные с точки зрения управленческой технологии, включают в себя: технологии связей с общественностью, имиджмейкинг, репутационный и антикризисный менеджмент, рекламную деятельность, политическое и бизнес-консультирование, информационно-аналитическое обеспечение, технологии переговорного процесса. Для реализации указанных технологий необходимы «переговорные площадки» (или так называемая «*инфраструктура GR-менеджмента*»): общественные палаты и общественно-консультативные советы (ОКС) при органах государственной власти, отраслевые ассоциации и объединения, встречи представителей власти и бизнеса во время экономических форумов, научных конференций.

Связи с государством, реализуемые бизнесом, выступают как корпоративные связи бизнес-организации с органами государственной власти, со своими заинтересованными сторонами (стейкхолдерами), СМИ, гражданским обществом. В этом плане бизнес-коммуникации тесным образом переплетены с лоббизмом.

Авторы книги «Экономическая политология» указывают на «*семантическую перекодировку*» слова «лоббизм»: «В России слово «лоббизм» на бытовом уровне вызывает почти бессознательные ассоциации с полуполюгальной деятельностью на грани коррупции, если не коррупционной. В западной традиции лоббизм считается методом опосредования интересов социальных субъектов...» [4, с. 155].

Термин «лоббирование» описывает широкий спектр действий по продвижению и защите интересов бизнеса деятельность на платной основе с целью влияния на должностных лиц (государственных служащих и выборных должностных лиц) для получения нужного результата. Отстаивание политических позиций также рассматривают как лоббирование. Согласно данной логике, человек, который пишет обращение к депутату парламента, является лоббистом. Если представители общественности и СМИ в целях привлечения внимания (в том числе со стороны государственных должностных лиц) к социальной проблеме распространяют информацию, и эта деятельность ориентирована на конкретное нормативное регулирование, то она пересекает линию пропаганды

и становится лоббированием. Деньги, СМИ и «давление с мест» называют «рычагами лоббирования».

Описание лоббизма представляет собой сложную задачу в силу существенной разницы в институционализации и нормативной регуляции данного феномена в различных странах. Как известно, в США, Канаде, Европейском союзе действуют законы, регулирующие лоббистскую деятельность. Основные объекты лоббирования – органы законодательной и исполнительной власти.

В США в 1946 г. принят закон «О регистрации лоббистской деятельности» («The Lobbying Registration Act»). Данному закону предшествовало принятие в 1938 г. закона «О регистрации иностранных агентов» («Foreign Agents Registration Act»), направленного на иностранных лоббистов. Оба акта установили требование регистрации лоббистов. В 1995 г. принят Закон «О раскрытии лоббистской деятельности» («The Lobbying Disclosure Act»). В 1979 г. создана Американская лига лоббистов («American League of Lobbyists»), которая в 2013 г. она переименована в «Ассоциацию профессионалов в области отношений с государством» («Association of Government Relations Professionals»). В Канаде в 1988 г. принят закон о регистрации лоббистов. Регистрация осуществляется Специальным регистратором при федеральной службе регистрации актов гражданского состояния Канады.

Тогда как законодательство США и Канады направлено на жесткую регламентацию лоббизма, в Европейском союзе применяется менее формализованный подход. Лоббирование в ЕС называют «*Европейское представительство интересов*» – влияние представителей заинтересованных групп на исполнительную и законодательную власти ЕС.

В Западной Европе еще в 1990 г. стали проводиться индустриальные форумы для обсуждения заинтересованными сторонами проблем в фармацевтической и телекоммуникационной сферах. В 2006 г. в так называемой «Зеленой книге», выпущенной Еврокомиссией, были применены понятия «лоббизм», «лоббист», предложена добровольная регистрация лоббистов. В 2007 г. Европейская комиссия закрепила официальное определение представительства интересов как мероприятий, осуществляемых

с целью оказания влияния на разработку политики и процессов принятия решений европейских институтов. Лиссабонский договор (Договор о ЕС), вступивший в силу 1 декабря 2009 г., в статье 11 закрепил правовую основу для представительства интересов. Эта статья регулирует представительную демократию в ЕС в следующих разделах: горизонтальный и вертикальный гражданский диалог, создание Комиссий и практика консультаций, новая инициатива европейских граждан. В 2011 г. решением Еврокомиссии и Европарламента закреплено создание *единого регистра лоббистов*.

Главными участниками европейского представительства интересов являются национальные, европейские и международные ассоциации из всех секторов экономической и социальной жизни, частного предпринимательства, юридические фирмы, консультанты по связям с общественностью (политтехнологи). Два уровня лоббистской деятельности в ЕС: действия на общеевропейском («брюссельском») уровне и на национальном уровне, с акцентом на общеевропейские вопросы.

В системе управления ЕС такие ключевые институты, как Европейский совет, Европейская комиссия и Европейский парламент, разработали систему взаимодействия с группами интересов. Большое значение имеет регулирование лоббизма для Еврокомиссии, так как ее членов не выбирают путем голосования и они не подконтрольны избирателям. Д. Руденкова указывает: «Европейская комиссия ... остается лидером среди институтов интеграционного объединения по взаимодействию с группами интересов. Будучи субъектом законодательной инициативы, Комиссия больше других нуждается в проведении комплексной экспертизы своих предложений, что довольно сложно обеспечить, располагая ограниченными ресурсами и не прибегая к помощи извне» [11, с. 71].

В странах ЕС используется практика открытых консультаций представителей властных институтов со стейкхолдерами. Для этого применяют так называемые Зеленые и Белые книги. Зеленые книги публикуют, чтобы стимулировать общественную дискуссию по проблеме. В Белых книгах размещают конкретные предложения по решению проблем в определенных сферах.

С 2011 г. введена единая регистрация лоббистов для Еврокомиссии и Европарламента в *Регистре транспарентности ЕС* (EU Transparency Register). В настоящее время Еврокомиссия публикует информацию о встречах еврокомиссаров с лоббистами. Создан сайт – <https://lobbyfacts.eu/> LobbyFacts. Публикуются данные о рейтинге лоббистских фирм в ЕС и их доходах в Регистре транспарентности. Примеры лоббистских организаций – Конфедерация промышленников и нанимателей ЕС, Комитет аграрных организаций в ЕС; Федеральное объединение Союзов немецких предпринимателей.

В ЕС развиты негосударственные организации, занимающиеся мониторингом коррупционной составляющей: Лоббинг Контрол (в Германии), Corporate Europe Observatory [12], Alter EU [13].

Субъектами лоббистской деятельности в различных типах политических систем могут выступать:

заинтересованные группы, защищающие общественные и групповые интересы;

представители предпринимательских ассоциаций (отраслевых, торговых, профессиональных);

специализированные юридические, консалтинговые GR- и PR-фирмы, а также физические лица (лоббисты являются посредниками между организациями и законодателями и чаще всего имеют юридическое образование. Пример: Агентство по связям с общественностью «СЕС Government Relations» в Центральной Европе, имеющее офисы в Варшаве, Праге, Братиславе и Будапеште, а также сеть филиалов в Бухаресте, Софии, Киеве, странах Балтии [14]);

сотрудники GR-отделов корпораций, фирм, предприятий;

аналитические центры, исследовательские и академические учреждения;

организации, представляющие интересы региональных, муниципальных и территориальных органов власти;

профсоюзы.

Две последние группы, как правило, применяют не прямое лоббирование, а «лоббирование снизу», «давление с мест» (grass-roots lobbying).

Итак, различие между лоббизмом и связями с государством является весьма зыбким. О. Г. Румянцев, Президент российской Ассоциации специалистов по связям бизнеса и государства (основана в 2012 г.), отмечал *искусственность* заключений о том, что GR и лоббизм – различные явления [15].

И все же, в отличие от лоббизма связи с государством являются направлением общего менеджмента, сфокусированным на формировании стратегии организации по легальному взаимодействию с государственной властью. В этом плане практически апробированной перспективной формой взаимодействия власти и бизнеса, а также применения GR-технологий, является государственно-частное партнерство. Как отмечает Д. О. Матвеевков, «в институциональном плане GR понимаются как специфическая форма частно-государственного партнерства власти и бизнеса, во многом реализуемого в политической сфере, которое основана на принципах устойчивого двустороннего, равноправного, взаимовыгодного и взаимозависимого сотрудничества, которое подразумевает делегирование бизнесу части своих управленческих функций и полномочий на основе принципа субсидиарности» [16, с.15].

Итак, цель лоббизма – получить конкретный результат в форме принятия решения по возникшей проблеме. Так сложилось, что термин «лоббизм» имеет много негативных смысловых коннотаций. Цель связей с государством – формирование системы взаимоотношений между экономическим субъектом, НГО и профильными для них органами государственного управления («политическими стейкхолдерами»).

Связи с государством – часть общей системы менеджмента организации, корпоративные стратегические коммуникации. Согласно гуманистическому подходу, связи с государством дают возможность бизнесу проявить свою социальную значимость, проявить свое гуманитарное влияние, в противоположность коррупционным схемам взаимодействия бизнеса и власти. Связи с государством для конкретной организации (корпорации, фирмы, предприятия, НГО) выполняют следующие основные функции: представительства и защиты интересов организации в органах

государственной власти, коммуникативную, информационно-аналитическую.

Список использованных источников

1. Технологии и модели GR в Беларуси и России: сравнительный анализ / И. В. Сидорская [и др.]; под ред. В. В. Грибанова, И. В. Сидорской, Л. Г. Титаренко. – Минск: БГУ, 2015. – 143 с.
2. Сидорская, И. В. Тенденции развития GR-образования в Беларуси / И. В. Сидорская, П. Л. Соловьев, Р. Н. Костицин // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2016. – № 1. – С. 85–90.
3. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учеб. пособие / Академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, С-Пб. гос. ун-т; Л. В. Сморгун [и др.]; под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 406 с.
4. Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом / отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 240 с.
5. GR и лоббизм: теория и технологии: учебник и практикум / отв. ред. В. А. Ачкасова, И. Е. Минтусов, О. Г. Филатова. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 315 с.
6. Болдина, К. А. Технологии репутационного менеджмента в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / К. А. Болдина; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2012. – 25 с.
7. Почхуа, Н. З. Связи с правительством (GR) как новая социальная практика постсоветской России : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Н. З. Почхуа; Моск. гос. ун-т. – М., 2011. – 25 с.
8. Котиев, Д. Б. GR-технологии как фактор развития взаимоотношений бизнес-структур и государства в современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. Б. Котиев; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2010. – 24 с.
9. Шетов, А. А. GR-менеджмент как инструмент управления взаимодействием организации с государством: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / А. А. Шетов. – Ростов н/Д, 2015. – 24 с.
10. Богатуров, А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России / А. Д. Богатуров // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 8–19.
11. Руденкова, Д. Э. Лоббизм в институтах Европейского союза / Д. Э. Руденкова // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 68–80.
12. Exposing the power of corporate lobbying in the EU [Electronic resource] // Corporate Europe Observatory. – Mode of access: <https://corporateeurope.org/>. – Date of access: 04.12.2017.

13. ALTER-EU Coalition [Electronic resource] // Alliance for Lobbying Transparency and Ethic Regulation – Mode of access: <https://www.alter-eu.org/>. – Date of access: 04.12.2017.

14. About: The Leading Public Affairs Agency in Central Europe [Electronic resource] // CEC Government Relations. – Mode of access: <http://www.cecgr.com/>. – Date of access: 04.12.2017.

15. Общая информация: Об Ассоциации [Электронный ресурс] // Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства «GR-Лига». – Режим доступа: <http://grliga.ru/>. – Дата доступа: 23.12.2017.

16. Матвеенков, Д. О. Эволюция института GR в системе частно-государственного партнерства в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. О. Матвеенков; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2011. – 30 с.

Сведения об авторе:

Антанович Н. А., кандидат политических наук, доцент

The author Information:

*Antanovich N. A., Candidate of Political Sciences, Associate professor (Docent),
e-mail: antanovich.bsu@gmail.com*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

УДК 323.11

Абсамтаров Р. Б.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Absattarov R. B.

ETHNOPOLITICAL CONTRADICTIONS IN SOCIETY: PROBLEMS AND JUDGMENTS

В статье на материалах Центральной Азии рассматриваются вопросы этнополитических противоречий в обществе, которые еще в научной литературе не изучены. Указанным противоречиям даются новые оценки, подходы и способы их решения. Показана связь этнополитических противоречий с языком как основой духовной культуры. Отмечается важность отрицания шовинистических, националистических и местнических воззрений и борьбы с ними. Вместе с тем уделено значительное внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: народ, этнос, нация, национальное меньшинство, противоречие, национальный вопрос, национальная политика, согласие, культура.

The article discusses issues of ethnic and political cleavages that have not been researched in the scientific literature on the materials of Central Asia. New assessments, approaches and ways to solve mentioned contradictions are given. The connection of ethno-political contradictions with language as the basis of spiritual culture is shown. The importance of denying chauvinistic, nationalistic and provincial views and combating them is noted. The article proposes new assessment approaches and methods to solve ethnic and political contradictions. However, it gives a considerable attention to discussion questions.

Keywords: people, ethnos, nation, national minorities, the contradiction, the national questions, the national policy, agreement, culture.

Проблема выявления этнополитических противоречий и способы их решения являются одной из самых трудных и сложных в общественной жизни. Сегодня в мире в различных социально-экономических условиях живут более 3 тыс. наций, народностей и племен, которые объединены в 245 государств, общая численность которых составляет более 7 млрд человек. Более 90 % представителей разных народов мира входят в состав многонациональных государств, 320 этносов имеют численность свыше 1 млн человек. Тут важно видеть всю реальную картину этнополитических противоречий. Заметим, что они, хотя и активно разрабатывались долгие годы, в настоящее время требуют нового осмысления, новых подходов, оценок и способов их решения.

Проблема этнополитических противоречий охватывает большой круг вопросов. Поэтому в одной статье рассмотреть все аспекты с одинаковой обстоятельностью и глубиной невозможно. В связи с этим, не претендуя в суждениях на абсолютную истину, хотелось бы рассмотреть на материалах Центральной Азии некоторые узловые вопросы этнополитических противоречий в современном обществе и способы их решения, которые в политической науке еще не исследованы.

Мировой и центральноазиатский опыт показывает, что этнополитические противоречия всегда имеют конкретно-историческое содержание. Научный подход к проявлениям этнополитических противоречий требует: во-первых, познания, понимания, исследования обозначившихся противоречий; во-вторых, осознанного воздействия, направленного на преодоление их в целом, в том числе на решение противоречий объективного характера; в-третьих, устранения трудностей, просчетов и ошибок, порожденных действиями субъективного порядка. Думается, сложность их познания, учета и разрешения состоит в том, что все они взаимосвязаны и теснейшим образом переплетены с другими группами противоречий: экономическими, политическими, правовыми, социальными, духовными, демографическими, миграционными, семейными и др. Эти явления практически не существуют в чистом виде, обычно в этнонациональной жизни одно противоречие переплетается с другим, они взаимно питают друг друга.

Сегодня обществоведам Центральной Азии необходимо рассмотреть недостаточно изученные вопросы: осмыслить сущность этнополитических противоречий в странах Центральной Азии, определить эффективность, пути и способы их решения в контексте национального, социального прогресса.

Перестройка, обновление этнонациональных отношений в Центральной Азии по-своему противоречива, и практика не может этого не учитывать. Дальнейшее обострение этнических противоречий в период реформирования общества мне представляется неизбежным. Иначе и быть не может, если всерьез говорить о глубоком преобразовании экономических, социально-политических и духовных отношений. Поскольку многие нерешенные вопросы долгое время накапливались и загонялись внутрь, то в условиях обновления, модернизации они постепенно вырываются наружу, порождая широкий спектр национальных требований, национальных движений, национально-культурных центров, национально-политических объединений и т. д.

Эти движения в Центральной Азии весьма противоречивы. Во-первых, они вполне вписываются в русло обновления, реформирования в процессе демократизации и расширения общественной активности, свидетельствуют о росте национального самосознания народов. Во-вторых, в них присутствуют сепаратистские, агрессивные и экстремистские черты, что приводит в ряде случаев к внутренне этнонациональным, межэтническим столкновениям. Поэтому сейчас основная проблема в том, как решить эти вопросы. По-видимому, центральное место здесь должна занять *идея этнонациональных компромиссов*, социально-политических консенсусов, поиска взаимоприемлемых решений. Только такой путь сможет уберечь народы Центральной Азии от серьезных напряженностей и потрясений.

Для более четкого обозначения области анализа надо определить, что многообразие противоречий этнонационального и межэтнического развития в Центральной Азии детерминировано объективно существующими различиями между народами, странами в сферах общественной жизни. Здесь нельзя не вспомнить Гегеля, который говорил, что различие есть противо-

речие [1]. Имеющиеся экономическое и социальное неравенство среднеазиатских народов, республик в самой большей степени было обусловлено имперской политикой центра – Москвы и неравномерным развитием советских регионов бывшего СССР и Центральной Азии [2]. Предстоит многое еще сделать и в юридическом плане, чтобы регионы, страны Центральной Азии, все проживающие в них народы находились в равных условиях, пользовались равными правами.

Страны Центральной Азии способны разрешить этнополитические противоречия на основе общности коренных интересов всех народов и проведения правильной национальной политики. Конечно, эти противоречия не разрешаются сами собой, их преодоление потребует определенных усилий, напряжения, а иногда и борьбы. Сила содружества народов, стран центральноазиатского общества состоит в том, что демократический строй, правильная национальная политика создают все возможности для преодоления данных противоречий, позволяют обществу разрешить их своевременно, не допуская национального недоверия, зависти, вообще любых националистических, шовинистических, экстремистских чувств.

Процесс обновления и перестройки этнонациональных отношений в Центральной Азии выявил противоречия между необходимостью радикальных преобразований и консерватизмом людей в методах действий. Консерватизм проявляется во всех сферах этнонациональных отношений и является катализатором механизма торможения, а также препятствует разрыванию национального прогресса. Сущность данного явления своими корнями уходит в закон единства и борьба противоположностей, в извечную борьбу старого с новым, прогрессивного с реакционным, национального с космополитизмом, манкуртизмом и т. д.

Таким образом, жители стран Центральной Азии должны научиться нормально жить в мире этнонациональных противоречий, разрешать этнополитические противоречия, не допуская склок, слухов, агрессивности, бюрократизма, проявлений волюнтаризма, преступности и других антинародных форм преодоления этнополитических противоречий. Но для этого, по моему

мнению, нужно неуклонно поднимать культуру регулирования этнонациональных и интеграционных процессов, совершенствовать подготовку руководящих кадров, их умение научно анализировать, вскрывать и разрешать реальные этнополитические противоречия, не допускать межэтнических конфликтов и т. д.

Самым глубоким истоком этнополитических противоречий является возрастание материальных и духовных потребностей народов, неизбежно выдвигающее перед обществом новые проблемы, требующие отказа от устаревшего и утверждения всего нового в этнонациональной жизни общества. Более того, демократизация современного общества будет обнажать и выявлять все новые и новые этнополитические противоречия, о существовании которых мы ранее не знали, в лучшем случае, догадывались. Чем полнее и глубже изучаются и раскрываются «белые пятна» различных периодов становления и формирования этнонациональных отношений в бывшем СССР и в странах Центральной Азии, тем рельефнее ощущается проблема противоречий.

Только сейчас, когда воссоздается подлинная картина становления, формирования и деформации этнонациональных отношений в странах Центральной Азии, мы наконец-то можем понять трагическую судьбу наших народов в период сталинщины, осмыслить зигзаги хрущевской «оттепели» и волюнтаризм в этнонациональных отношениях, оценить ущерб, нанесенный делу национальных интересов во время застойного и горбачевского периодов и т. д.

Постепенно начинают восстанавливаться порванные связи между прошлым и настоящим народов Центральной Азии и их подлинные взаимоотношения, что открывает возможность разрешения этнополитических противоречий на основе проведения правильной национальной политики.

Для реального разрешения этнополитических противоречий в странах Центральной Азии необходимо раскрыть глубинный механизм становления и функционирования извращенных форм национальной политики, процесса деформации этнонациональных отношений, не способствующего установлению гармонических связей между народами. Не менее важной является инфор-

мация как о социально-экономических, национальных процессах, имевших место в предшествующие годы, о политических деятелях, некогда стоявших во главе нашего государства, так и о современниках, которые взяли на себя ответственность за будущее, социально-экономическую стратегию стран Центральной Азии, оказывают непосредственное влияние на принятие политических решений в вопросах национального и межэтнонационального развития, обеспечивают их претворение в жизнь.

При анализе причин этнополитических противоречий необходимо иметь в виду и такой социально-психологический феномен, как историческая память народов Центральной Азии, в которой навеки запечатлелись былые войны, конфликты, голод, геноцид и т. п. Кроме того, следует признать, что причиной возникновения этнополитических противоречий явились абсурдные политические решения Москвы, в числе которых массовые репрессии, необоснованные депортации народов, запреты на проживание представителей тех или иных национальностей в местах их традиционных поселений, «административный волюнтаризм» в установлении границ между республиками и регионами Центральной Азии. Необоснованно обвинялись в национализме и преследовались многие национальные кадры. Например, в Казахстане это стоило жизни Ж. Аймаутову, А. Байтурсынову, М. Жумабаеву, М. Дулатову, Т. Рыскулову. Это обернулось высылкой из республики М. Ауэзова, А. Жубанова, К. Сатпаева; изъятием из обращения книг О. Исагулова, О. Сулейменова; запретом на кинофильм М. Бегалина; подавлением мирной демонстрации студенческой молодежи г. Алматы и других городах республики. В 1930–1932 гг. 1,5 млн казахов безвозвратно откочевали за пределы страны. С начала XX в. в Казахстане было переселено более 7 млн человек. Более того, во время двух революций, гражданской войны, в годы голода, репрессий, демографических депрессий, преследований погибло около 4 млн казахского населения [3].

Все эти и другие негативные явления оставили глубокий след в сознании людей, с ними приходится сталкиваться и сегодня. Социально-психологическими последствиями были социальная апатия, безразличие, сознание несправедливости и т. д.

Обновление, реформирование общества выявило этнополитические противоречия в основных сферах жизнедеятельности стран Центральной Азии: экономической, социально-политической и духовной. Думается, главные среди них – это противоречия между принципом равноправия больших, малочисленных народов и неодинаковыми возможностями удовлетворения их потребностей, сближением наций и привязанностью народов к этнической территории; между национальным и интернациональным в тенденциях развития и сближения народов; между ростом этнонационального самосознания и углублением интернационализации; между общенациональным и национальным патриотизмом и т. д. Эти и другие этнополитические противоречия и проблемы должны решаться на подлинно демократической основе, в контексте борьбы за социально-экономический прогресс. Плодотворно решать их можно только на основе науки и на путях закона, сохранения целостности страны, поиска согласия и взаимоприемлемых решений, уважения равных прав и свобод человека, народа.

Небезынтересно рассмотреть некоторые проявления этнополитических противоречий в различных регионах Центральной Азии, например, острые конфликты на этнической почве в регионах – Новом Узене, Андижане, Оше, известные националистические, шовинистические, изоляционистские настроения, появившиеся в Душанбе, Ашхабаде, Северо-Казахстанской и Западно-Казахстанской областях, возрождение элементов феодально-байских отношений в Самарканде, Южном и многое другое, что составляет реальность нашей национальной действительности. Эти противоречия, на мой взгляд, нельзя считать только наследием прошлого, квалифицировать как случайные и т. д. Они обнаруживают себя в виде более или менее устойчивых тенденций развития, могут обрести массовый характер и требуют серьезного изучения.

Этнополитические противоречия тесно связаны с *языком*. Поэтому одним из важных факторов разрешения этнополитических противоречий является развитие языков народов Центральной Азии. В период советской власти в их языковой жизни накопи-

лось много проблем, острых и болезненных вопросов. Например, казахский язык в Казахстане долгое время фактически был дискриминирован. По данным ученых-языковедов, около 40 % казахского населения либо не владело своим языком, либо владело им поверхностно. А в г. Алматы 90 % подростков коренной национальности не говорили на родном языке. Аналогичная картина была характерна и для других городов Казахстана. Кроме того, делопроизводство на казахском языке не велось во всех республиканских и областных организациях. Что из этого получилось, известно всем. В итоге язык казахского народа, занимающего по численности населения 70-е место в мире, оказался на своей исторической родине под угрозой исчезновения и вытесненным из общественно-политической жизни. Великой болью отдается в сердце каждого честного человека то, что казахский язык применялся лишь в 10 сферах жизни общества из 50 возможных. Все эти и другие перекосы привели к тому, что пошло на спад развитие национальной культуры, печати, науки, образования и национального самосознания. В связи с этим огромное политическое и социальное значение имеет Закон о языках Республики Казахстан и разработка государственной программы развития казахского, русского, немецкого языка и других национальных языков в республике.

Среди факторов, определяющих степень и специфику разрешения этнополитических противоречий в странах Центральной Азии, важное место занимает *развитие национальных меньшинств*. В странах Центральной Азии живут и трудятся совместно с крупными нациями более 150 национальных меньшинств [4]. Естественно, что у них порой возникают специфические проблемы, связанные с реализацией национальных интересов в сфере образования, культуры, языка, традиций, обычаев, быта, религиозных отправлений и т. д. Для их решения, например, в Казахстане создана система выявления и оперативного реагирования. В стране действует Большая и Малая Ассамблеи народов, а в городских и районных администрациях – комиссии, отделы или специальные рабочие группы, в которые входят представители национальных меньшинств, национально-культурные центры малочисленных народов и т. д.

Следует сказать, что негативные явления в нашей истории, которые не имели ничего общего с научной национальной политикой и нанесли серьезный урон развитию национальных меньшинств и упрочению их дружбы с казахским, узбекским, таджикским, туркменским, и другими народами, сейчас должны быть названы своими словами. Например, немало нерешенных проблем немецкого, корейского, польского, курдского, греческого, турецкого, дунганского населения. Фактически ни в одной стране Центральной Азии они как национальное меньшинство не представлены в структурах национально-государственных образований. Сегодня стоит задача более пристального рассмотрения опыта 20–30-х гг. XX в., возрождения в новых формах национальных районов и советов в местах компактного проживания представителей национальных меньшинств.

При рассмотрении истории этносоциального развития национальных меньшинств в странах Центральной Азии видно, что наиболее трудный процесс их развития пришелся на предвоенные, военные и послевоенные годы XX в. На многих из них лежала печать спецпереселенцев, они попали в совершенно незнакомую социально-культурную среду обитания. Наибольшие потери понесла их культура из-за разрыва преемственности. При этом не все элементы культуры исчезли или преобразовались. Те из них, что связаны с развитием производительных сил и расширением производственного опыта, производственными навыками, профессиональными знаниями, во многом сохранились и умножились, несмотря на существенные деформации. Самую большую утрату потерпели такие элементы национальной культуры, как язык, художественная литература, искусство, образование, наука, составляющие основу духовной культуры. Кроме того, в силу известных причин, подвергались деформациям духовная сторона быта, культура обслуживания, поведения, которые сохранились преимущественно в бытовом общении и не получили развития во всех сферах жизни общества. Думается, прерванный процесс этносоциального развития национальных меньшинств оказал деструктивное влияние на культуру стран Центральной Азии в целом: не получили общенационального распространения и признания различные формы их национальной культуры.

Вместе с тем следует сказать, что в странах Центральной Азии достигнуты и определенные успехи в развитии национальных меньшинств, что способствует преодолению межнациональных напряженностей среди населения. Здесь выросло много талантливых писателей, художников, артистов, врачей, инженеров, экономистов, агрономов, педагогов, ученых. Например, по моим подсчетам, сегодня в вузах и колледжах Республики Казахстан обучаются более 60 тыс. студентов-представителей национальных меньшинств. Научных сотрудников и преподавателей вузов в республике насчитывается приблизительно 8 тыс. человек, из них более 3 тыс. имеют ученую степень доктора, кандидата и магистра наук. Открывается школы с обучением на родном языке, готовятся специалисты в педагогических институтах, колледжах, университетах. Например, в Казахском национальном университете на факультете журналистики, Казахском национальном педагогическом университете и Кокшетавском университете образованы отделения, где студенты обучаются на немецком, корейском, уйгурском и других языках. Сегодня в кружках и учебных заведениях изучаются десятки языков национальных меньшинств республики. Тем самым расширяется сфера употребления этих и других языков национальных меньшинств, а значит, создаются возможности для их дальнейшего развития.

Большой вклад в национальное и культурное возрождение малочисленных народов и решение этнополитических противоречий в республике вносит издание на языках национальных меньшинств газет, журналов, книг, осуществление радио и телепередач, создание национальных ассоциаций, культурных центров [5] и т. д. В связи с задачей национального и культурного возрождения национальных меньшинств необходимо изучить их историю, традиции и обычаи, противоречия в их национальной жизни. Для этого необходимо привлечь ученых как казахстанских, так и зарубежных. Более того, нужно перейти к налаживанию связей национальных меньшинств с прародиной, особенно в сфере образования, языка, культуры, науки.

Должен быть разработан комплекс мер по развитию малочисленных народов стран Центральной Азии предусматривающий

конкретные шаги по развитию языка, культуры, образования. В одночасье нельзя обеспечить решение этой проблемы. Поэтому необходимо разработать поэтапную программу ее реализации, основой решения которой должны стать меры по расширению подготовки кадров на местах, обучение больших групп учащихся, магистрантов, докторантов, стажеров из представителей национальных меньшинств, особенно отсталых, как в республиканских, так и зарубежных вузах, научно-исследовательских институтах.

Важная часть решения этнополитических противоречий в общественной жизни Центральной Азии – *полное отрицание шовинистических, националистических и местнических воззрений и борьба с ними.*

Надо сказать, что национализм имеет различные истоки, и в конечном итоге наносит большой вред прежде всего тому народу, региону, району, той части области, где он проявляется, отталкивает от этой национальности другие народы, ведет к ее изоляции.

О том, насколько опасны всякие националистические настроения, свидетельствуют трагические события в различных регионах бывшего СССР и Центральной Азии, которые убеждают нас в том, что наблюдающиеся ранее националистические, шовинистические настроения не получали должного и своевременного отпора со стороны как государства, так и общественности именно в силу недостаточной интернациональности, культуры сотрудничества значительной части руководства и массы населения. Следовательно, проявившиеся негативные тенденции пагубно отразились на этнонациональных отношениях стран Центральной Азии и подогревали местничество, трайбализм, национализм и шовинизм. Подтверждением этого являются межнациональные конфликты в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Новом Узуне, Уральске и других регионах.

Наша общественность вправе спросить каждого обществоведа, представителя творческой интеллигенции, работника средств массовой информации Центральной Азии: что Вы сделали в солюдении межнационального согласия, в укреплении дружбы народов?

Жизнь диктует нам быть мудрее, перейти к взаимному развитию, взаимопониманию, найти лекарство для избавления не только от старых, но и от новых недугов. Ни в коем случае нельзя допустить недоверия между народами Центральной Азии в действиях, способных посеять семена сомнения, подозрительности между представителями различных народов.

В связи с этим следует подчеркнуть, что сегодня крайне необходимой является разработка концепции этнонациональных отношений в странах Центральной Азии на длительный период, включающей в себя изучение специфических запросов национальностей, проживающих в странах, реализацию положений Конституции, касающихся их свободного развития и общенационального мира.

Известно, что Центральная Азия, обладая уникальными кладовыми полезных ископаемых, по существу, в советский период не имела права пользоваться всеми этими богатствами. Например, Казахстан распоряжался только 7 % объема своей промышленности [6]. Все это ставило республику в униженное положение.

Не секрет, что всевластные министерства и ведомства центра – Москвы – вели себя подобно завоевателям в чужой стране, выкачивали национальные богатства Центральной Азии, пренебрегая потребностями социально-экономического развития национальных республик, особенностями их экологии, культуры, традиций. Только преступное, бюрократическое равнодушие к судьбе людей могло навязать одностороннее, монокультурное развитие республик Центральной Азии, превратить в атомные полигоны обширные территории Казахстана и т. д. Все это рождало трения в межэтнонациональных отношениях, девальвировало национальную политику на местах.

Надо сказать, что национальные чувства народов весьма щепетильны и легкоранимы. Даже если они задеты людьми других национальностей неосознанно, в виде шутки, по неосторожности, результат, как правило, отрицательный. Например, в средствах массовой информации, в связи с декабрьскими событиями 1986 г. в Алматы, появились формулировки «кунаевщина» и в постановлении ЦК КПСС – «казахский национализм», которые не могли

не задеть национальные чувства казахского народа. Совершенно справедливо формулировку «казахский национализм» общественность квалифицировала не только как необоснованную, но и как оскорбительную для всего казахского народа. К этому я добавил бы: не только казахского, но и всего казахстанского народа. С этим разбиралась целая комиссия, которая пришла к выводу, что случившееся – следствие гласности и демократии. А вот оценки, выводы были сделаны со старых, догматических, имперских позиций и подходов. Подлили масла в огонь и средства массовой информации. Это был протест, негодование, возмущение, реакция казахского народа в связи с назначением «эмиссара» Москвы Колбина руководителем Казахстана, который не знал особенности, специфику, историю Казахстана.

По мере разрешения этнополитических противоречий будет продолжаться и рост национального самосознания народов. Учитывая социально-психологические явления, логично допустить, что рост национального самосознания, наряду с позитивными моментами, может иметь и негативные, т. е. обострить этнополитические противоречия. Например, чрезмерная увлеченность своей культурой, историческим прошлым привела к идеализации своей истории, национального уклада жизни, переоценке своего народа и недооценке вклада, достижений казахского, узбекского и других народов Центральной Азии.

Рост национального самосознания чеченского населения, например, может сопровождаться проявлениями национальной кичливости, зазнайства, национальной неприязни, нетерпимости и другими негативными явлениями. Поэтому в период роста национального самосознания важно не допустить в нем перекосов и деформаций.

Решению этнополитических противоречий в общественной жизни стран Центральной Азии заметно мешает отсутствие научно обоснованной, разработанной, в соответствии с условиями и национальными особенностями регионов, системы формирования национального и общенационального самосознания населения. Нередки случаи, когда с одинаковыми рецептами подходят к проведению формирования национального и общенациональ-

ного самосознания как малочисленных, так и больших народов Центральной Азии. Но ведь уровень интернационализации и национального самосознания, например, казахов, скажем, один, у немцев – другой, у русских – третий, у корейцев – четвертый, у курдов – пятый и т. д. Фактически без заново созданной научной системы формирования национального и общенационального самосознания, освобожденной от наслоений лозунгового, абстрактного патриотизма, интернационализма, дружбы народов, декларативности, формализма, без отвечающей потребностям жизни, интересам национальностей, требования обновления общества и научно-технической революции нельзя цивилизованно развивать этнонациональные отношения.

В заключении можно сделать вывод о том, что существующие этнополитические противоречия в Центральной Азии прежде всего связаны с социально-экономическим фактором и нарушением научных принципов национальной политики. Страны Центральной Азии способны решить эти противоречия на основе согласия, общности главных интересов всех национальностей. Негативная тенденция самоизоляции национальностей, навязываемая сегодня лжерадетелями национального – тупиковый путь этнического, общественного развития. Изучение этнополитических противоречий и поиск, определение путей, способов их решения помогут развитию и сближению всех дружественных народов. Сегодня дружба народов Центральной Азии подвергается испытанию независимостью государств. Кое-кто полагает, что независимость – это, мол, дело коренных наций. Такой взгляд глубоко ошибочен. Суверенитет и независимость каждой страны Центральной Азии – дело всех граждан. Сейчас важно, чтобы решение этнополитических противоречий и проблемы в целом способствовало объединению народов каждой страны Центральной Азии в дружную семью и развитию демократического, справедливого общества, которому принадлежит будущее.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В.-Ф. Сочинения / Г. В.-Ф. Гегель. – М., 1957. – Т. 5. – С. 509.
2. Центральная Азия и ее проблемы. – Ташкент, 2010. – С. 20–30.

3. Абсаттаров, М. Казахской этнос: на перекресте истории / М. Абсаттаров // Евразийское сообщество. – 1995. – № 11–12. – С. 11.

4. Рахимов, С. А. Национальный вопрос в Центральной Азии / С. А. Рахимов. – Душанбе, 2011. – С. 15–16.

5. Absattarov, R. B. Turkic-speaking Diasporas of Kazakhstan / R. B Absattarov // International Journal of Global Diaspora Studies. – 2015. – Jun. – P. 3–8.

6. Казахстанский опыт межнационального и межконфессионального соглашения: предложения для ОБСЕ. – Алматы, 2009. – С. 49.

Сведения об авторе:

Абсаттаров Р. Б., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Республики Казахстан

The author Information:

Absattarov R. B., Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of NAS Republic of Kazakhstan, e-mail: absat41@mail.ru

УДК 348.71(470)

Земляков Л. Е., Шерис А. В.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Zemlyakov L.E., Cheris A.V.

THE INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE POLITICAL LIFE IN PRESENT-DAY BELARUS

В белорусском политическом процессе религиозные институты выступают в роли акторов, которые пользуются значимой поддержкой со стороны населения, имеют широкую социальную базу и активно взаимодействуют с властью с целью достижения определенных целей. Авторы выявляют расхождения между уровнем декларируемой религиозности и активностью религиозной жизни. Религиозные процессы существенно влияют на политическое развитие современной Беларуси. В статье показано влияние религии на политическую жизнь, раскрыта значимость ее мировоззренческого потенциала, сделана попытка прогнозирования развития государственно-конфессиональных отношений и поиска оптимальной модели государственно-конфессиональной политики и религиозной безопасности для современной Беларуси. В соответствии с этим предложен ряд рекомендаций для совершенствования нормативно-правовой базы взаимодействия государственных институтов и религиозных организаций.

Ключевые слова: религия, Белорусская Православная Церковь (БПЦ), Римско-католическая Церковь (РКЦ), религиозность, политика, политический процесс, государственно-конфессиональные отношения, государственно-конфессиональная политика, конфессионально-политическая ситуация, религиозная безопасность.

At the Belarusian political process, the institutions of traditional religions are like the actors which have a significant support of the population, have a broad social base and actively cooperate with the government in order to achieve certain goals. The authors reveal the differences between the level of declared religiosity and activity of religious life. Religious processes significantly influence the political development of modern Belarus. The article presents the influence of religion on political life, it was also revealed the importance of its ideological potential, it was made an attempt to predict the future development of public-professional relationships and searching the optimal model of state-religious policy and religious security for modern Belarus. According to this, a number of recommendations are offered in order to improve the legislative framework on the cooperation between government institutions and religious organizations.

Keywords: religion, the Belarusian Orthodox Church (BOC), the Roman Catholic Church (RCC), religiosity, politics, political process, public-political relations, confessional-state politics, the religious and political situation, the religious security.

Учитывая важность религии в белорусском политическом развитии, необходим глубокий анализ современной конфессионально-политической ситуации в Беларуси, исходя из отсутствия в белорусской политической науке теоретических и обобщающих работ по данной проблематике, авторы поставили себе цель выяснить, какова сегодня и какой должна быть в будущем роль религиозного фактора в политической жизни Беларуси.

В современной политической науке данной теме уделено достаточно большое внимание, хотя на наш взгляд, отсутствуют научные работы, посвященные влиянию феномена религиозного фактора на политическую жизнь в современной Беларуси. О значительном интересе к этой проблематике в наше время свидетельствуют труды как зарубежных авторов (К. Армстронг, Р. Робертсона, Б. Тернера, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона), так и наработки современных белорусских и российских исследователей, среди которых С. М. Алейникова, Н. В. Володина, С. С. Давыденко, Д. М. Медведев, М. М. Мчедлова, А. А. Нуруллаев,

Е. Я. Подлесный, Г. В. Станкевич, И. А. Тарасевич, Л. А. Тихомиров, Е. С. Токарев, О. Н. Четверикова и др.

Политические потрясения, происходящие сегодня в мире, *нельзя объяснить* без учета религиозного фактора в политике. Религия по-прежнему в значительной мере определяет подоплеку политической жизни в большинстве стран мира.

Религия активно влияет на социально-политические процессы и выступает весомым фактором формирования национального самосознания, подтверждая слова известной британской исследовательницы К. Армстронг: «Религия снова стала той внушительной силой, с которой пришлось считаться любым властям... и, без сомнения, будет играть важную роль во внутренней и внешней политике будущего» [1, с. 13].

Происходящие в современном динамичном обществе социокультурные и политические сдвиги носят глобальный характер и ломают привычные представления о религии, ее месте и роли в публичном пространстве, влияние на мировоззрение индивида и его социальные практики. Феномен религии становится все более разнообразным и сложным. Качественно новые признаки приобретают религиозные практики, виды религиозности, формы религиозной институционализации, коллективные и индивидуальные диспозиции по отношению к религии.

О роли религиозного фактора в политике и о том, что религиозные различия могут подпитывать политические конфликты, следует помнить и в белорусских условиях. Рост значимости религиозного фактора в политической сфере страны связан с тенденцией, которая обозначается как «религиозное возрождение». Данный термин стал общеупотребительным в связи с возрастанием роли религиозного фактора в общественной жизни. Религиозная жизнь современной Беларуси тесно переплелась с социальной и политической жизнью.

По состоянию на 1 января 2017 г. в Республике Беларусь насчитывалось 3337 религиозных общин, из них: православных – 1670, католических – 495, старообрядческих – 34, христиан веры евангельской – 521, евангельских христиан-баптистов – 280, греко-католических – 15, лютеранской церкви – 21, новоапостоль-

ской церкви – 21, пресвитерианской церкви – 1, реформатской церкви – 1, христиан полного Евангелия – 59, христиан веры апостольской – 10, церковь Христова – 5, мессианские общины – 3, адвентисты седьмого дня – 73, иудейских – 52 (из них 38 иудейская религия, 14 прогрессивный иудаизм), мусульманских общин – 24, свидетелей Иеговы – 27, бахаи – 5, мормонов – 4, кришнаитов – 6, армянская апостольская церковь – 2, буддизм – 1. Все общины объединены в 25 религиозных конфессий. Сегодня темпы роста количества религиозных общин значительно сократились. Число общин постепенно увеличивается только у православных, католиков, а также у некоторых протестантских деноминаций.

На территории Беларуси имеются 1546 православных церквей и 491 костел. Всего насчитывается более 2557 культовых помещений. В настоящее время строится 248 новых культовых зданий, в том числе 195 – православных, 37 – католических, 15 протестантских. Во многих культовых зданиях проводятся реставрационные работы.

В республике со своими уставами действуют: православная и католическая академии, 2 православные и 2 католические духовные семинарии, духовные училища, 35 православных и 9 католических монастырей, 22 протестантские миссионерские организации, 49 религиозных центров и управлений (республиканских и областных), а также 15 православных и 4 католические епархии.

В религиозных организациях осуществляют свою деятельность более 3216 служителей культа, в том числе 1723 православных священника и 450 католических ксендзов (113 из них являются иностранными гражданами) [2].

Определенное влияние на увеличение конфессионального многообразия оказала деятельность зарубежных миссионеров.

В условиях современной социальной реальности, где присутствует быстрая смена обстановки, сложность, динамичность и противоречивость меняющихся состояний, концепт «ситуация» стремительно завоевывает свое место в политологическом дискурсе. Нам представляется, что происходит движение концепта «ситуация» в направлении формирования междисциплинарного понятия «конфессионально-политическая ситуация», обретаю-

щего по мере развития исследовательских практик черты политической категории.

Конфессионально-политическая ситуация – это сложившаяся в определенный период времени социальная конфигурация религиозного и политического (сопряжение и пересечение религиозного и политического); она выражена в совокупности диспозиций религиозных и политических акторов в контексте социальных событий, процессов или тенденций, а также в моментах и элементах взаимной актуализации религиозного и политического. Таким образом, могут быть зафиксированы факторы активности религиозных субъектов в политическом поле, или политических субъектов в поле религии, поскольку политическое и религиозное взаимно выступают для соответствующих специализированных акторов как инородные контексты деятельности (или действий), и как факторы. С другой стороны, в концепте конфессионально-политической ситуации фиксируется политическое измерение проявлений религиозности и активности религиозных акторов.

Одна из основных характеристик конфессионально-политической ситуации – уровень религиозности населения. Данные социологических исследований Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, говорят о том, что верят в Бога 63,5 % респондентов, в сверхъестественные силы – 5 %. Не смогли однозначно определить свое отношение к вере 22 % опрошенных, а 8,5 % указали, что не являются верующими. Это означает, что более половины населения Беларуси в той или иной степени испытывает религиозные потребности и вправе рассчитывать, что их удовлетворение будет предметом не только непосредственной заботы религиозных организаций, но и уважения со стороны органов государственной власти, местного управления и самоуправления.

В целом по конфессиональной принадлежности опрошенные распределились следующим образом: 83 % отнесли себя к православным, более 9,5 % к католикам, 2 % – к другим. Определенное расхождение полученных данных о конфессиональном составе населения (94,5 % относят себя к какой-либо конфессии) и количество респондентов, назвавших себя верующими (68,5 %)

указывает на особенности самоидентификации белорусов, в которой выделяются конфессиональная самоидентификация и религиозная самоидентификация (определение отношения к религии) [3, с. 115].

Вместе с тем показатель *интенсивности проявления религиозности* и участия в религиозной жизни значительно ниже показателя общего уровня религиозности населения. Согласно данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, наиболее важными для верующего человека являются следование религиозным заповедям (87 %) и молитва (82 %). Такие формы выражения своей религиозности, как исповедь, посещение служб в храме и причащение, считают необходимым в среднем по 73 % опрошенных, соблюдение установленных постов и чтение священных книг – по 65 % участников опроса. Большинство считающих себя приверженцами какой-либо религии (63 %) следуют общепринятой традиции отмечать отдельные религиозные праздники, разделяют убеждения своей конфессии, но в отправлении обрядов и таинств не участвуют (14,5 % опрошенных). Совершают некоторые обряды и таинства 10 % граждан. Активно ведут себя в религиозном плане только 9 % респондентов, отнесших себя к какой-либо религии: постоянно принимают участие в богослужении (6 %), отправлении всех обрядов и таинств (3 %) [3, с. 116].

Приведенные данные свидетельствуют, что религиозный фактор стал важной составляющей «светского» общественного сознания и что степень религиозной самоидентификации населения в современной Беларуси высока. Эти показатели позволяют прийти к заключению, что по религиозному мироощущению современная Беларусь в основном христианская страна. Большинство населения считают себя православными, и в первую очередь не с точки зрения соблюдения религиозных практик, а по духовному складу, культурной идентичности, в процессе которой выясняется не столько религиозность, сколько мировоззренческая, политическая, нравственная, культурная ориентация человека [4–6]. Вместе с тем следует отметить не только увеличение удельного веса православного мировоззрения в общественном сознании, но

и об усилении воцерковленности (если в это понятие включить критерий посещения храма) православных [3, с. 116–117].

Еще одним важным параметром является оценка населением межконфессиональных отношений. Большинство опрошенного населения (94,5 %) считают, что межконфессиональные отношения в Беларуси в 2015 году носили спокойный характер. Называли их напряженными только 1,5 % респондентов. 32 % назвали религиозные течения, которые, по их мнению, являются деструктивными, наносящими вред жизни и здоровью людей. Чаще всего указываются сатанисты, радикальный ислам, Свидетели Иеговы, некоторые протестантские течения. У 70 %, отнесших себя к какой-либо конфессии, религия занимает важное место в их жизни, причем среди православных их число составляет 68 %, а среди католиков 82,5 %. На незначительную роль религии указали 26,5 % опрошенных (среди православных – 28 %, католиков – 15 %). Чаще верят в Бога, как правило, те участники опроса, родители которых также являются (являлись) верующими, чем те, чьи родители неверующие (75 и 24 % соответственно) [3].

Это позволяет заключить, что религиозность большей части верующих носит формальный, декларативный характер, не подкрепляется глубокими религиозными переживаниями, знанием догматических основ и культовых предписаний своей религии, соответствующим уровнем религиозного поведения. В ней преобладает элемент пассивной традиционности либо она выступает как ситуативная религиозность, которая не является проявлением глубокой и искренней веры в Бога, носит спонтанный характер, проявляется лишь время от времени в определенных, главным образом в неблагоприятных жизненных обстоятельствах и в основном сводится к формальному соблюдению некоторых традиционных религиозных обрядов, следованию этноконфессиональным стереотипам поведения.

Социально-экономическая и политическая трансформация белорусского общества привела к существенным изменениям в религиозной жизни страны, а также вызвала оживленную дискуссию о принципах взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Государственно-конфессиональные отношения представляют собой совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений между государственными структурами, с одной стороны, и религиозными организациями – с другой. Государственно-конфессиональные отношения являются одной из составных частей внутренней и внешней политики государства, цель которых – содействие согласию в белорусском обществе, обеспечение свободы совести и вероисповедания граждан, создание правового поля для осуществления всестороннего диалога с религиозными организациями, учет мнений и интересов населения, имеющего религиозную форму общественного сознания и выражающего его через религиозные организации.

Специфика современной конфессионально-политической ситуации заключается в следующем:

наблюдается повышение роли религиозного фактора, что проявляется в росте числа религиозных организаций;

отмечается религиозная многовариантность как в исключительно конфессиональном понимании, так и в конфессионально-территориальном плане;

произошло преобразование страны в многоконфессиональное государство с доминирующими христианскими деноминациями;

наблюдаются недоразумения и противоречия в религиозной среде;

происходит развитие национального самосознания у представителей разных этнических меньшинств, одним из каналов которого является возникновение разных национальных религиозных течений и организаций.

Отметим, что Республика Беларусь не производит сейчас впечатления «столкновений цивилизаций» или межконфессиональной напряженности. В целом отношения между православием и католицизмом могут быть охарактеризованы здесь как взаимоуважительные и взаимодополняющие. Но вспомним, что относительно недавно такая же ситуация наблюдалась и в Югославии, и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке, и в Украине

и ситуация в этих регионах кардинально изменилась менее чем за десятилетие. Поэтому обольщаться здесь не надо. Положение с межконфессиональным согласием повсеместно изменчиво и непостоянно.

В этих условиях перед государством встала задача формирования новых подходов к проблематике государственно-конфессиональных отношений и государственно-конфессиональной политики. Белорусская государственно-конфессиональная политика еще не устоялась. Она должна отвечать интересам белорусского общества, учитывать его историю и культуру.

С нашей точки зрения, структурная модель государственно-конфессиональной политики может быть представлена как совокупность следующих взаимосвязанных компонентов: мировоззренческо-ценностного, нормативно-правового, инструментально-организационного, функционально-деятельностного.

Мировоззренческо-ценностный компонент связан с тем, что мировоззрение выступает как обобщенный взгляд человека на окружающий мир и самого себя, что вытекает из общей картины мира и формирует жизненные позиции, убеждения, идеалы, принципы, оценки событий.

Нормативно-правовой компонент заключается в том, что деятельность любых субъектов является нормативно упорядоченной. В механизме реализации государственно-конфессиональной политики он представлен: религиозными нормами ведущих отечественных конфессий по политическим вопросам; нормативными актами международного, государственного и межгосударственного уровня.

Инструментально-организационный компонент. Реализовать основные цели государственно-конфессиональной политики практически невозможно без организационного построения системы регулирования этого процесса обществом или его определённой частью. Специфика политической сферы требует именно от государства осуществления управленческой и координационной деятельности. Поэтому основным институтом организации и управления в политической сфере следует считать государство, органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Функционально-деятельностный компонент государственно-конфессиональной политики даёт представление о практической деятельности её субъектов и участников в соответствии с конкретными целями, задачами и направлениями. Различия в целях, которые преследуют субъекты государственно-конфессиональной политики в своей деятельности, не позволяют говорить о том, что все они руководствуются одними интересами, принципами и правилами, соблюдение которых гарантирует сохранение общественной системы и её национально-специфического содержания. История подтверждает, что возможна как деструктивная деятельность государства по отношению к религиозным конфессиям, так и обратно направленное действие.

Среди приоритетов государственно-конфессиональной политики серьёзным фактором, способствующим оптимизации государственно-конфессиональных отношений, могло бы стать усиление внимания к выработке целостной концепции государственно-конфессиональной политики, которая, на наш взгляд, должна включать следующие компоненты:

конституционные принципы, гарантирующие свободу совести;

нормы Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»;

закон (или ряд законодательных актов), определяющий правовые основы социального партнёрства государства и религиозных организаций и регулирующий государственно-конфессиональные отношения в области социального обеспечения, здравоохранения, культуры и образования, сотрудничества религиозных организаций с Вооружёнными Силами и правоохранительными органами, участие религиозных организаций в перевоспитании находящихся в местах лишения свободы и др.;

заключение соглашений (договоров) между государством и религиозными объединениями, регламентирующих государственно-конфессиональные взаимоотношения с конкретными религиями и конфессиями с учётом их специфических особенностей.

Государственно-конфессиональная политика в Беларуси реализуется с учетом всех уровней политического процесса – мега-, макро- и микроуровней [7].

На мегауровне на формирование государственно-конфессиональной политики и функционирование системы религиозной безопасности в Беларуси оказывают влияние процессы глобализации. На современном этапе мы можем говорить о взаимосвязи глобализационных процессов и религиозных – религия становится важнейшим фактором глобализации. После появления работ С. Хантингтона ее принято считать маркером раскола современных цивилизаций. В системе религиозных организаций начинают проходить процессы, аналогичные протекающим в глобализирующейся мировой экономике. И это во многом влияет на изменение взгляда на глобализацию, как выходящую за рамки только экономико-политических процессов.

На макроуровне главное место занимает национальная религиозная политика.

Если Беларусь позиционирует себя как поликонфессиональная страна, то соответствующими должны быть и ее идеология, политика, проводимая с точки зрения баланса интересов этих конфессий, что должно обеспечить ощущение религиозной безопасности как отдельных граждан, так и национальной безопасности Республики Беларусь [8].

Микроуровень влияния религии на политику – это персональный пласт личной веры. Очень часто к вере человека может привести именно политическая ситуация. На индивидуальном уровне проявляется и тенденция влияния некоторых персоналий харизматических религиозных лидеров на формирование религиозных традиций и политическую ситуацию. На проведение конфессиональной политики большое влияние оказывают индивидуальные акторы: как политические деятели, так и главы официальных религиозных объединений. На микроуровне мы можем говорить о влиянии отдельных личностей как на конструктивные процессы в области сохранения религиозной безопасности, так и на деструктивные.

Считаем, что дальнейшими шагами по совершенствованию реализуемой в Республике Беларусь государственно-конфессиональной политики должны стать изложенные ниже меры.

1. Создание эффективной системы регулирования, построение которой требует разграничения полномочий, межведомственной

координации органов власти, осуществляющих взаимодействие с религиозными организациями, с одной стороны, как межотраслевой сферы, а с другой – как самостоятельной отрасли. Залогом эффективной модели регулирования является разграничение по вертикали форм и видов деятельности в религиозной сфере.

2. Насущной является также необходимость создания государственного научно-исследовательского учреждения, где бы аккумулировались самые современные идеи в области отношений государства и религиозных организаций. Данное учреждение стало бы научной базой выработки и дальнейшей реализации политики государства в религиозной сфере, центром подготовки методик и рекомендаций для работы органов, осуществляющих связи с религиозными организациями в Республике Беларусь.

3. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (2002 г.), выполнивший своё предназначение, к настоящему времени требует совершенствования с учетом многих произошедших в стране изменений социально-культурного характера, актуальной картины распределения религиозной идентичности, специфики современных отношений между государством и религиозными организациями.

В понятийном аппарате наблюдаются значительная терминологическая путаница и неопределенность. Однако, согласно известному постулату, то, что не определено или не определяется, не регулируется законом. Наиболее проблемными являются дефиниции «светскость государства», «светское образование», «миссионерская деятельность», «государственная религиоведческая экспертиза», «религиозное учреждение» и «правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства» и др. Сложность состоит в том, что указанные термины либо не содержатся в национальном законодательстве, либо, если содержатся, то в большинстве случаев не раскрываются.

Определение приоритетов государственно-конфессиональной политики требует учёта всего комплекса проблем, накопившихся в религиозной сфере, с одной стороны, и в отношениях религиозных организаций с государством – с другой. Государственную политику необходимо направить также на минимизацию зависимости отдельных конфессий от зарубежных центров,

на ограничение их вмешательства на внутреннюю религиозную жизнь Беларуси, а также на недопущение превращения религиозного фактора в инструмент этнического и территориального сепаратизма. Только в результате совместных усилий государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения могут приобрести гармоничный характер. Над этим должны работать органы государственного управления, религиозные и общественные организации, научное сообщество, общественность. Консолидирующим фундаментом совместных усилий могут стать идеология белорусского государства, стремление белорусского народа к прогрессивному социально-политическому развитию.

Список использованных источников:

1. Армстронг, К. Битва за Бога / К. Армстронг. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 501 с.
2. Приветствует Беларусь [Электронный ресурс] / Официальный сайт Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <http://www.belarus2t.by/>. – Дата доступа: 21.04.2017.
3. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2016. – С. 115–116.
4. Котляров, И. В. Развивая мультикультурный диалог / И. В. Котляров // Белорусская думка. – 2015. – № 11. – С. 81–87.
5. Котляров, И. В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 232 с.
6. Котляров, И. В. Социологическая модель современного верующего / И. В. Котляров // Проблемы управления. – 2012. – № 2(43). – С. 118–21.
7. Земляков, Л. Е. Современная государственная политика Беларуси в религиозной сфере / Л. Е. Земляков, А. И. Тиханский, А. В. Шерис. – Минск: Право и экономика, 2016. – 182 с.
8. Шерис, А. В. Влияние религиозного фактора на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь / А. В. Шерис. – Минск: Право и экономика, 2015. – 176 с.

Сведения об авторах:

Земляков Л. Е., доктор политических наук, профессор

Шерис А. В., кандидат политических наук, доцент

The authors Information:

Zemlyakov L. E., Doctor of Political Sciences, Professor, e-mail: polit_bsua@mail.ru

Cheris A. V., Candidate of Political Sciences, Docent

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СФЕРЕ

УДК 328.18(430+4)+(476)

Зендер В.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ОПЫТ, ОСНОВЫ И ИМПУЛЬСЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Sender W.

GOVERNMENTAL RELATIONS IN GERMANY AND THE EUROPEAN UNION: TRENDS, EXPERIENCES, FUNDAMENTALS AND IMPULSES FOR THE REPUBLIC OF BELARUS

Для исследований в сфере правительственных отношений в Германии и в Европейском союзе в последние годы характерны две существенные тенденции. С одной стороны, идет профессионализация образования, коммуникации и технологий работы групп интересов с целью оказания влияния на законодательный процесс и деятельность правительства; с другой – не в последнюю очередь как раз из-за этой профессионализации разгорелась интенсивная дискуссия по поводу того, насколько легитимным и прозрачным является влияние групп интересов на деятельность правительства и законодательство. Данная статья содержит обзор актуальных процессов и их скрытых причин, а также некоторые рекомендации по возможности использования инструментов правительственных отношений в Республике Беларусь.

Ключевые слова: правительственные отношения, группы интересов, лоббизм, законодательный процесс, процес принятия решений, вовлечение общественности.

The research field of government relations in Germany and the European Union has been characterized in recent years by two major development directions. On the

one hand, education, communication and work technique of interest groups are becoming more professionalized in order to influence legislation and governance, and on the other hand, not least because of this professionalization, an intense debate has arisen over how legitimate and transparent the influence of interest groups is on government action and legislation. This article contains an overview of these processes and their backgrounds, as well as some recommendations on the possible use of instruments of governmental relations in the Republic of Belarus.

Keywords: governmental relations, interest groups, lobbying, legislative process, decision-making process, public involvement.

К важнейшим предпосылкам для понимания значения и способа функционирования правительственных отношений в Федеративной Республике Германия относится осознание того факта, что национальное законодательство здесь принимается парламентом – Германским Бундестагом. Следуя четкому соблюдению принципа разделения властей, немецкий парламент отвечает за законодательство, правительство – за исполнение законов, а суды – за соответствующее правосудие. Поэтому рассмотрение поля исследования правительственных отношений в случае анализа ситуации в Германии, как и во всем Европейском союзе, в обязательном порядке должно включать как правительство, так и парламенты. С одной стороны, в силу федеративной структуры Германии в такое рассмотрение должны включаться не только Бундестаг, но и земельные парламенты и местные депутаты, а также соответствующие исполнительные структуры на этих уровнях. С другой – в силу членства Федеративной Республики Германия в Европейском союзе рассматривать следует и европейских депутатов, и Европейскую комиссию. В последующем, когда речь будет идти о правительственных отношениях, которые в данном случае понимаются как процесс оказания воздействия на общественное мнение и правительственную политику, с целью соблюдения обозримого объема материала статья в основном будет ограничиваться рассмотрением федерального уровня.

Основы законодательства в Германии

На федеральном уровне депутаты, принимающие решения о законах, являются, согласно Основному Закону, т. е. консти-

туции Германии, представителями всего народа, не связаны никакими наказаниями и указаниями и подчиняются только своей совести [1]. Таким образом, на депутатов возлагается задача не только реализовывать законодательные полномочия в интересах немецкого народа, но и делать это в рамках свободного мандата. С политологической точки зрения и с учетом проблематики правительственных отношений при этом возникает в том числе вопрос, на основе какой информации депутаты принимают свои политические решения. В принципе в законодательную работу депутатов интегрируются основные решения партий, фракций, рекомендации групп, объединяющих депутатов определенной федеральной земли, и так называемых социологических групп (например, подразделений партий, работающих с молодежью, пожилыми людьми, женщинами, студентами, либо подразделений, ориентированных на бизнес), а также рекомендации по голосованию от докладчиков фракций в Бундестаге. Как правило, ситуация выглядит так, что депутат при голосовании по законам либо другим документам принимает решение на основе большого объема прочей информации.

К таким прочим источникам информации относятся в частности прямая реакция избирателей, с которыми депутаты Бундестага, как правило, встречаются не реже чем раз в две недели во время пребывания в своем округе. В результате множества личных встреч с гражданами, политических дискуSSIONных мероприятий, посещений предприятий, публичных дебатов и постоянных дискуссий в местной, региональной и национальной прессе генерируются информационный пул и процесс формирования общественного мнения, исходя из которых депутаты, как правило, и принимают свои решения по законам. На национальном уровне сюда следует добавить позиции, которые высказывают федеральное правительство, федеральные земли и коммуны. Типичным для Германии является к тому же привлечение экспертной информации будь-то от экспертов из партий или из научных учреждений, или, например, аналитики научной службы Германского Бундестага, а также государственных или независимых фабрик мысли. Задействуется, в том числе, и межгосударственный уро-

вень, в частности по линии Европейского союза. Международный уровень представлен рекомендациями и заключениями международных организаций, а также информацией, поступающей от посольств других государств. Из негосударственной сферы в процесс формирования мнения депутата вовлекается, наконец, информация, поступающая от церквей, ассоциаций, объединений, профсоюзов и других групп интересов.

Поле исследований правительственных отношений

Поле исследований правительственных отношений в узком смысле касается непосредственно взаимодействия между этими акторами из последней названной сферы и акторами в правительстве и парламенте. В исследованиях и практике обучения при этом анализируется, какие существуют структуры, какие имеются правовые основы и как эти отношения оценивать с нормативной точки зрения либо как они должны формироваться практически. Практическое формирование отношений между негосударственными группами интересов и акторами в правительстве и парламенте в западных демократиях может происходить в принципе в результате целого ряда мероприятий: на политические решения можно влиять косвенно, например, через интеграцию групп интересов в партии либо аффилированные с партиями организации, их участие в диалоговых форумах или через дискуссии в СМИ. Чем многочисленнее группа интересов, тем, как правило, большим потенциалом угрозы отказа партии либо политике в поддержке на следующих выборах она обладает. В Германии нередко бывают ситуации, когда экономические союзы, профсоюзные либо экологические объединения дают конкретные рекомендации своим членам насчет голосования. Предприятия, в свою очередь, могут оказывать давление на политические решения, публично рассуждая в случае политических конфликтов о переносе предприятий, о зависимости своих инвестиционных решений от политических рамочных условий либо о сокращении рабочих мест. Напрямую влиять на политические решения группы интересов могут, в том числе, и через предложение не

в последнюю очередь и самим политикам финансовой поддержки и пожертвований, информации, ноу-хау, политических консультаций, экспертизы, постов в наблюдательных советах и рабочих мест. Все эти инструменты постоянно и в полном объеме используются в Германии, в государствах – членах Европейского союза и в учреждениях самого Европейского союза, а также во многих других международных и межгосударственных институтах. В дальнейшем рассмотрение ограничится одним аспектом предоставления информации группами интересов для правительства и парламента.

Интерес всего общества

Общих норм, регулирующих потоки информации от групп интересов и других источников к депутатам, в Германии не существует. Депутаты свободны в своем решении, из каких источников они активно либо пассивно будут получать информацию и с какой целью. Схожая ситуация имеет место и в отношении чиновников правительства: им также, как правило, не предписывается, из каких источников они должны получать информацию для своей правительственной деятельности, хотя здесь основополагающее значение имеют конечно регламенты министерств и правительств, правительственные программы и прочие решения, а также соответствующие законы. Для деятельности депутатов нормативную рамку задает только Основной Закон, согласно которому депутаты являются представителями всего немецкого народа. Эта рамка является чрезвычайно действенной и обязательной.

Неудивительно, что различные источники по-разному влияют на формирование мнения депутатов. Хотя беседы с отдельными избирателями могут быть чрезвычайно важными, можно предположить, что, как правило, интенсивные дискуссии в СМИ часто оказывают более сильное воздействие на формирование мнения политиков. Также можно предположить, что информация, возникающая в результате агрегации множества индивидуальных мнений, имеет большую силу воздействия, например: позиции ин-

ституты и организаций, которые представляют большие группы избирателей. Для некоторых депутатов это может иметь особое значение, если эти организации представляют интересы большого числа избирателей в их округах.

Однако не всегда только количественный показатель представляемых интересов определяет характер потока информации. Качество приводимых аргументов и практический подход к потребностям политической сферы также влияют на то, будут ли определенные интересы услышаны политиками. В этом смысле и небольшие организации либо институты, а также малые группы избирателей находят возможность быть заслушанными в парламенте, если они профессионально преподносят свою информацию и потребности. Профессионализм достигается, с одной стороны, через активную общественную деятельность, например, если группа граждан, проявляя высокую личную активность, работает над достижением цели. Типичные форматы такой активности вне политической партийной работы – письменные и устные заключения, медийные кампании, интернет-кампании вплоть до демонстраций. Профессионализма могут добиться и небольшие организации, если они используют значительные финансовые средства для достижения цели. В этом смысле даже отдельные предприятия могут проводить успешные политические кампании, например, проводя рекламные кампании в средствах массовой информации, используя профессиональные услуги агентств по публично-политической коммуникации или через иные финансовые средства добиваясь общественного восприятия. Как раз эта последняя упомянутая сфера оказания влияния финансово мощными и отлично организованными отдельными группами интересов вызвала в Германии и Европейском союзе в последние годы интенсивную дискуссию по поводу того, кто и в какой форме обладает доступом к депутатам. При этом в некоторых частях общества нарастал скептицизм, обусловленный предположением, что именно институты или организации, обладающие экономическим потенциалом и хорошими финансовыми возможностями, получают профессиональный доступ к политикам, в то время как другие группы общества особенно из сферы

гражданского общества часто не обладают подобным доступом. По этому поводу в последние годы в Германии и ЕС развернулись интенсивные дебаты, насколько такие действия экономических групп интересов, рассматриваемые в узком смысле как лоббистская работа, отвечают демократическим принципам прозрачности, честности и интересам всего общества.

Увеличение транспарентности

Продемократические организации гражданского общества поставили себе задачу особенно в течение последней каденции парламента добиться большей транспарентности этого воздействия. Решающую роль тут сыграли такие организации, как LobbyControl, Abgeordnetenwatch.de или Transparency International. Следует отметить, что Германский Бундестаг уже с 1972 г. [2] ведет и постоянно актуализирует реестр лоббистов с подразделением на сферы деятельности, в котором указаны все лица и организации [3], имеющие доступ в помещения Германского Бундестага. Из всех государств – членов ЕС Германия, таким образом, имеет дольше других предписания по поводу лоббистов. Но в 2015 г. обнаружилось, что существовали и другие, до сих пор не известные общественности лица, получившие доступ в парламент через фракции Бундестага. В 2015 г. организация Abgeordnetenwatch.de успешно подала иск, потребовав от Бундестага открыть названия лоббистских организаций, зарегистрированных во фракциях [4]. Германский Бундестаг в 2016 г. отреагировал на критику и изменил правила доступа для лоббистов предприятий в парламент. До настоящего времени многие представители интересов получали постоянный пропуск, даже если они работали в интересах только одной фирмы. В будущем им будут предоставляться, как правило, дневные пропуска, в то время как для представителей ассоциаций все останется по-прежнему [5]. Во время интенсивных дебатов 2015–2017 гг. некоторые депутаты требовали введения обязательного реестра лоббистов, работающих с правительством и парламентом. В публичном реестре с бесплатным доступом лоббисты должны бы были указывать затраты на соответствующую

лоббистскую работу с указанием темы и выгодоприобретателей [6; 7]. Такое далеко идущее регулирование не нашло поддержки большинства Германского Бундестага. Одной из основных причин отказа была принципиальная позиция по поводу неприемлемости для свободно избранных депутатов обязанности публично отчитываться о том, с кем, когда и о чем они говорили [8].

Как раз в последней каденции на уровне федерального правительства произошли некоторые изменения в механизмах доступа и правилах поведения. Во-первых, было введено так называемое время ожидания не менее одного года [9], лишь по истечении которого определенные члены федерального правительства, а также высокие чиновники после выбытия с должности могут при возникновении такой возможности работать на определенные организации, представляющие интересы, или предприятия. Цель новой нормы заключалась в предотвращении конфликтов интересов между публично-правовыми должностными отношениями и работой после ухода с должности [10].

Кроме того, министерства, которые имеют особенно частые и интенсивные контакты с группами интересов, стараются регулировать потоки информации и организовывать группы интересов таким образом, чтобы была возможность вместе с ними формировать политику. Примером такого подхода в Германии служит уже утвердившийся формат «Встреча в верхах по вопросам цифровизации» (прежде – «Национальная встреча по вопросам ИТ»). Речь в данном случае идет о мероприятиях и процессе в течение всего года, которые представляют собой платформу для сотрудничества политики, экономики, науки и общества в целях формирования изменений, связанных с цифровизацией. Организацией данного инструмента занимается Федеральное министерство экономики и энергетики [11]. Схожий формат разработало также Федеральное министерство здравоохранения.

Исходной точкой для таких новых для Германии форматов послужило понимание того, что экономические и общественные процессы модернизации только в том случае могут быть успешными, если все участники втягиваются в совместную работу и за счет высокой степени вовлечения достигается консенсус по

важным вопросам. Это подразумевает подключение не только правительства и промышленности с наукой, но также и социальных партнеров, в частности – профсоюзов. Таким образом, например, Цифровая повестка в сфере ИТ, согласованная в результате совместных усилий, задает направления для формирования изменений, связанных с цифровизацией. Встреча в верхах по вопросам цифровизации занимается семью основными сферами Цифровой повестки и ориентируется на них в своей организации. Такие формы институционального формального вовлечения групп интересов имеют место и в Германском Бундестаге. При обсуждении законов, а также в так называемых исследовательских комиссиях затронутые группы интересов, а также ученые и эксперты постоянно имеют возможность привнести свои оценки в законодательный процесс и в процесс принятия решений.

Тенденции в Брюсселе

Тенденции к обеспечению большей прозрачности в отношениях между группами интересов и представителями правительства и парламента не ограничиваются только Германией. В то же время сегодня только в семи других государствах – членах ЕС существует законодательство, регулирующее деятельность лоббистских организаций либо обязательная регистрация лоббистов: Франции, Ирландии, Литве, Австрии, Польше, Словении и Объединенном Королевстве [12]. В политическом Брюсселе в последние годы также разгорелась дискуссия о регулировании процесса правительственных отношений. Парламент ЕС ввел реестр прозрачности еще в 1995 г., 2008 г. его примеру последовала Комиссия. В 2011 г. был введен [13] расширенный реестр прозрачности ЕС [14], в котором приводятся организации, что хотели бы осуществлять влияние на политиков из институтов ЕС. Занесение в этот каталог является на сегодняшний день абсолютно добровольным. Президент Комиссии Жан-Клод Юнкер анонсировал в 2014 г. в связи с переговорами по ТТИП новую инициативу по расширению транспарентности, чтобы информировать общественность о том, с кем встречаются ведущие политики

и высокие чиновники [15]. В 2016 г. Комиссия заявила, что будет введен обязательный реестр прозрачности [16]. В своей речи о ситуации в Европейском союзе президент Юнкер объявил в сентябре 2017 г. о планируемом новом более строгом кодексе поведения для членов Комиссии: прежде всего должно было быть увеличено «время ожидания» для еврокомиссаров [17].

Одной из тенденций, также важных с точки зрения исследования правительственных отношений, является отказ Европейского парламента в 2017 г. представителям международного химического предприятия в дальнейшем предоставлении пропусков для доступа в парламент. Это предприятие отказалось прислать своих представителей для предоставления отчета в ходе парламентских слушаний [18]. Из-за данного случая со всей очевидностью был поднят вопрос по поводу того, возможно ли не только наделять группы интересов правом на доступ в парламент, но и возлагать на них обязанность в рамках такого формата предоставлять отчеты, аналитику и оценки.

Оценка влияния групп интересов

По поводу оценки наличия групп интересов и их влияния на политику в Германии сложился определенный базовый консенсус. Исходя из посыла, что деятельность правительства должна быть связана волей народа и что в то же время прямая демократия по меньшей мере в ее абсолютной форме нереализуема, требуется представительная демократия, в которой интересы избирателей представлены депутатами. Но такая представительная демократия не может основываться только на том, что депутаты регулярно проходят процедуру выборов. Для формирования политики между выборами просто необходимы контакты с населением по всему спектру вопросов. Через группы интересов открывается возможность агрегировать, селективировать и коммуницировать волю избирателя в том числе и между выборами и благодаря этому получать информацию о политических настроениях и целях по крайней мере большей части населения.

Хотя эта задача в Германии – согласно нормам Основного Закона – возложена на политические партии, группы интересов все же берут на себя важные дополнительные функции. Другими дополнительными инструментами являются, в том числе, опросы общественного мнения и исследовательские отчеты, которые, в свою очередь, также постоянно должны подвергаться проверке на предмет их объективности, целеустановок и достоверности. Проблематичной роль групп интересов, исходя из нормативных оснований демократического понимания политики, становится только в том случае, когда отдельные особо эффективные группы интересов добиваются возможности действовать исключительно в собственных интересах, определять политическую повестку и даже менять правила игры в демократической системе.

Демократия не становится слабее из-за существования групп интересов: демократия ослабевает тогда, когда отсутствуют определенная базовая степень прозрачности и определенные основополагающие правила игры для этих групп интересов, обеспечивающие верховенство политики в управлении, законодательно закрепленную роль политических партий и соблюдение интересов всего общества. В Германии и Европейском союзе, и это продемонстрировали описанные выше тенденции, этот процесс обеспечения прозрачности очевидно еще не закончен. Более новые механизмы работы групп интересов, среди них, например, социальные сети, а также профессионализация путей образования приводят к постоянной потребности адаптации регулирования в целях обеспечения демократических правил игры в том числе и в новых условиях.

Подходы для Республики Беларусь

Представленный выше анализ является введением в процесс осмысления и рассмотрения тенденции правительственных отношений, имеющих место в немецкой политической системе. Их перенос из-за иной политической системы в Республике Беларусь возможен лишь условно. Тем не менее здесь имеются отдельные основополагающие импульсы, применимость которых целесо-

образно проверить и для Беларуси. Это оправдано постольку, поскольку, судя по всему, политическая система Республики Беларусь в будущем еще в большей степени столкнется с вопросами лоббизма и правительственных отношений, что потребует принятия соответствующих решений. Такой вывод напрашивается, с одной стороны, с учетом возрастающей роли и профессионализации частных предприятий в Беларуси, которые в целях сохранения рабочих мест и экономической модернизации хотят и должны оказывать влияние на деятельность правительства и законодательство. Кроме того, следует исходить из возрастающего значения парламента в политическом процессе в Республике Беларусь, что можно рассматривать как политическую цель руководства страны, и первые отправные точки для этого уже проявляются. С другой стороны, возрастания роли лоббизма и правительственных отношений в Республике Беларусь следует ожидать в частности в результате возрастающего экономического взаимодействия страны с зарубежьем. Тут нужно, во-первых, упомянуть Евразийский экономический союз, в рамках которого предприятия из других стран – членов Евразийского экономического союза могут еще более активизироваться в Беларуси. Во-вторых, установленная правительством цель интенсификации торговли с Европейским союзом также неминуемо приведет к тому, что предприятия из ЕС еще больше активизируются в стране. Не в последнюю очередь, предстоящее вступление в ВТО приведет к тому, что международные предприятия еще в большей степени будут взаимодействовать с Беларусью и в самой Беларуси.

Основной и, возможно, полезной инновацией для адаптации к этим тенденциям в Беларуси могли бы стать процессы согласования позиций на высшем уровне по секторам промышленности по примеру тех, которые в последние годы сформировались в Германии. Идея в данном случае, как представлено выше, заключается в том, чтобы вовлечь все затронутые группы интересов в сфере модернизации секторов промышленности с целью реализации этих процессов в интересах и на пользу всего общества. Правительство Республики Беларусь, которое подобно тому, как и Германия, делает ставку в модернизации экономики на ИТ,

вполне могло бы проанализировать, насколько подобные процессы приемлемы для сопровождения белорусской модернизации. Конкретно это могло бы означать, например, обеспечение более активного обсуждения представленной в декабре 2017 г. стратегии модернизации «Наука и технологии» Национальной академии наук Республики Беларусь, а также Национальной стратегии развития с участием экономических и общественных групп интересов, чтобы учесть их рекомендации и возможности и таким образом привлечь на стабильной основе эти общественные и экономические группы к реализации целей стратегий. Наряду со сферой информационных технологий это возможно также и для сферы здравоохранения, которая тоже может стать для Беларуси растущим рынком. Здесь также уже сегодня существует потребность в осуществлении регулирования с учетом интересов частной экономики, интересов государственных предприятий и государственных интересов в сфере здравоохранения.

Уже сегодня представители белорусского правительства и парламента на различных встречах и конференциях сталкиваются с вопросами и идеями со стороны частных предприятий и прочих групп интересов. С учетом международного опыта представляется вполне возможным сделать такое взаимодействие в Республике Беларусь еще более непрерывным, структурированным, целенаправленным, систематическим и инклюзивным. Ведь модернизация белорусской экономики требует коренных изменений в том числе и в самом обществе, т. е. процессов, которые глубоко проникают и в социальную сферу.

При всей необходимости регулирования правительственных отношений в интересах всего общества нужно учитывать еще один урок из немецкой политической жизни: как раз избранные представители в сфере политики должны обладать достаточной свободой действий, чтобы самостоятельно находить ответственные и творческие политические подходы к процессам модернизации, чтобы иметь возможность концентрироваться на индивидуальной специализированной тематике и, проявляя личную активность, приходить к креативным решениям. Только если избранные представители не только реализуют политику, но

и разрабатывают ее и при этом учитывают интересы своих избирателей, предприятий и организаций из своего избирательного округа – и об этом также свидетельствует немецкий опыт – могут возникнуть устойчивые импульсы для модернизации. Для этого требуется не только соответствующая подготовка задействованных лиц, но и понимание того, что ответственность за проактивное продвижение процессов модернизации лежит и на депутатах.

Список использованных источников

1. Основной закон Федеративной Республики Германия, 23 мая 1949 г. – Ст. 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru. – Дата доступа: 12.12.2017.

2. Германский Бундестаг. Публичный список зарегистрированных в Бундестаге ассоциаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: goo.gl/nSjtBK. – Дата доступа: 12.12.2017.

3. Актуальная версия публичного списка по регистрации ассоциаций и их представителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/8PgDPq>. – Дата доступа: 12.12.2017.

4. Süddeutsche Zeitung. Bundestag verweigert Herausgabe der Namen von Lobbyisten (Бундестаг уклоняется от выдачи лоббистов) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://goo.gl/BBL08V>. – Date of access: 12.12.2017.

5. Süddeutsche Zeitung. Bundestag entzieht Lobbyisten die Hausausweise (Бундестаг лишает лоббистов пропусков) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://goo.gl/zaK3gT>. – Date of access: 12.12.2017.

6. Парламентская заявка “Transparenz herstellen – Einführung eines verpflichtenden Lobbyistenregisters” (Обеспечить прозрачность – введение обязательного реестра лоббистов), Drucksache (документ) 18/3842, 28.01.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/HVF9Uc>. – Дата доступа: 12.12.2017.

7. Парламентская заявка “Transparenz schaffen – Verbindliches Register für Lobbyistinnen und Lobbyisten Einführen” (Создать прозрачность – введение реестра, обязательного для лоббистов), Drucksache (документ) 18/3920, 04.02.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/3rC3NG>. – Дата доступа: 12.12.2017.

8. Германский Бундестаг. Bundestagsmehrheit lehnt Lobbyistenregister ab (Большинство Бундестага отклоняет реестр лоббистов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/CYvMmU>. – Дата доступа: 12.12.2017.

9. Gesetz zur Änderung des Bundesministergesetzes und des Gesetzes über die Rechtsverhältnisse der Parlamentarischen Staatssekretäre vom 17. Juli 2015, (Закон

об изменении закона о федеральных министрах и закона о правоотношениях парламентских статс-секретарей от 17 июля 2015 г.), BGBl 2015 I, 1322.

10. DIP, dem Dokumentations- und Informationssystem für Parlamentarische Vorgänge (Система документации и информации парламентских процессов). Gesetz zur Änderung des Bundesministergesetzes und des Gesetzes über die Rechtsverhältnisse der Parlamentarischen Staatssekretäre. (Закон об изменении закона о федеральных министрах и закона о правоотношениях парламентских статс-секретарей) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP18/651/65141.html>. – Дата доступа: 12.12.2017.

11. Федеральное министерство экономики и энергетики. Digital-Gipfel (Встреча в верхах по цифровизации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/ZQUmWb>. – Дата доступа: 12.12.2017.

12. Европейский Парламент. Regulation of lobbying across the EU (Регулирование лоббизма в ЕС). Декабрь 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/xikCXk>. – Дата доступа: 12.12.2017.

13. Европейская Комиссия. Пресс-релиз от 23.06.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goo.gl/FxLvo9>. – Дата доступа: 12.12.2017.

14. Transparency register (Реестр прозрачности) //Официальная веб-страница Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/JpE6t8>. – Дата доступа: 12.12.2017.

15. Европейская Комиссия. Пресс-релиз от 25.11.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-2131_de.htm. – Дата доступа: 12.12.2017.

16. Европейская Комиссия. Vorschlag für eine Interinstitutionelle Vereinbarung über ein verbindliches Transparenzregister (Предложение о межведомственном соглашении об обязательном реестре прозрачности) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/QbVA6h>. – Дата доступа: 12.12.2017.

17. Европейская комиссия. Пресс-релиз от 16.09.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-3167_de.htm. – Дата доступа: 12.12.2017.

18. Spiegel Online. Europaparlament entzieht Monsanto-Lobbyisten Zugangsweise (Европарламент лишает лоббистов из Монсанта пропусков) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/4PSgSZ>. – Дата доступа: 12.12.2017.

Сведения об авторе:

Зендер В., Программный директор по Беларуси немецкого Фонда имени Конрада Аденауэра

The author Information:

Sender W., Programm Director for Belarus of the German Konrad Adenauer Foundation

e-mail: wolfgang.sender@kas.de

Кизима С. А.

БЕЛАРУСЬ – ЕС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

Kizima S. A.

BELARUS – EUROPEAN UNION: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF RELATIONS

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития отношений Беларуси с Европейским союзом. Одним из ключевых направлений в развитии отношений является сотрудничество в контексте программы «Восточное партнерство». Статья прогнозирует, что отношения Беларуси с ЕС не будут ухудшаться до уровня 2011 г. в силу новых, появившихся в последние годы факторов.

Ключевые слова: международные отношения, Республика Беларусь, Европейский союз, Восточное партнерство, факторы международных отношений.

The article examines the problems and prospects for the development of relations of Belarus with the European Union. One of the key directions in the development of relations is cooperation in the context of the Eastern Partnership program. The article predicts that relations between Belarus and the EU will not deteriorate to the level of 2011 due to new factors that have appeared in recent years.

Keywords: international relations, the Republic of Belarus, the European Union, the Eastern Partnership, the factors of international relations.

Отмена санкций ЕС в феврале 2016 г., как отметил белорусский Президент, предоставляет новые возможности для сотрудничества: «Мы имеем уникальный шанс сделать его подлинно взаимовыгодным, работающим на экономическое развитие, на благо народов наших стран» [1].

Референдум в Великобритании по вопросу членства страны в Евросоюзе стал настоящим шоком для всего мира. Еще несколько лет назад большинство людей в мире даже помыслить не могли, что какая-то страна может выйти из ЕС. Напротив, на вступление в ЕС стояла очередь желающих. Но мировой финансовый кризис и дестабилизация Ближнего и Среднего Востока все изменили. Евросоюз перестал быть источником уверенного экономического роста для стран-участниц, а безработица в неко-

торых странах-членах бьет все рекорды. При этом взорванная Западом государственность в Ираке и Сирии, Ливии и Афганистане служит источником нескончаемого потока беженцев, который пугает население и элиты некоторых стран Евросоюза, наподобие Великобритании.

У самого Евросоюза в новой ситуации есть всего два варианта развития событий. Первый – сплотиться, воспользовавшись выходом Великобритании, которая постоянно ставила множество условий, препятствующих дальнейшей централизации ЕС. Это играло на руку и США, ее основному партнеру, которому не нужна дальнейшая централизация и укрепление ЕС, поскольку в таком случае он может стать опасным конкурентом для американского могущества.

Второй вариант также прост – оставить все как есть, но в это случае велики шансы на распад ЕС, когда британский пример станет соблазном для подражания другим членам интеграционного объединения.

Хочется надеяться, что инстинкт самосохранения у элит Евросоюза есть, и они смогут реализовать в жизнь первый вариант, привлекательный и для Беларуси. Нашей стране более выгоден сильный ЕС, чем дальнейший распад этого интеграционного образования, который неизбежно будет сопровождаться конфликтами, экономическими проблемами и ростом военной напряженности в регионе. Нынешнее количество внешнего негатива, уже обрушившегося на белорусскую экономику из-за войны в Украине и холодной войны России с Западом, взаимных санкций Российской Федерации и западных стран, и так превышает все разумные пределы. Начавшаяся паника из-за выхода Великобритании лишь добавляет негатива и вызовов для Беларуси, которая нуждается в обратном. Опасения в устойчивости ЕС как интеграционного образования, политические скандалы, которые неизбежно будут возникать в процессе выхода Великобритании, колебания курсов валют, прежде всего евро и английского фунта, снизят потенциал инвестирования в белорусскую экономику, будут негативно влиять на возможности экспорта белорусских предприятий на западном направлении. Вместо тихого и спокойного соседа, не-

обходимого для Беларуси на западном направлении в условиях дестабилизации восточного и южного направления, Беларусь может получить очередные, совершенно ненужные проблемы. Конечно, очевидно, что от нашей страны не будет зависеть слишком много. Беларусь слишком мала, чтобы повлиять позитивно на поведение таких крупных государств, как Великобритания и Германия, Франция и Италия. Все, что мы сможем и должны будем сделать, – это призывать при необходимости к переговорам вместо принятия резких, непродуманных решений и к осознанию ответственности за те или иные шаги, предпринимаемые не в наших интересах.

Отношения Беларуси с европейскими странами, являющимися членами Евросоюза, складываются по-разному, но в последние три года налицо явное улучшение в их развитии. Огромное положительное влияние на этот процесс оказала конструктивная позиция Беларуси по украинскому кризису, который небезразличен всем странам – участницам ОБСЕ. Активное содействие со стороны Беларуси деятельности ОБСЕ в урегулировании противоречий между участниками процесса, согласие Москвы, Киева, Берлина и Парижа использовать предложенную белорусскую площадку для поиска планов по выходу из кризисной ситуации, важные договоренности, достигнутые в ходе встреч в Минске, которые оказали влияние на деэскалацию насилия на территории Украины, не могли остаться незамеченными. Евросоюз обнаружил то, что давно знали в Пекине или Москве – белорусская дипломатия активна, инициативна и способна добиваться поставленных целей.

Налаживание отношений могло бы продвигаться быстрее, если бы не предшествующие десятилетия, в ходе которых в странах ЕС сложилась инерция негативно и критически оценивать все происходящее в Беларуси. Она и сейчас препятствует налаживанию нормальных рабочих отношений, хотя это все, что нужно Минску. Беларусь не претендует на участие в европейской интеграции, на членство в Евросоюзе, на ассоциацию с ЕС или создание зоны свободной торговли. Намерения Беларуси вполне прозрачны – с соседской точки зрения получить содействие в модернизации экономики посредством доступа к новым техно-

логиям, увидеть на своей территории крупных европейских инвесторов, которые будут создавать высокооплачиваемые рабочие места. Ну, а если еще удастся увеличить экспорт в Евросоюз, то это вообще хорошо, поскольку глупо не стремиться наращивать экспорт к соседям, в особенности, если у тебя нет выхода к Мировому океану со своей территории, чтобы выгодно торговать со всем миром.

У руководства Беларуси нет иллюзий, что улучшение политических отношений со странами ЕС обрушит манну небесную на белорусскую экономику. Лозунг «Запад нам поможет» – это для наивных. У Молдовы и Украины вообще не было серьезных проблем в отношениях с ЕС, но состояние их экономики намного ниже достигнутых Беларусью показателей. Уровень предрассудков в отношении Беларуси в Евросоюзе еще зашкаливает. Поэтому у белорусского Главы государства нет большого количества личных визитов в ЕС, достаточно редко приезжают в Минск и европейские коллеги его уровня. Но в то же время неправильное восприятие Беларуси Евросоюзом, искусственно созданный плохой имидж нуждаются в исправлении посредством постоянной работы, потому что вредят белорусской экономике.

Одной из ключевых для дальнейшего развития отношений является программа «Восточное партнерство». Несмотря на то, что в данный момент «Восточное партнерство» встречает весьма сдержанные отзывы по поводу эффективности этой программы со стороны его участников, для Беларуси она все же необходима. С самого начала наша страна не планировала других целей участия, кроме сугубо прагматических. Не было планов, как у Грузии, Молдовы и Украины, заключать соглашение об ассоциации или создавать зону свободной торговли. Что нам было интересно в 2009 г., и по-прежнему интересно в 2017 г., так это содействие в сфере развития энергетической безопасности, привлечение инвестиций и современных технологий в белорусскую экономику, развитие возможностей по проникновению белорусских товаров на рынки сбыта ЕС. В меньшей степени Беларусь интересуется возможностью перейти со временем к безвизовым отношениям,

в том числе потому, что такой режим более выгоден Евросоюзу, чем Беларуси. На территории ЕС расположены достопримечательности 28 стран (до полного выхода Великобритании), в том числе таких чемпионов по числу культурных объектов в мире, как Италия и Франция, следовательно, безвизовый режим будет способствовать вывозу валюты из Беларуси, а не ее притоку. А если учесть, что у нас нет своего моря и своих гор, что тоже привлекает множество туристов, а в ЕС с этим все хорошо, то понятно, что общение без виз станет мощным источником оттока валюты из страны.

Как уже было отмечено выше, с 2009 г. основные приоритеты не изменились. По-прежнему одним из острых остается вопрос энергетической безопасности Беларуси и то, как сотрудничество с Евросоюзом может помочь усилить эту сферу. По этому аспекту проблемы Беларуси и ЕС достаточно схожи, своих энергоресурсов не хватает обеим сторонам. В то же время проблемы нашей страны более существенны. Если импортных энергоресурсов Евросоюз завозит 53 % от своих нужд, то Беларусь зависит от импортного топлива на 70 %. Общая проблема может вызвать в будущем разнообразные формы сотрудничества. В данный момент Беларуси наиболее интересно содействие в развитии альтернативной энергетики и приобретении современных технологий по увеличению использования местных видов топлива. Евросоюз располагает большим опытом в этой сфере, и Беларусь рассчитывает его перенять. Меньший интерес есть в налаживании альтернативных каналов поставок традиционных энергоресурсов – нефти и газа. С учетом необходимости их провоза в Беларусь сухопутным маршрутом через территории стран ЕС после покупки у дальних покупателей (Норвегии или Катара), цена будет слишком высокой по сравнению с ценами российских поставщиков. Имеет смысл сближение энергосистем Беларуси и ЕС – это может понадобиться как для экспорта излишков белорусской электроэнергии после ввода в строй новой атомной станции в Островце, так и для дополнительных источников поступления электроэнергии при наличии каких-либо проблем в существующих коммуникациях.

К сожалению, из-за проблем в регионе товарооборот со странами ЕС по итогам 2016 по сравнению с 2015 г. уменьшился на 22,1 % и составил 11,2 млрд долл. США (21,9 % общего товарооборота Республики Беларусь). Это почти четверть товарооборота Беларуси со всеми странами мира. Важно то, что экспорт уменьшился на 33,2 % и составил 5,7 млрд долл. США, импорт снизился на 5,8 % и составил 5,5 млрд долл. США. Положительное сальдо составило 178,8 млн долл. США. В то же время годом ранее положительное сальдо для Беларуси составляло 2,8 млрд долл. США [2]. Главной причиной стал нефтегазовый конфликт с Россией, который еще раз продемонстрировал прямую зависимость белорусского экспорта в ЕС от поступления в необходимых объемах нефти из России для последующей переработки в сотни видов готовой продукции, востребованной в Евросоюзе.

В рамках «Восточного партнерства» нашей стране нужно наращивать свой экспорт в Европейский союз, что в данный момент достаточно сложно сделать из-за множества ограничений для белорусских товаров на этом одном из самых богатых рынков мира. Хотя, находясь на его границе, рационально ожидать больших возможностей по сбыту своих товаров, чем для стран, расположенных вдали от Евросоюза, в то же время страны – участницы ЕС не горят желанием видеть новых конкурентов на своем рынке. Об этом свидетельствуют и проблемы с экспортом политически близкой Евросоюзу Украины в этом направлении. Несмотря на декларируемую свободную экономическую зону, украинские товары ограничены в экспорте по множеству направлений в рамках согласованных квот.

В отношении сотрудничества в сфере технологий двух мнений быть не может. Евросоюз – один из четырех самых крупных технологических центров мира наряду с США, Китаем и Японией. Именно современные технологии способствуют тому, что четверть всех мировых услуг на 2013 г. оказывалась именно Евросоюзом. Можно однозначно сказать, что в данный момент технологическое сотрудничество Беларуси с ЕС находится в начале пути. Основные способы передачи технологий в современном мире связаны с инвестициями, поскольку основная масса совре-

менных НИОКР ведется частными корпорациями и результаты принадлежит им же. При создании филиалов или совместных предприятий с ними есть возможность принять на своей территории их современные технологии. Это наиболее оптимальный вариант для Беларуси по сравнению с покупкой отдельных технологий для последующего внедрения, поскольку серьезной проблемой белорусской экономики является серьезная нехватка кредитов с доступными процентами для участников рыночных отношений. Наши финансовая и банковская системы формируются на небольшом белорусском рынке, имеют мало иностранных участников, в силу чего не располагают значительными финансовыми ресурсами. Постоянные кризисы в регионе (кризис 2008 г., крымский кризис, украинская война, холодная война России и Запада) не способствуют стабильности для уменьшения процентных ставок до размера приемлемых для субъектов хозяйствования. Одной из ключевых задач для белорусского правительства является использование возможностей «Восточного партнерства» для привлечения современных технологий из стран ЕС.

Вероятность очередного жесткого сценария в отношении с Западом не исключена. Слишком уж велик накал страстей в отношении России из-за украинского кризиса и успешной роли России в сирийском урегулировании, нарушающей планы отдельных западных стран по отстранению Б. Асада от власти. Россию на Западе многие воспринимает в качестве заклятого врага, и это отношение может быть распространено на те страны, которые демонстрируют с ней теплые отношения.

В то же время не все так безнадежно, как было в 2010 г. Есть новые факторы, которые могут не допустить отката отношений Беларуси с западными странами по сценарию 2010 г. Первым из них являются странные отношения США с ЕС. Если в 2010 г. западный мир был сплочен, а многие европейские лидеры «души не чаяли» в Бараке Обаме, отвечавшем им встречной взаимностью, то в 2017 г. все иначе. Приход к власти Дональда Трампа в США спутал все привычные форматы отношений американцев с ЕС. Множество заявлений Трампа как в период избирательной кампа-

нии, так и в первые месяцы президентства, достаточно нелестны как для ЕС, так и для перспектив тесного сотрудничества США с ЕС в ближайшие годы. Чего стоит хотя бы последняя перепалка по поводу восторгов Трампа в отношении Брексита Великобритании, выраженных в заявлении пресс-секретаря Белого дома США Шона Спайсера, который подчеркнул, что Трамп «в свое время возглавил призыв к проведению Brexit и всецело уважает волю британского народа». В ответ на подобные заявления председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил: «Новый президент США радовался такому событию, как Brexit, и убеждает другие страны пойти по тому же пути. Что же, если он продолжит в том же духе, я сам буду продвигать независимость, например, штатов Огайо или Техас» [3]. Странные отношения США с ЕС означают для Беларуси гораздо меньшую возможность скоординированности в желании наказать Минск за теплые отношения с Москвой.

Вторым фактором является затянувшийся процесс урегулирования украинского кризиса. Военные действия в Донбассе то вспыхивают снова, то затихают, но украинский фактор никто не готов сбрасывать со счетов. Поэтому фактор Беларуси остается важным для попыток урегулировать украинскую ситуацию сразу по двум параметрам. Первым из них является необходимость проводить постоянные переговоры в Минске, уже доказавшие свою результативность в минувшие годы. Поиск новых форматов чреват усугублением имеющихся проблем, в чем многие на Западе не заинтересованы. Вторым параметром является статус белорусской территории, граничащей с Украиной. Сейчас она является нейтральной площадкой, откуда нет никаких угроз для суверенитета Украины. В интересах Запада сохранение такой ситуации, а это означает, что нельзя слишком осложнять отношения с Минском.

Третий фактор прост – в декабре 2010 г. Запад сыграл в игру по резкому ухудшению отношений с Беларусью. На несколько лет ухудшив отношения с Минском, никаких преимуществ для себя в итоге он не получил. Есть ли смысл играть в игры, в которых твои усилия не оправдываются?

Эти факторы дают надежду на то, что в новой ситуации улучшения российско-белорусских отношений разочарованный Запад ограничится словесной риторикой и не станет предпринимать те резкие шаги, которые совершил в декабре 2010 – январе 2011 г.

Каковы перспективы развития отношений с ЕС? Принцип прост: чем больше Беларусь будет демонстрировать свою энергию и способность улучшить Европу в целом, без разделения на блоковые интересы, тем быстрее прежние предрассудки о стране развеются. Беларусь, кстати, готова сыграть роль и в стабилизации самого Евросоюза, не поддерживая процессы сепаратизма, которые могут последовать за Брекситом, о чем 15 марта 2017 г. заявил белорусский лидер. Слишком сильна память о том, как пагубно распад Советского Союза отразился на самой Беларуси, чтобы желать того же своим соседям. Трудно также представить себе многополярный мир, который выиграет от исчезновения такого игрока, как Евросоюз, потенциал которого еще полностью не раскрыт.

Список использованных источников

1. Беларусь все больше воспринимается как полюс стабильности в регионе – Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/belarus-vse-bolshe-voSprinimaetsja-kak-poljus-stabilnosti-v-regione-lukashenko-220086-2016/>. – Дата доступа: 02.05.2017.

2. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь–декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.gov.by/ru/2016_stat-ru/view/itogi-vneshnej-torgovli-respubliki-belarus-za-janvar-dekabr-2016-goda-678/. – Дата доступа: 02.05.2017.

3. Юнкер заявил о поддержке выхода штатов из США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/3834422-yunker-zaiavyil-opodderzhke-vykhoda-shtatov-yz-ssha>. – Дата доступа: 02.05.2017.

Сведения об авторе:

Кизима С. А., доктор политических наук, профессор

The author Information:

Kizima S. A., Doctor of Political Sciences, Professor, e-mail: kizima@mail.ru

Есин Р. О.

БЕЛАРУСЬ – ЯПОНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В НОВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Esin R. O.

BELARUS – JAPAN: NEW OPPORTUNITIES IN NEW REGIONAL CONDITIONS

Статья посвящена сотрудничеству Беларуси и Японии, эволюции двухсторонних отношений и перспективам их развития. Особое внимание уделяется гуманитарному и экономическому сотрудничеству в условиях активизации политического диалога двух стран и повышении интереса к укреплению политических, экономических, культурных и иных связей между ними. В публикации подчеркивается роль суверенных независимых государств в поддержании стабильности и безопасности в своем регионе в условиях нарастания глобальных противоречий. Выявляется значимость разделяемого многими государствами политического подхода к укреплению региональной стабильности, называемого «интеграция интеграций».

Ключевые слова: белорусско-японские отношения, политический диалог, гуманитарное и экономическое сотрудничество, региональная стабильность, «интеграция интеграций».

The article is devoted to the cooperation between Belarus and Japan, the evolution of bilateral relations and the prospects for their development. Particular attention is paid to humanitarian and economic cooperation in the context of intensifying the political dialogue between the two countries and increasing interest in strengthening political, economic, cultural and other ties between them. The article emphasizes the role of sovereign independent states in maintaining stability and security in their region in the face of growing global contradictions. The importance of the political approach shared by many states to the strengthening of regional stability, called the “integration of integration”, is revealed.

Keywords: Belarusian-Japanese relations, political dialogue, humanitarian and economic cooperation, regional stability, “integration of integrations”

Беларусь показала всему миру, что суверенное независимое государство, пусть и не обладающее экономическим и военным потенциалом сверхдержав, может многое сделать для поддержания стабильности и безопасности в своем регионе в условиях обостряющихся противоречий глобального характера.

Во-первых, с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН было заявлено о необходимости расширения горизонтов региональной интеграции. Кратко: данный подход, разделяемый многими государствами мира, можно охарактеризовать как «интеграция интеграций» [2].

Во-вторых, Минск, как столица государства, считающегося «полюсом стабильности» в Европе, совершенно логично стал площадкой для обсуждения самых острых вопросов в отношениях Востока и Запада [6]. Результативность переговоров «нормандской четверки» подтвердила правильность такого выбора.

В-третьих, призыв Беларуси к мобилизации усилий мирового сообщества против угроз терроризма, нелегальной миграции, ухудшения социально-экономической ситуации нашел самый живой отклик и поддержку на всех континентах.

Поэтому вполне закономерным является укрепление взаимоотношений Беларуси со странами – членами БРИКС, ШОС, АСЕАН, МЕРКОСУР. Стоит отметить получение нашей страной в 2016 г. статуса наблюдателя в Ассоциации карибских государств и ШОС. За этим стоит прагматичный интерес – содействие решению задачи расширения присутствия на рынках стран «дальней дуги».

Так, уже налажено взаимодействие с недавно созданным Банком развития БРИКС в целях привлечения финансирования проектов в Китайско-Белорусском индустриальном парке. В прошлом году Беларусь впервые приняла участие в Саммите «16+1» (страны Центральной, Восточной Европы и Китай), прошедшем в Риге. Ключевая цель, преследуемая нашей страной при обсуждении вопросов повестки Саммита, – доказать партнерам выгоду использования транзитного потенциала Беларуси, в том числе при реализации инициативы Шелкового пути, привлечь их внимание к возможностям, открывающимся для инвесторов в Китайско-белорусском индустриальном парке.

Несмотря на сохраняющееся разногласие с ЕС по отдельным темам, в целом диалог вошел в конструктивное русло. Важным практическим достижением стала отмена Евросоюзом в 2016 г. количественных ограничений на импорт белорусских текстиль-

ных изделий и одежды, действовавших с 1993 г. Находит понимание в странах ЕС намерение Беларуси ускорить процесс вступления в ВТО.

Участие Беларуси в ЕАЭС помимо укрепления торгово-экономических связей в рамках Союза позволяет успешно решать задачу по открытию рынков третьих стран для наращивания белорусского экспорта. Ведутся переговоры по заключению торговых соглашений с Китаем, Израилем и Ираном. В ближайшее время стартуют переговоры с Индией, Египтом, Кореей и Сингапуром. Таким образом, создаются дополнительные благоприятные условия для роста и диверсификации экспорта, привлечения инвестиций.

Благодаря совместным усилиям союзной «пятерки» уже сегодня мы имеем возможность беспопытного ввоза на вьетнамский рынок широкого спектра продукции наших экспортеров в рамках соглашения о свободной торговле, заключенного между ЕАЭС и Вьетнамом. Важный аспект – продукция, произведенная на совместных предприятиях во Вьетнаме, имеет свободный доступ на рынки других государств–членов АСЕАН, в том числе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин.

В результате решается стратегическая задача значительного укрепления наших позиций в Юго-Восточной Азии, в том числе с задействованием оси «АСЕАН – Япония». В современных условиях неопределенности экономической ситуации в Китае, обострения территориальных споров в регионе Южно-Китайского моря данное направление относится к числу ключевых на мировой политической арене.

Названные обстоятельства определяют наш интерес к переходу к качественно новому уровню сотрудничества с Японией, Страной Восходящего Солнца, как ее назвал более 1400 лет назад японский принц-регент Шотоку [10].

Может показаться удивительным, но белорусско-японские связи имеют давнюю историю. В их становлении большую роль сыграла деятельность на посту первого российского консула в Японии (1858–1865) нашего соотечественника, уроженца деревни Гошки Речицкого уезда Иосифа Антоновича Гошкевича.

Иосиф Антонович, имея богословское образование, во время 10-летней духовной миссии в Китае изучал китайский и японский языки, восточную философию, естественные науки, был выдающимся востоковедом. Крупным вкладом И. А. Гошкевича в науку являются первый японско-русский словарь, трактат «О корнях японского языка».

По инициативе консула в городе Хокодатэ на острове Хоккайдо были открыты школы русского языка, фотографии, издана русская азбука для японцев. В построенной при консульстве больнице малоимущие японцы могли бесплатно получать медицинскую помощь. Последние годы жизни выдающийся сын белорусского народа провел на родной земле в имении Мали неподалеку от Островца Гродненской области. В Островце и Хокодатэ И. А. Гошкевичу установлены памятники, его именем названы улица в Минске, залив в Японском море [3].

В XX в. весомый вклад в развитие белорусско-японских общественно-политических связей внесли профессиональные союзы. За шесть лет (1965–1970) белорусские профсоюзные организации приняли около 20 японских делегаций. Руководитель одной из японских делегаций Х. Суэтонси так оценил гостеприимство белорусского народа: «От японских профактивистов, побывавших ранее в Минске, мы слышали, что здесь встречают очень тепло. И это полностью подтвердилось. Нас встречали по-братски. Мы чувствуем себя в вашем городе, как дома» [1].

Не осталось незамеченным плодотворное сотрудничество городов-побратимов – Минска и Сендая. В 1980 г. нашей республике было доверено сформировать программу дней советской культуры в Японии. Тогда в состав делегации вошли представители Белорусского общества дружбы, фольклорного ансамбля из Гродно. А уже в 1982 г. в Японии прошли дни белорусской культуры, гвоздем которых стали выступления танцевального ансамбля «Хорошки».

Четкое следование Беларуси Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека, приверженность соблюдению нерушимости границ и другим общепринятым принципам позволило нашему молодому независимому государству завоевать высокий автори-

тет на международной арене и установить дружественные отношения со многими странами.

Япония – одна из первых (28 декабря 1991 г.) признала Республику Беларусь, а уже 26 января 1992 г. между государствами были установлены дипломатические отношения. В январе 1993 г. в Минске начало работу японское посольство, а в июне 1995 г. в столице Японии – белорусское.

Важным событием, придавшим значительный импульс развитию белорусско-японского сотрудничества во всех областях, стал визит Президента Республики Беларусь, Главы Национального олимпийского комитета Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Японию в феврале 1998 г. для посещения зимних Олимпийских игр в Нагано.

Говоря об уровне торгово-экономического сотрудничества, всегда приводим статистические данные о товарообороте. В 1995 г. он составлял 21,7 млн долл. США, а в 2007 г. достиг максимального значения – 322,3 млн долл.

Впервые, преодолев в 2011 г. рубеж в 10 млн долл., объем белорусского экспорта в Японию в последние пять лет сохраняется примерно на этом уровне (в 2016 г. – 11,9 млн долл.). Кроме калийных удобрений, занимающих львиную долю в нашем экспорте в Японию, у японских потребителей пользуются спросом белорусские лазерные и оптические и измерительные приборы, стекловолокно, молочная продукция.

Очевидно, что экспортный потенциал используется далеко не полностью. Приведу такие цифры: в 2016 г. экспорт Литвы в Японию составил 130 млн евро, Чехии – 840 млн евро [15]. Есть над чем задуматься. Нам явно не хватает высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью, которые были бы широко востребованы не только на традиционных рынках СНГ, но и стран относящихся к ведущим мировым производителям таких товаров, в том числе японском.

Поэтому в первоочередной повестке дня – создание в Беларуси новых экспортоориентированных предприятий за счет собственных ресурсов или иностранных инвестиций. Опыт взаимодействия с Японией в этом есть. Пик деловой активности японских

компаний в нашей стране пришелся на 2010–2011 гг., когда в белорусскую экономику из Японии поступило свыше 37 млн долл. инвестиций.

С участием японского капитала на ОАО «БМЗ» планируется наладить производство труб нефтяного сортамента, на ОАО «Гродно Азот» – аммиака и карбамида. Прорабатывается создание предприятия по выпуску видеочипов в белорусско-японской промышленной зоне в Могилевской области.

В современных условиях измерять эффективность международного сотрудничества одним лишь товарооборотом неверно, тем более с такой страной, как Япония. Приоритетным направлением работы должен стать поиск и использование точек взаимного интереса в сфере науки и технологий. У нас есть разработки мирового уровня, например, в здравоохранении, которые белорусские и японские ученые могли бы совместно развивать и продвигать в качестве коммерческих продуктов. Объединенными усилиями можно реализовывать самые смелые проекты, даже те, которые сегодня кажутся фантастическими.

Отмечу, что за последнее время одна из крупнейших сделок стоимостью 900 млн долл. была заключена в 2014 г. между японской компанией электронной торговли Rakuten и резидентом Парка высоких технологий мобильным сервисом Viber, имеющим белорусские корни [14].

В разные годы белорусский и японский народы испытали тяжелые последствия техногенных катастроф на атомных электростанциях. Опыт оказания медицинской помощи пострадавшим от смертоносного излучения, борьбы с радиоактивным заражением, которым щедро делились японские специалисты, был успешно использован в Беларуси.

В рамках программы «Корни травы» Правительство Японии финансирует поставку оборудования в белорусские медицинские учреждения. Реализовано 37 проектов на сумму порядка 3 млн долл. [11]. Помимо правительственной помощи, на протяжении более 20 лет поддержку Беларуси оказывают общественные объединения разных городов Японии. В свою очередь, Беларусь не оказалась в стороне от чужой беды после аварии на АЭС «Фу-

кусима-1». Помощь в преодолении последствий аварии оказывалась как на государственном уровне, так и по линии «народной дипломатии».

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко принял решение о выделении средств для отдыха подростков из пострадавших от стихийных бедствий территорий Японии и, начиная с 2012 г., японские школьники приезжают в Национальный детский образовательно-оздоровительный центр «Зубренок» [7]. «Такая дружественная поддержка Беларуси, как материальная, так и моральная, сыграла важную роль в процессе восстановления Японии и возрождения духа японского народа. Пользуясь случаем, Япония выражает глубокую благодарность Беларуси за оказанную помощь и внимание», – такую запись можно увидеть на сайте Посольства Японии в Беларуси [12].

В декабре 2012 г. Беларусь и Япония заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в области преодоления последствий ядерной аварии на атомных электростанциях. Делегация Фукусимы неоднократно посещала Гомель, Минск и другие белорусские города для изучения опыта Беларуси в вопросах радиационной безопасности.

В мае 2016 г. к 30-летию Чернобыльской катастрофы и 5-летию аварии на «Фукусима-1» в столичном Парке дружбы народов была совместно заложена аллея сакуры [4].

Культурные традиции Беларуси и Японии многогранны, самобытны и уникальны. В городах Беларуси и Японии нередко проводятся мероприятия, которые знакомят нас с культурными и историческими традициями белорусского и японского народов. Значимыми событиями в культурной жизни белорусской столицы являются «Неделя современного японского кино», фестиваль «Японская осень в Беларуси». 13 ноября 2015 г. на XXII Минском международном фестивале «Лістапад» диплом в номинации «За чудо веры в кино, за веру в чудо жизни» получил фильм японского режиссера Итиро Ямамото «Анохито (избранник)» [9].

Поклонникам балета хорошо известна белорусская школа, яркой представительницей которой является экс-солистка балетной труппы Беларуси Мики Ватанабе. В марте 2013 г. совместно с На-

родным артистом Беларуси Валентином Елизарьевым японская балерина приняла участие в постановке балета «Лебединое озеро» в главном театре Бунка Кайган г. Токио [13]. В ноябре 2016 г. другая японская балерина – Мики Сузуки – исполнила партию Одетты-Одиллии в аналогичном спектакле, но уже в минском музыкальном театре [8].

В Беларуси и Японии учрежден ряд организаций, таких как «Беларусь-Япония», «Белорусское общество дружбы», японская «Ассоциация дружбы и парламентских связей с Республикой Беларусь», реализующих культурные программы. В частности, Белорусское общество дружбы занимается организацией Дней белорусской культуры, выставок, реализует программы «Породненные города», «Отдых и оздоровление детей из чернобыльских районов». При содействии названных организаций в 1999 г. состоялся благотворительный гастрольный тур по Беларуси музыкально-театрального коллектива «Мандзюсяка», в 2011 г. в Гомеле представлена выставка японской культуры, традиций и быта «Планета Япония», в марте 2015 г. также в Гомеле – выставка «Тайны и сказки Японии» [5].

За почти полувековую историю сотрудничества городов-побратимов Минска и Сендая реализован целый ряд совместных проектов, обменов, культурных и гуманитарных акций. Среди наиболее значимых – установка «Часов дружбы» и посадка саженцев сакуры в Сендайском сквере Минска, проведение городскими властями Сендая благотворительных акций для пострадавших от последствий аварии на Чернобыльской АЭС, передача японскими партнерами столичным врачам медицинского оборудования, хирургических инструментов, организация для них стажировок в сендайских клиниках.

Несмотря на географическую удаленность Беларуси и Японии, потенциал сотрудничества между двумя странами неисчерпаем. У нас есть взаимное стремление к расширению экономических, научных, гуманитарных, культурных контактов. Можно с уверенностью сказать, что диалог Беларуси и Японии – это диалог друзей и партнеров. И нет поводов для сомнений, что наше сотрудничество является плодотворным.

Список использованных источников

1. Воробей, Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50–70-е гг.) / Н. С. Воробей. – Минск: Наука и техника, 1981. – 148 с.
2. Тезисы выступления заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь Рыбакова В. Б. на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Нью-Йорк, 2016.
3. Шадурский, В. Иосиф Гошкевич как символ белорусско-японского сотрудничества (к 200-летию со дня рождения известного дипломата и ученого-ориенталиста) / В. Шадурский // Журнал международного права и международных отношений. – 2014. – № 2. – С. 9–11.
4. Аллея сакуры будет заложена в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/regions/view/alleja-sakury-budet-zalozhena-v-minske-192720-2016/>. – Дата доступа: 15.03.2017.
5. Беларусь и Япония: взаимоотношения и сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/13695/20%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20.%20%20.%20%20%20%20%20%20.pdf?sequence=1>. – Дата доступа: 12.03.2017.
6. Беларусь все больше воспринимается как полюс стабильности в регионе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/belarus-vse-bolshe-voSprinimaetsja-kak-poljus-stabilnosti-v-regione-lukashenko-220086-2016/>. – Дата доступа: 10.03.2017.
7. Беларусь выделит средства на отдых японских детей в «Зубренке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://people.onliner.by/2016/07/28/zubrenok-2>. – Дата доступа: 02.03.2017.
8. Валентин Елизарьев: «В Японии не принято дарить цветы на сцене» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26053/2964890/>. – Дата доступа: 27.02.2017.
9. XXII Минский международный кинофестиваль «Лістапад» объявил призеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proficinema.ru/mainnews/festival/detail.php?login=yes&ID=190067/>. – Дата доступа: 28.02.2017.
10. Почему Япония называется Страной Восходящего Солнца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.factroom.ru/facts/48128>. – Дата доступа: 24.02.2017.
11. Программа «Корни травы – грантовая помощь для проектов по обеспечению безопасности человека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.by.emb-japan.go.jp/itpr_ru/index19.html. – Дата доступа: 17.03.2017.
12. Статья Посольства Японии в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.by.emb-japan.go.jp/itpr_ru/sakura2016_article.html. – Дата доступа: 15.03.2017.
13. Японская балерина нашла любовь в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/23377/137072/>. – Дата доступа: 27.02.2017.

14. Viber продан японцам. Что будет с белорусскими сотрудниками? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://42.tut.by/386778>. – Дата доступа: 18.03.2017.

15. Export helpdesk [Electronic resource]. – Mode of access: http://exporthelp.europa.eu/thdapp/display.htm?page=st%2fst_Statistics.html&docType=main&languageId=en. – Date of access: 15.03.2017.

Сведения об авторе:

Есин Р. О., доктор политических наук, доцент, профессор

The author Information:

Esin R. O., Doctor of Political Sciences, Docent, Professor, e-mail: ruslanjesin@gmail.com

УДК 321 (476) (470+571)

Козляков В. Е., Криштанович Л. Е.

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Kazliakou U. Ye., Krishtapovich L. Ye.

THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA: POLITICAL PRACTICE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

В статье раскрываются истоки и этапы создания, политическая практика и перспективы развития Союзного государства Беларуси и России. Авторы высказывают свое мнение относительно причин замедления темпов союзного строительства. Вместе с тем показано, что Союзное государство – эффективное интеграционное образование на постсоветском пространстве. Дается характеристика деятельности Союзного государства по укреплению безопасности двух стран, проведению оборонной политики, взаимодействию Беларуси и России на международной арене. Значительное внимание уделено вопросам белорусско-российской интеграции в экономической сфере. Анализируется динамика товарооборота, процессы подготовки и принятия союзных программ, экономическое сотрудничество регионов Беларуси и России. Подчеркивается, что любые разногласия и конфликты, возникающие в экономике, могут и должны преодолеваются путем переговоров, поиска взаимных уступок и компромиссов. Разнообразно сотрудничество двух стран в социальной и информационной сферах, культуре. На большом фактическом материале доказывается, что Союзное государство создает фундамент и формирует направления для дальнейшего укрепления и развития Евразийского союза.

Ключевые слова: глобализация, Союзное государство, интеграция, безопасность, внешняя политика, союзные программы, экономика, социальная сфера, культура.

The article reveals the origins and stages of creation, political practice and prospects for the development of the Union State of Belarus and Russia. The authors express their opinion on the reasons for the slowdown of the pace of union construction. At the same time, it is shown that the Union State is effective integration category in the post-Soviet space. The article reveals characteristics of the activities of the Union State on consolidation the security of the two countries, introduction of the defense policy, interaction of Belarus and Russia in the international arena. Significant attention is paid to the issues of Belarusian-Russian integration in the economic sphere. The dynamics of trade turnover, the processes of preparation and adoption of allied programs, economic cooperation between the regions of Belarus and Russia are analyzed. It is emphasized that any disagreements and conflicts arising in the economy can and must be overcome through negotiations, search for mutual concessions and compromises. The cooperation of the two countries in the social and information spheres, culture is diverse. On a large factual basis it is proved that the Union State creates a foundation and forms directions for the further strengthening and development of the Eurasian Union.

Key words: globalization, Union state, integration, security, foreign policy, allied programs, economy, social sphere, culture.

Глобализационные процессы, усиливавшиеся в конце XX в., привели к серьезным геополитическим изменениям. С одной стороны, глобализация способствовала интенсификации контактов между государствами, формированию единого экономического, научно-технического, социального пространства, перемещению капиталов и трудовых ресурсов, что позволило некоторым странам преодолеть социально-экономическую замкнутость, усвоить достижения научно-технического прогресса. Однако с другой – глобализация, в основе которой лежали неолиберальные установки, обеспечивала дальнейшую эксплуатацию «золотым миллиардом» сырьевых ресурсов и расширение рынков сбыта товаров в менее развитые страны, приток дешевой рабочей силы для obsługi богатого «истэблшмента». В известной степени это признает лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 г. Дж. Стиглиц, который отмечает, что «существует большой массив фактических данных и аналитических построений, подтверждающих, что глобализация усиливает экономическую нестабиль-

ность, а экономическая нестабильность способствует ослаблению чувства защищенности и увеличению масштабов нищеты» [цит. по: 1]. При этом глобализационные процессы обусловили игнорирование традиций и опыт народных культур, навязывали стереотипы потребительства в ущерб духовной жизни многочисленных этносов, прежде всего на просторах постсоветского пространства.

Распад СССР, возникновение независимых государств, провозглашение открытости экономик, приобщение к так называемым западным ценностям формировали ожидания равных возможностей включения в мировые процессы. Постоянное «жонглирование» термином «независимость» должно было стать своеобразной гарантией суверенного развития каждого государства. Однако скоро выяснилось, что подлинной независимостью может обладать только блок государств, имеющих в своем знаменателе развития одинаковые или близкие по происхождению и ментальности сущностные основы. Устремления Балтийских государств к независимости от постсоветских республик привели к сокращению местного производства, подчинению экономик и финансовых систем Евросоюзу, резкому сокращению трудовых ресурсов. Очень часто трактовка термина «независимость» сводилась к демонстрации независимости от России, хотя некоторые национальные лидеры стремились воспользоваться ее сырьевыми ресурсами и огромным потребительским рынком, но при этом твердо ориентируясь на Запад, избирая курс на вхождение в НАТО. Подобные тенденции явно проявились и в Украине.

Создание Союзного государства Беларуси и России уже в новых условиях развития экономических отношений стало объективной закономерностью. Однако его строительство оказалось делом не простым. Оно включало в себя несколько этапов. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси «в целях объединения материального и интеллектуального потенциалов своих государств для подъема экономики, создания равных условий повышения уровня жизни народов и духовного развития личности» [2, с. 294]. Согласно Договору, создавался Высший Совет, Парламентское Собрание, Исполни-

тельный Комитет. Затем, согласно Договору от 2 апреля 1997 г., Сообщество преобразовывалось в Союз Беларуси и России. «Каждое государство – участник Союза сохраняет государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность, Конституцию, государственные флаг, герб и другие атрибуты государственности», – говорилось в Договоре. Был утвержден Устав Союза Беларуси и России, в котором изложены принципы, цели и задачи Союза, уточнены полномочия и функции Высшего Совета, Парламентского Собрания и Исполнительного Комитета.

И, наконец, 8 декабря 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства. Новый документ включал в себя следующие разделы: общие положения; предметы ведения Союзного государства; принципы формирования единого экономического пространства; бюджет Союзного государства; органы Союзного государства; акты Союзного государства; заключительные положения. Договором предусматривалось принятие Конституционного акта, формирование единого экономического пространства, введение единой денежной единицы и многие другие положения [2, с. 317–338].

К сожалению, не все положения указанного Договора выполняются. Например, неоправданно затянулось разработка проекта Конституционного акта, отложено на неопределенный срок введение единой денежной единицы, выявились проблемы в формировании единого экономического пространства, а также в обеспечении равных условий и гарантий прав для деятельности хозяйственных субъектов. Есть и другие проблемы.

В чем же причины замедления темпов союзного строительства? Почему не реализуются многие положения, записанные в Договоре от 8 декабря 1999 г.?

Во-первых, в разрушении союзных органов на рубеже 1990-х гг. на фоне провозглашения независимости постсоветских республик особых проблем не возникало. Стремление новых элит поскорее дистанцироваться от союзного центра явно преобладала над стремлением сохранить устоявшиеся связи. Предполагалось, что эти связи можно достичь (или сохранить) на двухсторонней основе. Однако любые попытки создания новых интеграционных

образований вызывали серьезные трудности, требовали различных согласований, разрешения противоречий. Подтвердилась старая истина: ломать – не строить.

Во-вторых, за пройденные годы в обоих государствах, обладающих разными масштабами, сформировались разные законодательные системы, которые с каждым годом становилось все труднее унифицировать, находить взаимоприемлемые решения.

В-третьих, за последние два десятка лет в обоих государствах сложились разные типы экономик: в России стал явно доминировать частный сектор, а в Беларуси значительная часть предприятий находится в государственной собственности. Соединить частный интерес с государственным не всегда удается, тем более в разных государствах с разными системами законодательства.

В-четвертых, проявилась определенная незаинтересованность части политических элит в обоих государствах, чтобы над их высшими государственными органами возвышались какие-либо надгосударственные, союзные структуры.

В какой-то степени указанные причины сказываются и на периодичности проведения заседания союзных структур. Однако многие вопросы решаются в рабочем порядке. Например, во второй половине 2016 г. планировался Совет Министров, но по разным причинам он не состоялся. Там была большая повестка дня – около 27 вопросов. Почти все сейчас решены в рабочем порядке. С Высшим госссоветом то же самое. В рабочем порядке решаются несколько важных вопросов, в том числе и в отношении союзного бюджета. Разумеется, на таком фоне появляются различные скептические высказывания относительно существования Союзного государства.

И все же, несмотря на скептические мнения, Союзное государство показало себя в качестве наиболее эффективного интеграционного объединения на постсоветском пространстве, о чем не раз говорили Президент России В. Путин и Президент Беларуси А. Лукашенко. На недавней апрельской встрече 2017 г. двух президентов была высказана твердая уверенность в дальнейшем развитии союзнических отношений. «Мы будем двигаться дальше, – заявил В. Путин, – будем укреплять союзнические отноше-

ния в рамках Союзного государства и работать над укреплением нормативно-правовой базы и над развитием Евразийского экономического союза».

Особое внимание уделяется проведению согласованной внешней политики и политики в области обороны, обеспечению безопасности Союзного государства. Эти вопросы находятся в центре внимания Высшего государственного совета, соответствующих министерств и ведомств Беларуси и России. Представители министерств иностранных дел вырабатывают согласованную позицию и координируют свои действия на международных форумах. В свою очередь, А. Лукашенко подчеркнул: «Мы действительно основное внимание уделили давно запланированному вопросу безопасности наших государств. И мы хотели бы просто сохранить стабильность России и Беларуси, уж слишком мало осталось тихих, спокойных точек на планете». Президент Беларуси выразил благодарность Президенту России за урегулирование вопросов в нефтегазовой сфере [3].

Совместная военная группировка регулярно проводит оперативно-тактические учения, а представители командования войск двух государств принимают участие в мероприятиях, проводимых их армиями раздельно. Так, главы родов войск Союзного государства периодически посещают учения, стрельбы и другие мероприятия на белорусских и российских полигонах. В настоящее время созданы совместные системы ПРО, приняты другие решения. Способствующие обеспечению безопасности двух государств.

Многогранной стала деятельность двух государств в экономической сфере. У нас выстроен прочный фундамент взаимоотношений в экономике. С 2012 по 2016 г. показатели внешней торговли Беларуси и России стали рекордными. Так, в 2012 г. взаимный товарооборот составил 43,86 млрд долл., что выше уровня 1995 г. в 8,5 раза, объем экспорта товаров из Беларуси в Россию достиг 16,8 млрд долл., превысив уровень 1995 г. в 7,7 раза.

В 2016 г. Россия традиционно сохранила лидирующее место среди торговых партнеров Беларуси: на ее долю пришлось более половины стоимостного объема внешней торговли. По итогам 2016 г. объем взаимного товарооборота составил 26,1 млрд долл.,

экспорт в Россию достиг 10,8 млрд долл., увеличившись к уровню 2015 г. на 4 %, импорт из России – 15,3 млрд долл., сократившись на 10,8 %. В 2016 г. на долю России пришлось более половины от общего объема привлеченных в Беларусь иностранных инвестиций за этот период. Каждое второе белорусское предприятие тесно связано с российскими партнерами кооперационными отношениями [4, с. 4].

Следует отметить, что тесные интеграционные связи Беларуси и России помогают уверенно пройти через нынешний непростой период, связанный с нестабильностью глобальной конъюнктуры, падением цен на энергоносители, сырье, западными санкциями. Однако, несмотря на трудности, есть надежды восстановить устойчивые темпы развития Союзного государства, вернуть взаимную торговлю на траекторию устойчивого роста. Об этом свидетельствовал бюджет Союзного государства на 2016 г. Бюджет был определен в объеме 6,6 млрд рос. руб. Расходы должны были составить не менее 4,9 млрд рос. руб. Значительная часть средств направлена на финансирование семи действующих программ. В 2016 г. начата реализация четырех новых программ. Предусматривается возможность финансирования двух дополнительных программ [5, с. 28]. Практически такие же параметры сохранил бюджет Союзного государства, принятый на 2017 г.

Задачами первых в истории Союзного государства союзных программ было финансирование производства новых изделий. Тогда были приняты программы «Союзный телевизор», «Дизель» и т. д. Но они, по признанию Государственного секретаря Союзного государства Г. Рапоты, оказались «крайне малоэффективными». Очень быстро участники процесса поняли, что за государственный счет надо финансировать не производство, а НИОКР, которые создают новый продукт. Внедрение в производство – это уже вопрос частного бизнеса, возможно, с государственной поддержкой. С начала 2000-х гг. в из союзного бюджета финансируются только программы, направленные на создание нового, инновационного продукта.

Есть проблемы в процедуре подготовки и принятия союзных программ: от момента согласования до утверждения проходит

много времени. Как заявил заместитель Госсекретаря Союзного государства А. Кубрин, подготовлены предложения по очередной корректировке порядка разработки и согласования программ. «Если нам удастся согласовать и получить от всех структур, в первую очередь от министерств финансов Беларуси и России, положительное заключение, то мы эту процедуру можем сократить в разы, – заметил А. Кубрин, – от момента появления инициативы до момента ее утверждения на Совмине она и актуальность сохранит, и будет быстро реализовываться» [6, с. 2].

Если проявить государственную заботу и внимание к широкомасштабным проектам, то и результат будет положительный. Об этом, например, свидетельствует сооружение Белорусской АЭС – одного из наших важнейших проектов. При этом объем российских капиталовложений составил около 10 млрд долл. Запуск первого энергоблока запланирован на 2018, второго – на 2020 год.

В экономическую практику Союзного государства прочно вошло сотрудничество Республики Беларусь, ее регионов с регионами Российской Федерации. Представители 40 российских областей побывали в Беларуси в 2015 г. Результатами этих визитов стали многие договоры, направленные на дальнейшее развитие сотрудничества наших предприятий. В июне 2016 г. в Минске прошел III Форум регионов Беларуси и России. В его многочисленных мероприятиях приняло участие около 620 человек из 40 регионов России, а также из всех областей Беларуси и ее столицы. Хотя III Форум регионов был посвящен социально-гуманитарным аспектам сотрудничества двух государств, вопросы экономики обсуждались горячо и заинтересованно.

В целом успешно, несмотря на возникающие проблемы и недоразумения, развиваются связи двух стран в области развития сельскохозяйственного производства. Не так давно в Беларуси прошел пресс-тур российских журналистов «Развитие агропромышленного комплекса Республики Беларусь. Опыт Минской области». Чем привлекает опыт организации сельскохозяйственного производства и животноводства в Беларуси россияне? Дело в том, что Беларусь и Россия – выходцы из одной сельскохозяй-

ственной школы, у нас похожие технологии и система машин, а также специалисты, поэтому белорусское сельское хозяйство очень напоминает российское. Не секрет, что многие граждане России хорошо знакомы с белорусской сельскохозяйственной продукцией и высоко оценивают ее качество. Некоторые эксперты считают, что белорусские продукты неплохие потому, что производятся по советским ГОСТам. Белорусы заботятся о безопасности питания и вопросах здоровья населения. Именно поэтому в России востребована белорусская мясо-молочная продукция.

Как показывает практика, в вопросах взаимной торговли, касающейся поставок белорусской продукции в Россию, как и поставок нефти и газа из России в Беларусь, могут возникать определенные недоразумения, разногласия и конфликты. Вспомним претензии, которые предъявлял Ростпотребнадзор отдельным белорусским предприятиям мясомолочного комплекса. Или разногласия по ценам углеводов для Беларуси. В условиях конкуренции спор хозяйствующих субъектов – дело обычное. Однако любые разногласия и конфликты могут быть преодолены путем переговоров, поиска взаимных уступок и компромиссов. Например, чтобы снять разногласия по поводу поставок в Беларусь российских углеводов потребовалось вмешательство руководителей наших государств. И компромиссы были найдены, о чем свидетельствует апрельская встреча 2017 г. В. Путина и А. Лукашенко. Кроме того, достигнута договоренность обсудить в целом проблемы, возникающие в промышленной и аграрной политике.

Недавно российской стороной было принято еще одно важное решение: товары белорусского происхождения, работы, услуги, выполняемые, оказываемые белорусскими лицами, смогут участвовать в тендерах госкорпораций России на тех же основаниях, что и российские. Это рынок оценивается в 150 млрд долл.

В последнее время в российской либеральной прессе все чаще стали раздаваться голоса о так называемом субсидировании Россией белорусской экономики. При этом оперируют мифическими цифрами – более 100 млрд долл. Россия вложила в развитие экономики Беларуси. Однако подобные утверждения далеки от реальности. Российский обозреватель, известный

политолог Ю. Болдырев в интернет-портале «Свободная пресса» так прокомментировал эти либеральные пассажи: «Если бы белорусам, работающим на нашем едином рынке, продавали бы газ и нефть дешевле, чем русским, тогда другое дело. Но если условия хозяйствования равные и, более того, львиную долю произведенной продукции белорусы стремятся продавать на нашем же рынке, в том числе, у нас в России, то какое же тут субсидирование? Не более чем создание равных условий». При этом российские либералы делают постоянный акцент на отсутствие в Беларуси реформ. Но каких реформ? Таких, чтобы государственные предприятия в Беларуси достались за бесценок реформаторам-«прихватизаторам». А либеральные пропагандисты при этом будут снова рассказывать о «полном крахе белорусской модели», как резонно замечает Ю. Болдырев [7, с. 2–3].

В Союзном государстве накоплен опыт согласования в вопросах социальной политики. Широкая интеграция не мыслима без создания единого рынка труда. Так, белорусов теперь принимают на работу в России по уведомительному принципу: разрешение от миграционной службы получать теперь не нужно. В результате только в январе–апреле 2016 г. с гражданами Республики Беларусь заключено 16,2 тыс. трудовых контрактов. Белорусы, приезжающие теперь в Россию, не заполняют миграционной карты. Этого не требуется [8, с. 40].

Согласно закону, принятому Госдумой России 22 декабря 2015 г., белорусам разрешено не сдавать русский язык и историю России для получения вида на жительство или на временное проживание в России. По словам Президента В. Путина, «принципиальное решение было принято, учитывая особый характер белорусско-российских связей». На белорусов, работающих в России, в полной мере распространяются и другие социальные гарантии: право на пенсионное обеспечение по старости (возрасту) и инвалидности, по случаю потери кормильца, социальных пенсий. Аналогичные гарантии и права существуют и для россиян, проживающих и работающих в Беларуси.

С марта 2008 г. действует соглашение между правительствами Беларуси и России о порядке оказания медицинской помощи

гражданам двух государств. Соглашение закрепило равные права на получение медицинской помощи, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения для граждан обоих государств, постоянно проживающих на основании вида на жительство на территории сторон, а также для Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трех степеней. Наши законодатели сделали все для того, чтобы белорусы и россияне чувствовали себя как дома на всей территории Союзного государства.

Успешно в рамках Союзного государства осуществляется интеграция в сфере образования. Россия и Беларусь взаимно признают документы о базовом общем, начальном (среднем) профессиональном образовании, дипломы вузов, в том числе бакалавра и специалиста. Существенный вклад в образование нового поколения вносят и сами вузы. В Минске с участием Союзного государства открыт филиал Российского государственного социального университета, успешно работает и Минский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. В Могилеве в стенах Белорусско-Российского университета обучается на бюджетной основе свыше 7 тыс. студентов.

Развиваются и межвузовские связи двух стран. Так, у Белорусского национального технического университета (БНТУ) сложились тесные творческие связи с Нижегородским техническим университетом, Московским инженерно-физическим институтом, Ижевским государственным техническим университетом. БНТУ активно сотрудничает со многими учебными и научными центрами Российской Федерации. В настоящее время в БНТУ действует 42 договора о научно-техническом сотрудничестве с вузами и научными центрами России [9, с. 32].

С 2012 г. БНТУ проводит у себя форумы проектов программ Союзного государства, итоги которых получили высокую оценку научной общественности. Такие форумы очень нужны, ведь у нас действительно очень много талантливой молодежи, стремящейся реализовать свои конструктивные идеи. Союзное государство поддерживает молодежь и выстраивает траекторию для внедрения в производство проекты молодых людей.

Недавно президиум Научно-консультативного совета Парламентского Собрания Беларуси и России с представителями

общественности обсудил вопросы формирования единого общеобразовательного пространства Союзного государства. Участники заседания сошлись в необходимости провести инвентаризацию законодательных и нормативных актов в образовательном и трудовой сферах, а также приняли решение предложить союзным парламентариям внести на рассмотрение в профильные министерства вопрос об унификации правил приема в высшие учебные заведения России и Беларуси, что не только ускорит процесс формирования единого общеобразовательного пространства двух стран, но и будет способствовать обеспечению равных прав граждан Союзного государства [10, с. 1].

Чрезвычайно богато и разнообразно сотрудничество двух стран в области культуры. Здесь и проводимые в рамках Союзного государства фестивали, гастролы творческих коллективов, спортивно-туристические мероприятия, в которых ежегодно участвует до 30 регионов России и все области Беларуси. Это, разумеется, и международный фестиваль «Славянский базар в Витебске», недавно отметивший свой 25-летний юбилей. Стало доброй традицией и ежегодное проведение мероприятий, посвященных Дню единения народов Беларуси и России.

С 2004 г. по инициативе Постоянного Комитета Союзного государства, Министерства культуры России, Министерства культуры Беларуси проводятся так называемые мастер-классы ведущих педагогов России для молодых музыкантов и художников. За это время многие участники музыкальных мастер-классов стали лауреатами международных конкурсов, студентами Московской консерватории и Белорусской академии музыки, учащимися престижных колледжей. Блистательным результатом мастер-классов стало рождение в 2006 г. Молодежного белорусско-российского симфонического оркестра, концерты которого проходят с большим успехом в наших странах и за рубежом. Событием в культурной жизни Союзного государства стало создание совместного российско-белорусского фильма «Брестская крепость», получившего признание массового зрителя. Эти и другие подобные факты свидетельствуют о том, что гуманитарное взаимодействие России и Беларуси основывается на принципе вза-

имообогатения культур, направлено на сохранение и развитие самобытности наций.

Неотъемлемая часть процесса белорусско-российской интеграции – совершенствование информационной системы Союзного государства. И здесь первую скрипку играют средства массовой информации. Главной задачей которых становится оперативное предоставление информации, реагирование на актуальные события, разъяснение внутренней и внешней политики Союзного государства. Активную роль в освещении его деятельности, руководящих органов играют приложения «Союз», издаваемые газетами «СБ. Беларусь сегодня» и «Российской газетой», телерадиокомпания ТРО, журнал «Союзное государство», информационно-аналитический портал Союзного государства (Soyuz.by), официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государств, другие информационные ресурсы.

Заслуживает внимания и организация проведения информационных форумов и пресс-туров для журналистов России в Беларуси и для журналистов Беларуси в России. Такие форумы позволяют представителям СМИ из разных регионов пообщаться, обменяться информацией и почувствовать, чем живут граждане наших стран. Тем не менее нашим медийным структурам необходимо, укрепляя и совершенствуя наработанные, искать новые формы взаимодействия.

И все-таки, несмотря на масштабные проекты и реализуемые программы, многие эксперты и аналитики высказывают определенную озабоченность замедлением темпов союзного строительства. Высказываются даже мнения, что с созданием Евразийского союза роль Союзного государства снижается в интеграционных процессах. Однако подобные заявления не имеют под собой реальных оснований. Более того, Союзное государство создает фундамент и формирует направления для дальнейшего укрепления и развития Евразийского союза.

Союзное государство – это не альтернатива независимости Беларуси и России, не ущемление их суверенитета, а наоборот, такое политическое образование, благодаря которому укрепляется независимость обоих государств, осуществляется реализация

совместных национальных интересов в современном мире. Подводя итог, уместно привести слова Государственного секретаря Союзного государства Г. Рапоты: «У Союзного государства есть прошлое, которое неразрывно связывает наши народы – их историческая, кровная и духовная близость. Есть настоящее, удваивающее силы наших стран в экономическом, социальном, культурном развитии. И есть будущее, перспективы которого определяет еще более тесная интеграция, модернизация и инновационное развитие Беларуси и России». С этими словами Г. Рапоты нельзя не согласиться. Однако исторический опыт ясно доказывает, что такую драгоценность, как Союзное государство не стоит подвергать лишним испытаниям – у нас хватает и вполне объективных сложностей.

Усиление интеграции в рамках Союзного государства является объектом пристального внимания и, часто критикуется со стороны стран – соседей России и Беларуси, и особенно дальних геополитических игроков. На это есть ответ – не только деятельность по укреплению безопасности наших границ, но и мирное, единое экономическое пространство, которое нуждается в дальнейшем обустройстве. Что до пространства духовного, культурного – тут надо беречь российскую и белорусскую самобытность, ценить великую общность, изучать различия.

Список использованных источников

1. Криштапович, Л. Е. Союзное государство как национальная идея России и Белоруссии (продолжение) [Электронный ресурс] / Л. Е. Криштапович // Альманах «Вместе с Россией». – Режим доступа: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/soyuznoye-gosudarstvo-kak-natsionalnaya-ideya-rossii-belorussii-prodolzheniye. – Дата доступа: 30.03.2017.

2. К единому государству: о создании российско-белорусского Союзного государства / под ред. С. В. Осипова и С. Н. Бабурина. – М.: РАДОН-ПРЕСС, 2001. – 360 с.

3. Встреча Президентов: проблемные вопросы сняты. Александр Лукашенко встретился с Владимиром Путиным: итоги // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 4 апр. – С. 1.

4. Макей, В. На службе народа и государства / В. Макей // Беларуская думка. – 2017. – № 4. – С. 3–13.

5. Чумаков, В. Программы-максимум / В. Чумаков // Союзное государство. – 2016. – № 3. – С. 28.

6. Никитин, Е. Время реализации союзных программ может сократиться в разы: интервью заместителя государственного секретаря СГ Алексея Кубрина / Е. Никитин // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 12 окт. – С. 2.

7. Болдырев, Ю. Белоруссию выталкивают из Союза с Россией [Электронный ресурс] / Ю. Болдырев // Свободная пресса. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/168117/>. – Дата доступа: 13.03.2017.

8. Дроздов, А. Корни и кроны / А. Дроздов // Беларуская думка. – 2016. – № 7. – С. 38–45.

9. Козляков, В. Е. Молодежные программы Союзного государства / В. Е. Козляков // Тр. БГТУ. – 2015. – № 8 (181). – С. 31–34.

10. Союзные парламентарии обсудили вопросы формирования единого образовательного пространства Беларуси и России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. – Режим доступа: <http://www.postkomsg.com/news/politikaekonomika/210403>. – Дата доступа: 23.09.2016.

Сведения об авторах:

Козляков В. Е., доктор исторических наук, профессор

Криштанович Л. Е., доктор философских наук, профессор

The authors Information:

U. Ye. Kazliakou, Doctor of History, Professor, e-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

L. Ye. Krishtapovich, Doctor of Philosophy, Professor, e-mail: levkrishtapovich@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
-----------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Решетников С. В. Историкографический обзор процессов развития предметных полей политических исследований на кафедре политологии БГУ	5
Решetnikov S. V. Historiographical review of the political research fields development at the Department of Political Science of the Belarusian State University.....	5
Ватыль В. Н. Глобализация и региональная интеграция как основные тренды современных мирополитических процессов: обновление исследовательских подходов.....	23
Vatyl V. N. Globalization and regional integration as the main trends of modern world political processes: updating research approaches	23
Михайловский В. С. Марксистские проекты общественного устройства: сравнительный анализ.....	37
Mikhailouski V. S. The variety of Marxism projects of social order	37
Слущкая Л. В. Страх как инструмент возрождения авторитаризма ...	48
Slutskaya L. V. Fear as a tool for reviving authoritarianism	48
Антанович Н. А. Теоретические и прикладные аспекты технологий организации отношений с органами государственной власти (GR-деятельности)	59
Antanovich N. A. Theoretical and applied aspects of Government Relations (GR).....	59

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Абсагтаров Р. Б. Этнополитические противоречия в обществе: проблемы и суждения	73
Absattarov R. B. Ethnopolitical contradictions in society: problems and judgments	73
Земляков Л. Е., Шерис А. В. Влияние религиозного фактора на политическую жизнь в современной Беларуси	87
Zemlyakov L. E., Cheris A. V. The influence of the religious factor on the political life in present-day Belarus	87

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СФЕРЕ

Зендер В. Правительственные отношения в Германии и Европейском союзе: тенденции, опыт, основы и импульсы для Республики Беларусь	100	Sender W. Governmental relations in Germany and the European Union: Trends, experiences, fundamentals and impulses for the Republic of Belarus.....	100
Кизима С. А. Беларусь – ЕС: проблемы и перспективы развития отношений	115	Kizima S. A. Belarus – European Union: problems and prospects for development of relations.....	115
Есин Р. О. Беларусь – Япония: новые возможности в новых региональных условиях	124	Esin R. O. Belarus – Japan: new opportunities in new regional conditions.....	124
Козляков В. Е., Криштапович Л. Е. Союзное государство Беларуси и России: политическая практика и перспективы развития.....	133	Kazliakou U. Ye., Krishtapovich L. Ye. The Union State of Belarus and Russia: political practice and prospects of development.....	133

Научное издание

**ПОЛИТОЛОГИЯ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ**

Сборник научных трудов
Евразийского собрания политологов

Основан в 2018 году

Выпуск 1

Редактор *О. Н. Масухранова*
Художественный редактор *И. Т. Мохнач*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,72. Уч.-изд. л. 7,5.
Тираж 100 экз. Заказ 112.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельства о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.